

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения по иранистике)

Часть II

Москва 1982 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения по иранистике)

Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982 г.

Редакционная коллегия:

**П.А.Грязневич, Г.А.Зограф, Е.И.Кичанов,
Ю.А.Петросян (председатель), Э.Н.Темкин**

Ответственные редакторы:

О.Ф.Акимущин, З.Н.Ворожейкина, А.З.Розенфельд

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Литературоведение

	стр.
Предисловие	5
А.Н.Боддырев. Разговор Искандера с птицами	6
А.Н.Боддырев. У истоков "индийского" стиля	12
Е.И.Васильева. О жизни Мастуре – курдской поэтессы и историографа	16
З.Н.Ворожейкина. Фольклорные модели в персидских любовных четверостишиях XII века	21
Г.Галимова. Об одной приписке на полях рукописи	25
А.Л.Гринберг. Белуджская легенда о Шададе и Маназ	28
Л.Н.Додхудоева. Литературный васф и его живописные соответствия	32
Ж.С.Мусаэлян. Тематика курдских народных лирических песен из рукописного собрания А.Д.Жабы	34
Р.Мусульманкулов. Средневековые специалисты об авторитете литературного критика	38
Х.Н.Ниязов. "Квинтэссенция тайн" как памятник иранского средневековья	41
А.З.Розенфельд. С.Айни о лексике "Шах-наме" Фирдоуся	45
И.М.Стеблин-Каменский. Еще раз о первой публикации вахан- ского поэтического фольклора	49
Н.Н.Туманович. К вопросу о сложении повести "1001 день" ...	52
Дж.Хайдари. Рассказ курдского писателя Ибрагим Ахмеда о Великой Отечественной войне советского народа	57
З.А.Дзупова. Курдские варианты "Сказки о царе Салтане" ...	59
О.П.Щеглова. Литографские издания пьес Ахундова в Иране	63

Языкознание

С.И.Баевский. "Фархангнаме-йи Фирдауси"	66
М.Н.Боголюбов. Персидские "māgTr" и "mār"	68
М.Н.Боголюбов. Захак и Ажи Дахака	71
Р.Джураев. О функциях слова "maḡar" в языке дари Афганистана	78

Д.Карамшов. Обозначение родовыми формами объема предмета в памирских языках	81
Г.П.Михалевич. Нефрит или яшма? (о слове "яши" в персидском языке)	83
С.Н.Соколов. Славянское шество - авестийское шаб ана ...	87

История. Источниковедение

О.Ф.Акимюшкин. Второй список исторического труда Будака Мунши Казвини "Джавахир ал-ахбар"	90
Р.А.Абдумуратова. "Тарих-и Ал-и Музаффар" Махмуда Кутуби как источник по истории Музаффаридов	95
Ч.Г.-А.Байбурди. Автограф дневника Бухарского принца эмира Нисир ад-Дйна	100
Е.С.Баевская. Редкая рукопись этнографического содержания	103
Н.Е.Васильева. О зарисовках иранских древностей, выполненных Кер Портером	106
О.И.Галеркина. О рукописи № 407 из собрания Матенадарана..	110
А.И.Колесников. "Шах-наме" Фирдоуси как источник по истории завоевания арабами Сасанидского Ирана	114
Г.И.Костыгова. Персидские рукописи в собрании академика И.Д.Крачковского	117
К.К.Курдоев. К истории курдской периодической печати (газета "Курдистан")	119
Н.Д.Дужецкая. К вопросу о датировке некоторых событий политической истории Бадахшана первой половины XIX века	125
И.К.Павлова. К вопросу об отмене тамги на глиняный шелк шахом Сафи I	129
И.К.Павлова. Восстание Дервина Ризы в Казвине	133
М.А.Салахетдинова. "Зафар-наме" Муками	136
Л.П.Смирнова. Тегеранская рукопись "Аджа'иб ад-Дунья" ...	139
О.И.Смирнова. Загадочная надпись на монетах из Варахи ...	143
О.И.Смирнова. К методике перевода средневековых историко-графических сочинений ("История Бухари" Наршахи)	145
А.Т.Тагирджанов. Рукопись поэм Аттара в собрании Библиотеки Восточного факультета ЛГУ	150

ПРЕДИСЛОВИЕ

В статьях представленного сборника рассматривается широкий круг проблем иранистики. В них наряду с исследованием разнообразных конкретных проблем ставятся и вопросы теории. Статьи посвящены истории иранских языков и диалектов, фольклору и литературе, собственно истории и истории культуры, источниковедению и историографии, теории литературы и поэзии народов Афганистана, Ирана, Курдистана, Таджикистана и Средней Азии. Они опираются на доклады, приуроченные к семидесятилетию выдающегося советского ираниста, доктора филологических наук, профессора кафедры Иранской филологии Восточного факультета Ленинградского Государственного университета им. А.А.Жданова Александра Николаевича Болдырева.

Редколлегия

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А.Н.Болдырев

"РАЗГОВОР ИСКЕНДЕРА С ПТИЦАМИ"

Рассказ о царствовании Искендера ("Роман об Александре") в "Шахнаме" Фирдоуси дополнен рядом эпизодов, отсутствующих как в греческом первоисточнике ("Псевдо-Каллисфен"), так и в известных нам его ранних восточных обработках - сирийской, древнеармянской, эфиопской. Таковы разделы "Посещение Искендером Ка'бы" (и дальнейшие его походы в Миср и Йемен), "Поход за живой водой", "Поход в страну Яджудей и Маджудей", "Сны Кейда царя Каноджа". Если Ф.Шпигель - первый исследователь, обративший внимание на эти дополнения, еще называл их обобщенно "своеобразными восточными выдумками" ("eigentümliche orientalische Erfindungen"¹), а С.Ф.Ольденбург обнажил индийские корни "Снов Кейда"², то Е.Э.Бертельс уже вполне определенно говорит о добавлениях двух видов: 1) "иранские предания, помещенные в начале" /повествования/ - (речь идет о протоиранской версии происхождения Искендера) и 2) "несколько легенд уже мусульманского происхождения, таких как рассказ о поездке к Ка'бе и о фантастической встрече с ангелом Исрафилом, помещенный в конце повествования"³.

Эпизод "Встреча Искендера с ангелом Исрафилом" является заключительной частью небольшого раздела, повествующего о разговоре Искендера с фантастическими птицами, который в свою очередь замыкает изложение легенды о встрече Искендера с Хызром и поисках живой воды в подземном мраке⁴.

Если сюжеты "Поиска живой воды" и "Встреча с Исрафилом" (названия условны) отсутствуют в греческом первоисточнике, то сюжетная основа "Разговора Искендера с птицами" наличествует в нем, а также в старых версиях – сирийской, древне-армянской и эфиопской⁵: Александр видит нескольких странных летящих птиц, одна из них (вариант: сперва одна, затем другая) обращается к нему на греческом языке, сурово напоминая ему о тщете и призрачности его земных успехов. Заимствуя эту сюжетную основу, Фирдоуси переработал ее – монолог птиц превращен в диалог между одной птицей и Александром, с удивительной реалистичностью изображено⁶ поведение птицы на сандаловом столбе и, главное, в вопросах птицы и ответах Искендера тема бренности мира изложена в аспекте мусульманской эсхатологии – жизнь как преддверие сурового дня, возвещаемого ангелом Исрафилом.

ПОДСТРОЧНЫЙ ПЕРЕВОД ЭПИЗОДА:

1. Скендер вышел на свет /из подземного мрака/
Увидел сверкающую гору,
В вершину горы вбиты столбы,
Верхушкой в облаках, из драгоценного дерева,
На каждом столбе большое гнездо,
Сидят в нем огромные зеленые птицы,
Голосом румийским заговорили,
Миродержца победоносного⁷ позвали.
5. Услышав голос, Кесарь пошел,
К птицам приблизился поспешно.
Сказала ему птица: "О ты, возлюбленный страдания!
Чего ты хочешь от этого бренного мира?
Ведь если ты даже до высокого неба достанешь головой,
Все равно вернешься обратно неимущим.
8. /Но/ коль скоро пришел ты /сюда, скажи/: приходилось
ли тебе видеть прелюбодейство,
Или же из золотого кирпича сделанное здание?
Такой дал ответ /Искендер/: "И то и другое бывает –
/И/ прелюбодейство и такого рода местожительство"
10. Услышав ответ, /птица/ села ниже,⁸
Дивился тому муж язданопоклонник

Спросила [птица]: "На свете звук арфы
Слышал ли ты и пение пьяное и песни?"

Так ответил [Искендер]: "Тех, кто в жизни не
пользуется радостью,
Таких [людей] не назовут радостными,
Если даже они душу и сердце свое выложат"

[Птица] спустилась на землю с высокого столба,
Столб остался без той разноцветной⁹ птицы.

15. Спросила [птица]: "Мудрости и праведности
Больше [на свете] или малости и уменьшения?"

Так ответил [Искендер]: "Любознательный
Возвышен среди тех и других".

На столб [снова птица] влезла с черной земли,
Клювом когти почистила,

У кесаря спросила: "Язданопоклонник
В стране твоей обитает ли в горах?"

Ей ответил [Искендер]: "Когда человек очистится,
Не обретает молящийся кроме как в горах места".

20. Со столба вопрошающая [птица] пересела в гнездо -
Мироискательна, тепла духом и радостна,

Когтями точила клюв,
Обретая спасение от воздаяния и воскресения из мертвых.

Приказала Кесарю, чтобы он без людей,
Пешком влез на вершину горы,

Поглядел бы, что есть такое на вершине горы,
Такое, от чего радостному надлежит заплакать.

Услышав [это], Искендер пошел к горе,
Чтобы увидеть взобрался на вершину без людей.

25. Увидел там Серафила с трубой в руках,
Поднявшим голову кверху.

Губы надуты, глаза полны влаги
В ожидании приказа Яздана: "Труби!"

Увидев Искендера на горе,
Подобно грому громкому возгласил:

"О раб стяжания, не тщиь,
Наступит день, когда услышишь глас:

- Не трудись ради венца и престола,
Приготовься к уходу и увяжи пожитки! -"

30. Так отвечал ему правитель:

"Такое мне досталось от судьбы,

Что кроме скитаний в миру
Не вижу ничего из явного и тайного".

С той горы /Искендер/ спустился, стная,
Восхваляя /Господа/ дарителя благ.

В данном контексте только один бейт представляет некоторые трудности для понимания и соответственного отбора предпочтительных чтений. Это бейт 8-ой ("Ho/ коль скоро пришел ты..."), по счету приведенного выше перевода, и бейт 1381 по счету упомянутого московского издания (т. УП, стр. 82):

کنون کامدی هیچ دیدی زنا
وگر کرده از خشت پخته بنا

Перевод:

/Ho/ коль скоро пришел ты /сюда, скажи/,
приходилось ли тебе видеть прелюбодейство,
Или же¹⁰ из женого кирпича сделанное здание?

Это чтение полностью поддержано и арабским переводом Бундари: "هل حدث الزنا وهل استعمل الآجر في البناء" ("Разве не случается прелюбодейство и разве не применяется жженный кирпич в здании?").

При всей формальной грамматической и логической правильности, бейт этот в таком виде по существу лишен смысла, поскольку остается неясным соотношение членов биннома "прелюбодейство - кирпич" в контексте разговора Искендера с птицей.

Из других существующих разночтений (напр., زنی - تنی, московского издания) продуктивно лишь разночтение زرين вместо پخته предлагаемое иранским изданием Са'ида Нафиси (т. УП, стр. 1889, б. 1407). В этом случае ("... не приходилось ли тебе видеть прелюбодейство или же из золотого кирпича сделанное здание?") сопоставление поэтом понятий "прелюбодеяние" и "здание

из золотых кирпичей" совершенно осмысленно, будучи поэтической парафразой известных стихов 17-ой "этико-дидактической" суры Корана, содержащей энергичное осуждение некоторых тяжких, по мнению Мухаммеда, грехов, в том числе прелюбодеяние (стих 34: "И не приближайтесь к прелюбодеянию, ведь это мерзость и плохая дорога". Перевод И.Д.Крачковского, Коран, стр.223) и расточительство (стих 28-29: "... и не расточай безрассудно - ведь расточители братья сатаны..."). В нашем контексте расточительством является сооружение пышных зданий ("из золотого кирпича" - у Фирдоуси и "из золота" в Коране¹¹).

Отвечая на этот вопрос птицы, Искендер вынужден признать наличие этих грехов на свете. Далее Искендер признает существование пьянства и разгула (второй вопрос), мирской, т.е. суетной, гносеологии (вопрос третий) и в противоположность ей - праведного богоискательского аскетизма (вопрос четвертый). Завершается эпизод явлением Исрафила - ангела, возвещающего конец мира, апофеозом мусульманской эсхатологии. Влияние Корана можно, вероятно, видеть и в том, что Фирдоуси, перерабатывая сюжет, сохранил в качестве действующего лица чудесную птицу, поскольку такая птица имеется в Коране. Это таинственная птица ("таир"), "признак судьбы по представлениям арабов", (И.Д.Крачковский, Коран, стр. 558), которую Аллах прикрепляет к шее каждого верующего (сура 17, стих 14).

"Разговору Искендера с птицами" предшествует рассказ о встрече Искендера с брахманами ("голыми мудрецами" - гимнософистами в греческом первоисточнике), где также путем ответов выясняются нижеследующие фундаментальные жизненные вопросы:¹²
Какими земными благами пользуются брахманы? (ответ: никакими).
Чего на свете больше - явного или скрытого и кого на свете больше, живых или мертвых? (ответ: скрытого и мертвых).
Чего на свете больше, воды или суши? (ответ: "вода бережет сушу", т.е. видимо, воды больше).
Кого можно считать бодрствующим и кто на земле грешник, неизвестно для чего существующий? (ответ: бодрствующий тот, у кого меньше всего мирских благ, а наиболее греховен тот, чей разум затемнен ненавистью и стяжанием).
Кто владеет нашими душами? (ответ: алчность).
Какова сущность алчности, когда избыток ее плачевен? (ответ: алчность и нужда - это два дэва, порождающие дэвов, и т.д.).

Из этих вопросов два непосредственно ("чего на свете больше?") присутствуют в греческом первоисточнике. Остальные, не-

сомненно связанные с зороастрийской традицией ("Авеста - Явишт из рода Фрияна"¹³), носят, сравнительно с вопросами и ответами "Разговора с птицами", явно "языческий, неправоверный" характер, очень далекий от духа исламской догматики. Их даже можно принять за некую апологию брахманизма, зиндикства и т.п.

Соответственно можно думать, что Фирдоуси (именно он, а не его неизвестный нам непосредственный, возможно пехлевийский, первоисточник), вообще насытивший эту часть "Повести об Искендере" исламской тематикой, задумал эпизод "Разговор Искендера с птицами" в качестве некоего мусульманского противовеса "Разговору Искендера с брахманами".

Погружаясь в мир старо-иранских преданий и зороастрийских традиций, Фирдоуси, как видим, еще до окончания "Шахнаме" был весьма озабочен сохранением своей мусульманской репутации в глазах читателей и слушателей поэмы. Это обстоятельство в значительной мере усиливает вероятность известного предания о том, что Фирдоуси в конце жизни столкнулся с необходимостью предпринять гораздо более серьезную - для него, несомненно, и трагическую - попытку доказать свое правоверие сочинением поэмы "Дсуф и Зулейха" на благочестивый коранический сюжет¹⁴.

¹ F.Spiegel. Die Alexandersage bei den Orientalen. Leipzig, 1851.

² С.Ф.Ольденбург. Сны Кейда, царя Каноджского, и сны царя Шахаиши. Сборник в честь Вс.И.Срезневского. Петроград, 1919.

³ Е.Э.Бертельс. Низами и Фузули. М., 1962, стр. 347.

⁴ "Шахнаме". Критическ. текст, т.УП. Москва, 1968, стр.80, след.; разделы 34, 35.

⁵ E.A.Wallis Budge. The history of Alexander the Great, being the Syriac version of the "Pseudo-Callisthenes". Cambridge, 1889. The romance of Alexander the Great by Pseudo-Callisthenes translated from the Armenian Version with an Introduction by Albert Mugrdich Wolohojian. New-York. London, 1969. Leben und Taten Alexanders von Makedonien. Der griechische Alexanderroman nach der Handschrift I herausgegeben und übersetzt von H. von Thiel. Darmstadt, 1974. Der Brief Alexanders an Aristoteles über die Wunder Indiens. Sinoptische edition herausgegeben von M.Feldbusch, 1976.

6 Птица во время разговора прыгает по столбу, чистит клюв коготками и проч. Вряд ли эти подробности были в нарративном источнике Фирдоуси.

7 Т.е. Искендера.

8 Т.е. Искендер.

9 Выше, б.3, было сказано, что птица зеленая.

10 Несколько случаев такого значения для *وگر* и *گر* в языке "Шахнаме" отчетливо зарегистрировано в словаре Вольфа.

11 Стих 95, в переводе И.Ю.Крачковского "дом из золотых украшений" (*بيت من زخرف*), тогда как в словаре Гиргаса первое - здесь более подходящее - значение просто "золото". Построить "дом из золота" - в Коране одно из нелепых, преувеличенных требований, предъявляемых Мухаммаду его противниками.

12 "Шахнаме", Московск. изд., VII, стр. 64, раздел 28.

13 *Adr.Barthélemy. Une légende iranienne traduite du Pehlevi. Paris, 1888,*

14 Ср. А.Т.Тагирджанов. К вопросу о принадлежности поэмы "Йусуф и Зудайха" Фирдоуси и ее связи с "Шахнаме". Востковедение 6. Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 401. Серия востоковедческих наук, вып. 22, 1979, стр. 95.

А.Н.Болдырев

У ИСТОКОВ "ИНДИЙСКОГО СТИЛЯ"

Многие исследователи творчества Хусрава Дехлеви отмечали его новаторство в области поэтического стиля. Так, по мнению Шибли Нузмани, основанному на детальном анализе поэтической техники Хусрава, "...табъи бузаламуни Амир дар ҷиддати услуб ҳазорон пиرويай тоза ва нав падида оварда, ки ба хоби қудамо ҳам наомадааст"¹ (... "многообразный талант Амира Хусрава породил в области обновления стиля тысячи новых украшений, которые даже не снились старым поэтам").

Многочисленные высказывания самого Хусрава не оставляют сомнения в том, что он отчетливо сознавал себя творцом новых средств художественной изобразительности, противопоставляя их традиционным, старым. Этой теме посвящены, напр., два первых раздела (хат) "третьего послания" ("рисолаи саввум") его важнейшего стиливедческого сочинения - обширного трактата "Расоил ул-

эъоз" ("Чудо-послание"), носящие недвусмысленные заголовки: первый - "Хати аввал, дар санъатҳои қадим ва тассаруф дар онҳо ба тариқи қадид" ("Раздел первый, о старых фигурах и их перестройке на новый лад"), и второй - "Хати дуввум, дар санъатҳои қадид, ки баъзе ваъзи котиб аст ва баъзе муштарак" ("Раздел второй, о новых фигурах, либо сочиненных автором, либо общих")².

Не менее важным свидетельством авторского самосознания Хусрава является раздел предисловия к третьему дивану "Туррат-ул-камол", названный "баёни санъатҳои, ки мавзуи баъда Хусрав аст" ("разъяснение фигур, сочиненных мною, Хусравом")³.

Не ограничиваясь сознательным авторским самовыражением, Хусрав рассматривал свой главный трактат, как пособие, наставление и руководство для активного распространения теории и практики нового стиля, как говорят заключительные, итоговые строки общего послесловия к трактату, написанные им в 1319 г., т.е. за шесть лет до смерти: "Тамом гафт ин панҷ рисолаи муъҷиза, ки ҳар як дебочаи корист барои хар девон ва дастурест бар қизати дасти дабирон, балки дасте ба қизати дастҳои вазирон..."⁴ ("Окончены эти пять чудотворных посланий, каждое из которых является деловым предисловием ("дебочаи корӣ") для любого дивана украшенной прозы ("иншо") и узорной парчой для записи любого дивана и руководством для руки дабиров, более того - пособием для канцелярий везиров...").

Проявление новаторско-авторского самосознания Хусрава, разумеется, не ограничивается приведенными примерами (полное их выявление - дело будущего, об этом см. ниже). Но и того, что было известно, оказалось вполне достаточным, чтобы навести некоторых исследователей на мысль о прямом отношении стилистического новаторства Хусрава к проблеме происхождения пресловутого "индийского стиля" ("сабки ҳиндӣ") средневековой персоязычной поэзии.

Едва ли не первым совершенно определенным высказыванием в этом отношении явились слова иранского литературоведа Зайн-ул-абидина Му'тамана: "Ихтилофи сабки \bar{u} бо ашъори пешиниён ва ҳатто муосирон комилан махсус мебошад. Метавон гуфт аз таҳаввул ва тақомули ин сабк ба тадриҷ сабки маъруфи ҳиндӣ ба вучуд омада аст"⁵ ("Разница между стилем Хусрава и его предшественников и даже современников совершенно очевидна. Можно сказать, знаменитый индийский стиль порожден эволюцией и постепенным развитием этого стиля"). Однако это высказывание Му'тамана, по видимому, не

было замечено специалистами. Так, для афганского филолога Рава-на Фарходи отношение Хусрава к индийскому стилю ограничивалось лишь глубоким влиянием трактата "Расоил-ул-эъюз" на последую-щую персоязычную литературу Индии ⁶.

И.С.Брагинский уже допускает значение "индийской литера-турной традиции, в частности Хусрава Дехлави в формировании ин-дийского стиля", но лишь в качестве сопричины, наряду с главным фактором - влиянием творчества Алишера Навои, согласно концеп-ции З.Г.Ризаева ⁷.

А.Т.Тагирджанов, доказывая глубокое знакомство Хусрава с индийской литературной теорией (Дандин, Маммат), выступает с безоговорочным утверждением, что поэтологическое воззрение Хус-рава и все его творчество в целом "положили основу индийского стиля, который полностью сформировался в Индии в конце XVI в., стал популярным в Индии, Иране, Средней Азии и даже Турции" ⁸. А.Г.Тагирджанов тут же перечисляет характерные, по его мнению, особенности этого стиля: высокая техника, виртуозность формы, многоступенчатые сложные образы, аллегории, фантастическое обо-снование образов, требующие расшифровки абстрактных понятий для характерных случаев, терминологическое расширение поэтического словаря. Нет сомнения в том, что эти черты действительно прису-щи "индийскому стилю", но не следует забывать, что они, в той или иной мере, присущи и тому новому для своего времени поэти-ческому стилю, который был развит поэтами XII в. Анвари, Хакани и Низами на смену старому "хорасанскому стилю". Несмотря на это, точка зрения А.Т.Тагирджанова на роль Хусрава в сложении "индий-ского стиля" представляется априорно весьма привлекательной. Однако для ее полного доказательства необходимо осуществить глу-бокий анализ поэзии и прозы Хусрава и, прежде всего, его поэти-ческих воззрений, в сопоставлении со взглядами и практикой его непосредственных предшественников - первых персоязычных поэтов в Индии Масъуда сына Саъда сына Сальмана, Абуль Фараджа Руни, Тадж-уд-дина и др., а также его преемников ⁹.

Первым этапом в этой работе неизбежно должно быть создание прочной текстологической базы, т.е. создание критического тек-ста всех подлинных стиливедческих высказываний Хусрава. Таких вы-сказываний немало. Они содержатся прежде всего, как говорилось выше, в его специальном трактате "Расоил-ул-эъюз" и в предисло-вии к дивану "Гуррат-ул-камол", а также рассеяны по многим дру-гим его произведениям ¹⁰.

Подготовленный должным образом сводный критический текст всех подобных высказываний Хусрава, а также всего трактата "Расоил-ул-эъюз" послужит надежным фундаментом для построения общей стиливедческой концепции поэта, как первого этапа большой работы по выявлению истоков "индийского стиля". Поскольку "Расоил-ул-эъюз" принадлежит к текстам высшей категории трудности, а редкие списки этого произведения рассеяны по рукописным хранилищам Азии и Европы, то такая работа под силу только коллективу специалистов, желательно коллективу международному.

¹ Шибли Нуъмонӣ. Шеър-ул-аҷам. Тарҷумаи форсӣ, ҷилди дувум. Техрон, 1339, с. 129.

² М.Бакоев, Ҳаёт ва эҷодиёти Хусрави Деҳлави. Душанбе, 1975, с. 221. Это первое в науке и наиболее подробное описание трактата, текст которого представлен в индийской литографии Лакноу, 1876 и в очень небольшом количестве списков.

³ Цитирую по рукописи из собрания Ленинградского государственного университета, № 94, л. 340-а. Полное описание этого замечательного манускрипта, датированного 885/1481 г., см. А.Т.Тагирджанов. Куллият Амира Хосрова Деҳлави, в сб. Амир Хосров Деҳлави, 1975, стр. 21-34.

⁴ Цитирую по рукописи из собрания ЛО ИВ АН СССР, № С 1091, л. 190-б, которая в данном случае дает и лучший текст сравнительно с упомянутой индийской литографией, использованной М.Бакоевым, цит. соч., стр. 223.

⁵ Зайн-ул-обидин Муътаман. Таҳаввули шеъри форсӣ. Чопи Шарқ. Техрон, 1339, с. 165.

⁶ "Ин китоб тайи қарнҳо дар Ҳинд шухрат дошт ва бар сабки нигориши дарӣ дар он кишвари паҳновар асари жарф ва қотъ дошта-аст". Равони Фарҳодӣ. Амир Хусрави Балхӣ. "Арёно", 1353, с.82.

⁷ З.Г.Ризаев. Индийский стиль в поэзии на фарси конца XVI-XVII в., Ташкент, 1971, стр. 4.

⁸ А.Т.Тагирджанов. Амир Хосров Дехлави. Вестник ленинградского университета, № 20, вып. 4, 1975, стр. 101.

⁹ Г.Ю.Алиев. Персоязычная литература Индии. М., 1968, стр. 34, след.

¹⁰ Частичное представление о локализации данных высказываний Хусрава дает М.Бакоев, цит. соч., стр. 240 "Амир Хусрави Деҳлави дар бораи шеърӯ шоирӣ".

О ЖИЗНИ МАСТУРЕ – КУРДСКОЙ ПОЭТЕССЫ И ИСТОРИОГРАФА

Первая половина XIX в. для Южного и Восточного Курдистана (Арделанского и Бабанского княжеств) отмечена невиданным расцветом поэзии и историографии. В Арделане возникает школа местных историографов. В антологиях XIX в. встречается целый ряд имен поэтов, живших и творивших в этой области: Мирза Муртаза Афсар Курдистани, Асадаллах-бек Амир-и Синне Ардалани, Акбар-бек Курдистани, Мирза Абдалбаки Шайда-йи Курдистани, Хусайн-Кули-хан Хави Санандаджи и другие. На это же время приходится жизнь и творчество таких великих курдских поэтов, уроженцев Южного Курдистана, как Абдаррахман-бека Салима, Мустафа-бека Курди и Мулла Хизра Нади.

Среди имен курдских поэтов и историографов первой половины XIX в. особое внимание привлекает имя Мах Шараф-ханум Курдистани, известной под литературным псевдонимом Мастуре (перс. "спрятанная, целомудренная"). Перу Мастуре принадлежит "Хроника Арделана", изданная в 1946 г. в Иране Насиром Азадпуром. По сведениям, которыми располагал издатель хроники, ею было написано еще одно сочинение о верованиях и шариате, но найти эту рукопись ему не удалось. Однако наибольшую известность Мастуре получила как автор изящных, отмеченных тонким вкусом и блестящим мастерством поэтических произведений. Диван персидских стихов Мастуре собран и опубликован в 1926 г. курдским просветителем Йахйей Ма'рифатом, он охватывает лишь часть поэтического наследия Мастуре, поскольку большая часть ее стихов написана на гуранийском наречии курдского языка¹.

Рукописи трудов Мастуре не были собраны ни при ее жизни, ни после ее кончины. К тому времени, когда Йахйей Ма'рифат, изучая творчество курдских поэтов-классиков, познакомился с несколькими стихотворениями Мастуре, ее имя, по его словам, было мало кому известно в Курдистане². Осуществленные Йахйей Ма'рифатом и Насиром Азадпуром издания, их небольшие, но содержательные предисловия, исполненные восхищения личностью автора, возродили имя этой поэтессы и историка и присоединили к другим прославленным курдским именам. Однако до сих пор о жизни Мастуре известно очень мало. Вне поля зрения исследователей курдской истории и литературы осталась хроника Мастуре, откуда

можно почерпнуть целый ряд новых сведений, проливающих свет на историю жизни этой необычайно одаренной женщины.

Мастуре родилась в столице Арделанского княжества городе Сенендедже в 1805 г. в правление грозного и властолюбивого Аманаллах-хана (1214/1799-800 - 1240/1824-25), отца ее будущего мужа Хусрав-хана (1240/1824-25 - 1250/1834-35). В ней соединились линии двух могущественных родов Сенендеджского Курдистана - рода потомственных везиров, со стороны матери, и семейства Кадири, с отцовской стороны. Родственники Мастуре по материнской линии играли видную роль в борьбе за власть в Арделане, то активно поддерживая князей из дома Бани Ардалан, то не менее активно выступая против них с оружием в руках. Семейство Кадири, судя по тексту хроники Мастуре, проявляло большую лояльность к арделанским правителям, и члены этой семьи неизменно занимали видные должности при дворе. Весьма незаурядной личностью представляется дед Мастуре по отцу - Мухаммад-ака, занимавший, по-видимому, около полувека должность назира («смотрителя») Курдистана³ при четырех арделанских князьях. Отец Мастуре Абу-л-Хасан-бек заметно отличался наклонностями и характером от своего воинственного родителя. Его интересовали интеллектуальные занятия гораздо более, нежели дела ратные. В особенности охотно, по словам Мастуре, он занимался воспитанием детей и самое большое внимание уделил воспитанию и обучению своей старшей дочери - Мах Шараф-ханум, которая была предметом его гордости и горячей любви.

Мастуре стараниями своего отца получила воспитание несколько иное, нежели большинство женщин ее круга. В знатной курдской среде основное внимание уделялось умению женщины петь, танцевать, искусству верховой езды, различным рукоделиям. Абу-л-Хасан-бек, по-видимому, уделил основное внимание интеллектуальному развитию дочери. Успеху содействовали "естественный интерес" и "врожденное желание изучать книги"⁴, присущие одаренной девочке. Жадно вслушивалась она в предания, в легенды, посвященные "благим и счастливым деяниям" предков. Более всего Мастуре интересовали "диваны [стихов] древних" и записи давних хронистов. Абу-л-Хасан не ограничивал пылкий ум дочери прочтением книг, они вместе осматривали старинные курдские крепости, могущественные цитадели арделанских князей, разрушенные стараниями турецких и иранских властителей.

По мере ознакомления с хрониками и историческими сочинениями у Мастуре крепло желание самой взяться за описание исторических судеб Арделанского Курдистана: "изучая и делая записи, убедилась я, что полжение правителей вилайета Курдистана изъяснено и описано. [Но], хотя [рас]сказано обстоятельно, однако, по той причине, что от того остались [лишь] краткие [сведения], [история Курдистана] осталась непросверленной жемчужиной"⁵. Внутреннюю потребность, необходимость завершить "подробное изложение [прежних историков]" Мастуре осознала после того, как стала женой Хусрав-хана Бани Ардалана.

Мастуре вышла замуж, как можно заключить из текста хроники, в конце 1241/1825-26 или в начале 1242/1826-27 г. Этому браку предшествовала неожиданная опала, которой по приказу молодого князя подверглось семейство Кадири, - были арестованы и оштрафованы на тридцать тысяч туманов дед и отец Мастуре, а также братья отца и племянники⁶. На одной и той же странице хроники Мастуре дважды упоминает о "разладе в делах" ее деда и отца, но, более подробно останавливаясь на этих событиях двумя страницами ниже, среди потерпевших имени деда не упоминает. Не указан он и в числе родственников сочинительницы, которые были освобождены и снова снискали княжескую милость. Такое умолчание нельзя считать случайностью и объяснить одной забывчивостью автора. По-видимому, Мухаммад-ака, подобно своим сыновьям и внукам после ареста закованный в кандалы и подвергнутый всевозможным мучениям и пыткам, не вынес перенесенного унижения и скончался в тюрьме. И Мастуре, вначале имевшая намерение упомянуть о дальнейшей судьбе своего деда, предпочла умолчать. Решающую роль при этом сыграло ее положение вдовы Хусрав-хана в то время, когда писались эти строки хроники, нежелание чернить память о покойном муже, который стал, таким образом, прямым виновником кончины Мухаммад-аки. Не исключено, что смерть последнего носила и насильственный характер.

Освободив членов семьи Кадири из-под ареста, Хусрав-хан взял в свой гарем Мастуре, закрепив этой женитьбой примирение Бани Ардаланов с одним из могущественных арделанских родов. Мастуре не была первой и единственной женой князя. Именовалась княгиней (Валийе) и оставалась старшей женой Хусрав-хана до конца его жизни каджарская царевна Хусн Джихан-ханум, дочь Фатх 'Али-шаха, на которой он был женат с 1235/1819-20 г.

Это не позволяет согласиться с припиской, сделанной рукой В.Ф.Минорского на стр.97 оттиска статьи В.П.Никитина "Les valis d'Ardehan" из фонда В.Ф.Минорского библиотеки ЛО ИВ АН СССР: "Очевидно, Хосров и бросил Мах Шериф для Валийе (Хусн Джихан-ханум - Е.В.)". Во-первых, допущена хронологическая неточность: Хусрав-хан женился на Мастуре через шесть лет после брака с Хусн Джихан. Во-вторых, мнение, что при повторной женитьбе князю приходилось кого-либо из прежних жен "оставлять" или "покидать", вызвано механическим перенесением европейских норм быта и морали на мусульманскую среду.

Мастуре, по-видимому, не была несчастлива в браке, хотя детей у нее не было. Хусрав-хан несомненно выделял дочь Абу-л-Хасан-бека среди своих жен и оказывал ей предпочтение. По ее словам, она "была вознесена до должности везира эндеруна" - "министра" женской половины дома. Именно ей "принадлежала честь делить ложе с тем благородным" и она "была удостоена общения с ним днем и ночью"⁷. Мастуре оставалась любимой женой князя вплоть до его преждевременной кончины в 1250/1834-35 г. и была безутешна в своем горе, которое она излила в многочисленных стихах и элегии на смерть Хусрав-хана. Относительно того, как сложилась судьба Мастуре после 1250 г.х., хроника не содержит ни малейшего намека или указания. Мастуре ни словом не обмолвилась о своей жизни вплоть до упоминания об отъезде в Бабан в 1262/1845-46 г. Однако при более внимательном прочтении хроники можно почувствовать незаметную на первый взгляд сдержанность автора при описании правления Валийе Хусн Джихан и ее сына от Хусрав-хана - Риза-Кули-хана. В книге отсутствует перечисление их "достоинств и добродетелей", трафаретный, но обязательный список которых прилагается при описании правления почти всех остальных арделанских властителей.

Положение Мастуре в этот период времени в какой-то степени нам помогает представить одно ее стихотворение, написанное явно после смерти ее мужа и до отъезда в Бабан. Стихотворение содержит такие примечательные строки:

Я - женщина, что избрана главой в царстве целомудрия,
Из племени затворниц в [наш] век нет мне равной;
Под чадрой у нас голова, достойная короны,
Однако что [в том] пользы, если коловратная [судьба] так
меня принизила...

/Ваша покорная/ служанка лишена всего /и стоит/
у порога вилайета⁸.

В стихотворении не обычные, характерные для персоязычной поэзии и историографии сетования на не знающий сострадания рок, хотя "коловоротная судьба" упоминается. Мастуре унижена и лишена всего конкретными людьми, которые поставили ее "у порога вилайета". И эти люди не кто иной, как Валие и пасынок Мастуре Риза-Кули-хан, которые свели, наконец, счеты с ненавистной фавориткой Хусрав-хана. Мастуре, по-видимому, оставалась жить при княжеском дворе. Во всяком случае, когда по приказу шаха Риза-Кули-хан был схвачен и отослан в Тегеран, а княжеские обозы и домо-чадцы "знатными людьми вилайета" отправлены в Сулеймание, Мастуре тоже находилась среди тех беженцев, насчитывавших тысячу человек. В столице Бабанского княжества, которое переживало последние годы своего существования, в доме двоюродного брата Мастуре нашла приют, душевную теплоту и понимание близкого человека. Но благополучие оказалось недолгим - вскоре после непродолжительной болезни скончался друг и покровитель Мастуре, и на странице хроники появляется первая и последняя жалоба женщины на одиночество: "Со смертью его надорвалась [от рыданий] грудь, а глаза наполнились слезами. Я, Мастуре, тоже одинока в разлуке с тем дорогим". Через несколько дней слегла и Мастуре. Недомогание затянулось, и ей не суждено было поправиться. В мухарраме 1264/декабре 1847 г. на сорок четвертом лунном году жизни, или в возрасте сорока двух солнечных лет Мастуре скончалась "вдали от друзей и родных мест"⁹. На кладбище Гирди Сайван близ Сулеймание в Ираке покоится прах этой женщины, которую впоследствии ее соотечественники назвали чудом своего времени¹⁰.

تاریخ اردلان اثر «مستوره» شاعره و تاریخ نویس نامدار کردستان با
مقدمه و تصحیح و تحشیه بقلم ناصر آزادپور، [ب.ق.]، صفحه ۳.
دیوان ماه شرقی خانم کردستانی متخلصه به مستوره که بمساعی آقای
حاجی شیخ یحیی معرفت ... تدوین و طبع گردیده، طهران، [ب.ق.]، صفحه ۳.
³ По другим сведениям, Мухаммад-ака занимал должность

"смотрителя кладовых Курдистана" (назир-и сундук-хане-йи Курди-стан), однако Мастуре неизменно именуется своего деда назиром Курдистана, да и по тексту хроники очевидно, что сфера его влияния и полномочий простиралась далеко за пределы княжеских кладовых.

- 4 Тарих-и Ардалан, стр. 2.
 5 Там же, стр. 2-3.
 6 Там же, стр. 176.
 7 Там же, стр. 180.
 8 Диван-и Мах Шараф-ханум, стр. 55.
 9 Тарих-и Ардалан, стр. 211.
 10 Там же, стр. 7 ; Диван-и Мах Шараф-ханум, стр. 105.

З.Н.Ворожейкина

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОДЕЛИ В ПЕРСИДСКИХ ЛЮБОВНЫХ
 ЧЕТВЕРОСТИШИЯХ XII ВЕКА

В любовной лирике домонгольского Ирана прослеживается четкий стереотип – в восхвалении красоты возлюбленной, в сценарии любовного общения, в самом словаре любви. Этот стереотип был эстетической нормой времени. Он характерен, как показали исследователи, занимающиеся типологией культурных явлений, для средневековой любовной поэзии вообще.

Однако любовная лирика средневекового Ирана не укладывается вся в рамки стереотипа. Стихотворные тексты, созданные исфаханскими поэтами домонгольского времени, показывают, что в XII веке рядом с литературно-условной любовной поэзией развивалась и свободная от мистицизма и традиционной скованности личная лирика, с явными элементами индивидуализации чувства. Широко был и диапазон литературно-эстетических канонов. При всей декоративности словесного искусства, диктуемой господствовавшими вкусами эпохи, персидская поэтика владела и принципом художественной простоты; наряду с утонченным аристократизмом стиха мы различаем в любовной поэзии и живые фольклорно-песенные модели.

Приведем образцы: – два четверостишия Камала Исмаила (№№ 206, 162):

Об утреннюю пору зефиром повеяло,
 Ароматом знакомым повеяло.
 Понял я, откуда повеяло,
 От кончиков локонов любимой повеяло.
 Сердце вслед за любимой стремится в дорогу,
 Душа, вслед за нею, рвется в дверь.
 Покуда весть от нее не прибудет,

Много воды стечет в ручье, [бегущем из] глаз.

Характерен самый отбор выразительных средств в подобного рода четверостишиях. Это повторы, восклицания, вопросы, прямые обращения и императивные обороты – то есть не более того, что естественно рождается в живой речи человека, взволнованного своими переживаниями, а иными словами – это типичная поэтика народной песни. Очевидно, что творчество исфаханских поэтов питалось не только от литературной традиции, в нем нашли воплощение и эстетические тенденции фольклорной любовной лирики.

Фольклорные материалы, близкие по времени, которые можно было бы привести для доказательства этого предположения, отсутствуют. На основе научно-документированных записей, сделанных уже в начале XX в., можно, однако, установить главные художественно-психологические доминанты народных персидских четверостиший, устойчивые для этой национальной формы песенно-поэтического искусства. Они показаны в статьях А.А.Ромаскевича, записавшего в Центральном и Южном Иране в 1913–14 гг. 440 четверостиший, и В.А.Иванова, записавшего 50 четверостиший в 1910–14 годах. Намеренно записанные исключительно в деревнях, вне ощутимого влияния городской культуры, народные четверостишия, как показали исследователи, во многом отличны, даже прямо противоположны современной им письменной поэзии с ее надорванным унылым тоном и мистическим символизмом. Жизнерадостные, яркие, здоровые, простые до вульгарности, с пристрастием к образам конкретным и связанным с природой – эти качества четверостиший исследователи назвали критерием их подлинной народности.

При всей условности проводимого сравнения, бросаются в глаза черты поразительного схождения между четверостишиями, записанными А.А.Ромаскевичем и В.А.Ивановым, и определенной группой любовных рубайят исфаханских авторов XII в. Красота возлюбленной воспевается в них в одних и тех же основных эстетических категориях, и часто даже до удивления совпадающими образными выражениями – своего рода словесными блоками, что не может не говорить об известной сближенности художественного сознания.

Заметна и повторяемость одних и тех же мотивов, это: разлука и свидание, просьба поцелуя, упреки в похищении сердца, улица возлюбленной, дверь ее дома и пыль из-под ее ног, обращение к ветру как к посреднику, мотив городской молвы и любовного торга, упоминание желтого лица влюбленного и его глаз, прикованных к дороге в ожидании любимой и проч.

В выражении любовных переживаний также нельзя не отметить некоторую общность пристрастия к одним и тем же лексическим средствам. Возьмем для примера одно из четверостиший Камала Исмаила (№ 695):

- Постоянно из-за тебя я с сердцем, облитым кровью,
С лицом желтым и красными слезами.

В те дни, когда дважды вижу тебя - я таков,

В тот день, когда не увижу - что будет со мною?

Первый бейт сравним с народным четверостишием, записанным Ромаскевичем (II, № 93):

Сердце стесненное, как у меня, кто имеет?

Лицо желтое, как у меня, кто имеет?

Второй бейт сравним с четверостишием, записанным Ивановым (№ 31):

... Если я не увижу ее еще три-пять дней,

Видит бог, я готов умереть.

Некоторые любовные четверостишия Джамал ад-Дина и Камала Исмаила можно, очевидно, считать созданными по художественно-психологическим моделям современных им народных четверстиший. Вот два рубаи из дивана Камала Исмаила (№№ 326 и 184):

Из глаз ты меня прольешь, если я влагой стану,

С кудрей страхнешь, если я даже блеском стану,

В руки не возьмешь, если чистым вином стану,

К глазам своим непустишь, если самим сном стану...

Стать бы мне ветром, я летал бы вокруг тебя,

Стать бы мне пылью, присел бы я на твой подол.

Тянет меня к тебе каждая жилка в моем теле,

Связывает с тобой как веревка, [весь в путах] я как ч а н г.

Не только мотивы этих стихотворений, но самый строй поэтического мышления и язык чувства близки таким, например, народным четверстишиям, записанным Ромаскевичем (II, 34 и III, 246):

Да стану я жертвой двух локонов твоих кудрявых,

Станешь неверной - перейду в твою веру,

Семенем станешь - в поле тебя посею,

Стану водой и потеку на твою землю.

Сердце мое хочет, чтобы вокруг тебя я кружил,

Чтоб, как сурьма, вокруг ресниц твоих прошелся,

Как пуговица, голову на грудь твою положил бы,

Как гайтан вокруг груди твоей обвился.

А последнее народное четверостишие заметно перекликается с таким рубаи Камала Исмаила:

- Однажды я охвачу талию твою как поясок твой,
Или как к а б а тесно сожму в объятьях,
Ночью как твои локоны обовьюсь вокруг твоей груди,
Как письмо - непрочитанное - войду в твою дверь.

Подобных сходжений можно заметить немало, напр.: "...стоит мне вспомнить стан твой - кипарис стройный, от любви сердце, словно розовый куст покрывается цветами" (Камал Исмаил, № 305) - и тот же образ в народном четверостишии: "Любовь к тебе в сердце моем все заполнила, распростерла ветви, побеги и пустила корни" (Ромаскевич, I, № II). Или: "На улице Верности удержишь ли твое сердце?...". (Камал Исмаил, № 658) и "Если друга верность соблюдающего не будет, то у входа в улицу верности и умру я" (Ромаскевич, III, № 232).

Мы наблюдаем и сходные ритмико-фразовые конструкции. В диване Камала Исмаила (№ 412):

То зовешь ты меня, то гонишь прочь,
Отняла у меня все силы этой беготней.
Знаешь ведь, что уж ноги меня не держат,
Раз не хочешь принять - зачем зовешь?

И народное четверостишие (Ромаскевич, III, № 248):

Два локона твои - струны моего р у б а б а,
Что хочешь ты от чувств смятенных моих?
Раз не имеешь расположения ко мне,
Зачем каждую полночь во сне ко мне приходишь?

Подобные примеры многочисленны.

Записывая четверостишия, В.А.Иванов сделал примечательное наблюдение, что невозможно встретить фольклорные произведения на диалектах. Пользуясь в жизни наречиями, часто весьма далекими от литературного языка не только характером лексики, но и морфологией, сельские жители почитают их совершенно неподходящим материалом для творчества, потому что они "не имеют той красноречивости".

Эту тенденцию тяготения народных четверостиший к лексике и образности литературного рубаи можно, по-видимому, рассматривать ретроспективно. Рубаи было на протяжении веков единственной жанровой формой персидской поэзии, постоянно имевшей точное подобие в фольклоре, поэтому правомерно говорить о неизбежном пере-

плетении изустно-фольклорных четверостиший и литературного рубай.

Стихи исфаханских поэтов убеждают в том, что письменная поэзия в предмонгольском Иране в какой-то своей части смыкалась с фольклорной традицией, питалась от нее и обогащала ее. Наряду с использованием поэтами художественно-психологических моделей и мотивов фольклорной лирики и переноса их в письменную литературу, существовал, без сомнения, и обратный процесс: авторские стихотворения,⁴ доступные народному сознанию, могли заимствоваться народными певцами и – с некоторой адаптацией или даже без нее – жить в их репертуаре, совершенствуя и художественно обогащая песенно-поэтическое фольклорное искусство.

А.А.Ромаскевич записывал четверостишия, в частности, и в Исфахане и ближайших районах, и нельзя исключить предположения, что некоторые народные стихи ведут свое начало от каких-то общих или близких корней с рассмотренными нами литературными четверостишиями XII – начала XIII вв.

¹ Диван-и Халлāk ал-Ма'анй Абӯ-л-Фази Камāl ад-Дйн Исмайл Исфаханй. Изд. Бахо ал-Улуми, Тегеран, 1948/1970.

² А.А.Ромаскевич. Персидские народные четверостишия. I – ЗВОРАО, т.23, Пет. 1916, с. 313-347; II – ЗВОРАО, т.25, 1921, с. 145-228; III – ЗКВ, III, 1928, с. 305-366.

³ В.А.Иванов. Несколько образцов персидской народной поэзии. ЗВОРАО, т.23, 1916, с. 33-59.

جدا صحت سعدی

Г.Галимова

«БРАВО ВЕЛИЧИЮ СА'ДИ»

(об одной приписке на полях рукописи)

В персоязычной литературе довольно распространенным явлением были высказывания поэтов и писателей о творчестве собратьев по перу, современников и предшественников. Лаконичные по форме, порой в несколько строк, эти поэтические оценки весьма важны, так как в них иногда подмечалось самое существенное и характерное, что отличает одного поэта от другого.

Общеизвестны ставшие хрестоматийными высказывания крупных представителей персидско-таджикской литературы о Рудаки¹, Са'ди, Хафизе, Джами и др. Один бейт Хафиза о Хаджу Кермани –

استاد غزل سعدی است پیش همه کس اما × دارد سخن حافظ طرز سخن خواجو

Мастер газели, первый среди всех - Са'ди.

У слов Хафиза - стиль слов Хаджу.

не только "реабилитировал" Кермани после пасквиля Хайдара Ширази (вот образчик этого хаджа: "Мабар дар пеши шоир номи Хоҷу, Ки ӯ дуздест аз девони Саъдӣ"³ - Не упоминай при поэте имя Хаджу, Ибо он - вор, /украшавший стихи/ из дивана Са'ди)⁴, но и привлек к нему внимание поэтов и ценителей поэзии, которое не ослабевает до наших дней. Неожиданными оказываются некоторые штрихи к творческому облику Са'ди, содержащиеся в стихах его ближайшего современника Низари⁴. Настоящим кладезем в этом отношении следует признать "Удивительные события" Васифи, донесшие до нас тонкие наблюдения автора о стиле и творческих приемах ряда современных ему поэтов⁵.

Тему предлагаемого вниманию читателей кыт'а можно было бы, выражаясь по-современному, определить как "Жанр газели и Са'ди". В двух бейтах, отмеченных печатью незаурядного поэтического таланта, поэту удалось сказать самое существенное о любовной лирике, о высоком требовании, предъявляемом к поэту-лирику, и охарактеризовать Са'ди как большого мастера газели, показав особенность его творческой манеры в этом жанре. И все это только в четырех строках:

سخن عشق حرامست بران بيهوده گوی
که چو ده بیت غزل گفت مدح اغازد
چذا همت سعدی و سخن گفتن او
که ز محبوب بمدوح نمی پردازد

Да будут запретны слова любви тому пустомеле,
Который сочинит бейтов десять газели и тут же начинает
славословия.

Как прекрасны величие Са'ди и свойственный ему в сочинении
стихов стиль:

Он не переходит от [воспевания] возлюбленной к [восхвалению]
мамдуха.

Это кыт'а (написанное размером рамал-е мусамман) обнаружено на нижнем поле л. 131б крайне ценной сборной рукописи под № 555, хранящейся в книгохранилище ИВ АН Тадж.ССР⁶. Рукопись эта достаточно известна, поэтому мы приведем здесь лишь самые необходимые сведения. Создавалась она в 1403-1405 гг. в городке Абаркух (к северо-востоку от Шираза). Включает свыше двадцати разных сочинений, относящихся в основном к XII-XIV векам. Среди

авторов – несколько ширазцев (Хафиз, Мутаххар) и поэты, так или иначе связанные с литературными кругами Шираза (Закани, Фахри Исфохани и др.). Список в основном исполнен двумя переписчиками, но имеются записи, произведенные и другими лицами.

Кыт'а написано одним из двух переписчиков газелей Хафиза своеобразным почерком, характерным для переходного от насха к наста'лику периода. Записи, произведенные этим лицом, который никоим образом не может быть профессиональным переписчиком, встречаются на протяжении всей рукописи и производят впечатление записей "для себя": газели Хафиза, отдельные бейты, короткие фрагменты... Может быть, среди последних есть строки, принадлежащие и перу самого писавшего?

Такие отрывочные записи обычно не имеют прямой датировки. Палеографические данные, наличие в рукописи семи дат (самая последняя – 12 апреля 1405 г.) и вся атмосфера рукописи позволяет отнести эту запись к началу XV в.

Все наши сведения об авторе кыт'а ограничиваются следующим: он жил на рубеже XIV–XV вв. и был близок к ширазским литературным кругам. Идентифицировать личность автора с кем-нибудь из поэтов, живших в указанный период, нам пока не удалось.

С этим кыт'а были ознакомлены три выдающихся знатока персоязычной поэзии. Выразив полное единодушие в его оценке как شعر *شعر* "образец] высокой поэзии", они сказали, что это стихотворение им неизвестно.

¹ А.М.Мирзоев. Рудаки. М., 1968, стр. 218–222.

² Бейт существует в нескольких редакциях; здесь дан вариант, принятый в курсе лекций А.Н.Болдырева.

³ Цитируется по статье К.Айни, Хофиз ва "тарзи сухани Хо-зу" ; Сб.- "Чашномаи Хофиз". Душанбе, 1971, стр. 97.

⁴ Ч.Г.Байбурди. Жизнь и творчество Низари. Отв.ред. А.Н.Болдырев. М., 1966, стр. 229, 234 и сл.

⁵ А.Н.Болдырев. Зайнабдин Васифи, Сталинабад, 1957.

⁶ Подробнее об этой рукописи см.: Г.Галимова, Старейшая рукопись стихов Хафиза. "Проблемы востоковедения", 1959, № 4; Хофиз. Чиҳилу се ғазал. Бо кӯшиши Гулсум Галимова. Дар зери таҳрири академики Академияи Фанҳои Тоҷикистон Абдулғаний Мирзоев. Сарсухан, Душанбе, 1971, стр. 18–38.

БЕЛУДЖСКАЯ ЛЕГЕНДА О ШАДАДЕ И МАНАЗ

Эпические сказания – героические и романтические – занимают особое место в богатом и до сих пор малоизученном белуджском фольклоре. Как в свое время отмечал И.И.Зарубин, эпос был источником, откуда белуджи черпали свое представление о *shardI* – идеале мужской доблести и чести, а исполнители эпических песен – шаиры пользовались в белуджской среде особым уважением¹.

Образцы эпического фольклора зарубежных белуджей – носителей северного диалекта – зарегистрированы уже довольно давно². Что касается эпоса белуджей, говорящих на южном диалекте, к числу которых принадлежит и белуджи Советской Туркмении – выходцы из Афганистана, то, кроме двух небольших отрывков в вышеупомянутой статье И.И.Зарубина, каких-либо материалов по нему опубликовано не было.

Проведенная мною в январе 1978 г. рекогносцировочная поездка к белуджам Йолотанского и Туркменкалинского районов Марыйской области Туркмении убедила меня в том, что до сих пор существует реальная возможность записать обширный и интересный материал по белуджскому фольклору, в частности, по эпосу. Об этом, как кажется, свидетельствует знакомство с записанными в это время легендами "Шадад и Маназ" (в двух вариантах) и "Шаймурад и Ано", общим объемом около 800 строк. Эти эпические фрагменты имеют хорошую сохранность и обладают несомненными художественными достоинствами³. Размеры настоящей заметки не позволяют привести целиком тексты этих фрагментов с переводом и достаточно полно прокомментировать их, мы ограничимся поэтому здесь сжатым пересказом первого из них, очевидно, пользующегося большой популярностью у слушателей. Это история любви белуджского витязя Шадада к красавице Маназ.

Шадад увидел ее впервые, когда выехал верхом на прогулку:

В руках у нее – палочка для сурмления
глаз,

В руках у нее – мисвак, им она
чистит зубы,

Золотой колокольчик привязан к
ее кудрям...

Ни один ветер не смел коснуться
моей кроны,
Только кудри моего Шадада...

Но Шадад не поверил и объявил о своем разводе с ней. Тогда Маназ послала гонца за своими родичами, чтобы они увезли ее к себе. Приехал ее отец, собрал всех рэндов¹ и они решили так: пусть на площади разведут большой костер и устроят Маназ испытание огнем. Так и сделали - и Маназ вышла из огня невредимой. Родственники увезли ее в свой стан, а Шадад вскоре раскаялся в содеянном и отправился на поиски Маназ, и по дороге забрел в мастерскую кузнеца. Узнав об этом, Маназ нарядилась и подучила Омара, чтобы тот пошел вместе с ней к кузнецу, и там усадил бы ее к себе на колени и принялся бы целовать. Так они и сделали.

Когда Шадад увидел Маназ на коленях у Омара, он пришел в ярость и закричал Маназ: "Как ты позволяешь этой собаке целовать себя?" И стал поносить Омара, а Маназ защищала его, а Омар отвечал Шададу бранью.

В гневе Шадад говорит кузнецу: "Сделай мне подковы, а у меня много дела, я уйду отсюда". Кузнец отвечает ему: "Нет у тебя никакого дела, и никуда ты не спешишь, просто ты горюшь весь, увидев Маназ". В ярости вытащил Шадад саблю и убил кузнеца, а раскаленные подковы бросил в торбу коня, так что они прожгли ее и упали на землю. И закричал Омару: поедем в горы, устроим состязание в мужской доблести, пусть Маназ посмотрит, кто из нас настоящий витязь! Но Омар не поехал с ним, ответил Шададу угрозами.

И тогда Шадад сел на своего чалого коня и помчался к себе домой, тяжело занемог и стал изливать матери свою тоску по Маназ. Пришли знахари и мудрецы со всех краев - но все они сказали: "Лекарства от болезни Шадада нет, передайте это Маназ, пусть она придет скорее, чтобы они успели встретиться до судного дня". Гонец примчался к Маназ и сказал ей об этом. И Маназ стала просить Омара, чтобы тот отпустил ее к Шададу. Омар не соглашался, но Маназ сама велела привести верблюда-иноходца, погрузила на него паласы, одеяла, нарядилась и отправилась к Шададу.

Приехала к нему,
И они обнялись,
И прижались друг к другу
устами.

Маназ сказала: назови меня
Ани,
и я тебе отвечу: милый!
И оба они испустили дух.

Как уже было сказано, эта легенда записана в двух вариантах. Второй вариант в целом повторяет сюжетную схему вышеизложенного, отличаясь от него лишь некоторыми деталями. Так, например, во втором варианте более подробно рассказывается о том, как первая жена и служанка вошли в сговор, чтобы оклеветать Шадада, как они взяли обувь Омара и Маназ, пошли к ручью и оставили там следы, так чтобы люди подумали, что Маназ и Омар предавались там любовным утехам. Калым за Маназ состоит из тридцати манов золота, тридцати рабов и тридцати верблюдов. Увидев Маназ, Шадад не просто бьет ее кнутом и провозглашает развод, но дает ей три золотых – в знак развода. Маназ отказывается их взять, и тогда Шадад завязывает их в уголок ее чадры. С другой стороны, менее подробно описаны страдания Шадада после разлуки с Маназ, менее детализовано описание красоты Маназ и т.д.

Интересно, однако, что когда в сюжетной канве и наблюдается полное совпадение, текст двух вариантов значительно различается; это заставляет предполагать, что мы имеем здесь дело не с вариантным воспроизведением одного и того же первоначального текста, а что два записанных нами варианта восходят к двум вариантам легенды, существовавшим в относительно давнее время. Впрочем, окончательно разобраться в этом, так же, как и попытаться восстановить некое подобие критического текста легенды удастся лишь после проведения дальнейших сборов материала. Это даст также больше возможностей для сопоставления записанных фрагментов белуджских легенд с уже известными легендами других ираноязычных народов.

¹ И.И.Зарубин. К изучению белуджского языка и фольклора. Л., 1930.

² M.Longworth Dames. Popular poetry of the Baloches. London, 1907.

³ Все белуджские тексты записывались при активном участии и содействии Ханмаммеда Алладодова – жителя колхоза им.Куйбышева, Туркменкалинского района, большого знатока белуджской эт-

нографии и энтузиаста – собирателя родного фольклора.

⁴ Белуджское племя, к которому принадлежат эпические герои.

Л.Додхудоева

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВАСФ И ЕГО ЖИВОПИСНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

В значительной мере тематический репертуар персидской миниатюры составили ритуальные сцены. Это так называемые типологические композиции дворцовой иконографии: изображения героической охоты, победоносного сражения, роскошного пиршества, коронавание царской особы и т.п.

Многие исследователи¹ причисляют миниатюры подобного содержания к "нейтральным", "безразличным" сценам, которые, по их мнению, мало связаны с текстом и использовались для иллюстрации любого литературного сочинения.

Однако без этих традиционных тем не мог представить своего произведения ни один средневековый поэт или художник. Низами, например, в предисловии поэмы "Лайли и Маджнун" сетует на то, что фабула не дает ему возможности развернуть перед читателем их описания, которые входили в тематику васфа.

Васф являлся составной частью литературных сочинений, чаще касиды, и представлял собой описание природы, животных, панегирические изображения царских охот, сражений, развлечений. Он не имел самостоятельной цели, а служил поэтам для придания произведению особого колорита, и, создавая определенное настроение, тем самым помогал автору воздействовать на читателя. Впоследствии васф претерпел изменения и принял характер куртуазных описаний выше перечисленных тем².

Эти картины, по мнению Е.Э.Бертельса³, подобно декорациям украшали произведения, а красота их достигалась бесконечной перегруппировкой все тех же мотивов и осложнением образов, созданных предшественниками. Подобную же функцию выполняют иллюстрации васфа в рукописи, поскольку "безразличные темы составляют как бы фон, на котором выделяются основные узловые сюжеты".⁴

В какой-то мере васфу был присущ характер церемониальности, который отличал некоторые культуры средневековья, например, древнерусскую. Связь светского изобразительного искусства Древней Руси с персидскими живописными мотивами и значительное

влияние последних на становление иконографии дворцовых сюжетов русского искусства отмечена была еще А. Грабарем⁵.

Церемониальны такие сюжеты васфа, как прославление государя на пиру, в бою, во время получения трофеев, при восхождении на престол, его оплакивание и т.п.⁶. Церемониальность требовала не столько изображения действительности, сколько ее оформления, подчинения жизненных явлений торжественным и идеализированным формам.⁷

Будучи дескриптивным жанром, васф не предписывал автору точного пересказа события, а главной его целью было отображение атмосферы происходящего, воспроизведение деталей пейзажа, обстановки. Подобно церемониальным положениям древнерусской культуры в васфе представляемое "действие могло быть заранее известно не только распорядителю церемоний, но и присутствующим"⁸. Именно в данном характере литературных описаний кроется основная особенность их сюжетов и кажущаяся "нейтральность" миниатюр к ним. В литературном васфе и в его живописных соответствиях прежде всего ценилась форма отображения сюжета, содержание которого было лишено конкретности и хорошо известно всем.

Читатель не требовал от художников буквализма при перенесении литературного сюжета в иллюстрацию. Его не занимало то обстоятельство, что сцена пиришества Хосрова Парвиза и Бахрама Гура в одной рукописи по сути дела представляют собой вариации традиционной живописной схемы. Его интересовало другое – какие художественные средства избрал мастер для того, чтобы создать картину, по идее своей соответствующую литературному описанию известного сюжета. И прекрасная метафора поэта находила отражение в колорите, его изысканные сравнения – в изяществе рисунка, а пышные эпитеты – в ювелирной отделке деталей и т.д. Содержание миниатюр, так же как и тем васфа, было близко, но средства их художественного воссоздания и достоинства в каждом случае разные.

В васфе была представлена особенность всякой средневековой культуры – этикетность, а в его темах те положения, которые являлись церемониальными и обязательными для любого художественного произведения той эпохи. Поскольку васф представлял собой дескриптивный жанр литературы, то, вероятно, можно утверждать, что и его живописные отображения также относились к определенному жанру изобразительного искусства Востока, в котором создавались произведения всех видов и форм.

Темы васфа, как свидетельствуют памятники, были выигрышными и одинаково популярными как в миниатюре, так и в произведениях декоративно-прикладного искусства⁹. Следовательно, ритуальные композиции, соответствующие в литературе темам васфа, отвечали требованиям средневековой эстетики и были обусловлены законами оформления всякого художественного произведения той эпохи.

¹ Гюзальян Л.Т., Дьяконов М.М., Иранские миниатюры в рукописях "Шах-наме" ленинградских собраний. М.-Л., 1935, с.12; Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И., Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1961, с.97; Дьяконова Н.В., Среднеазиатская миниатюра XVI-XVIII вв. М., 1964, с.25.

² Фильштинский И.М., Арабская литература в средние века. Словесное искусство арабов в древности и раннем средневековье. М., 1977, с. 51.

³ Бертельс Е.Э., Избранные труды. Низами и Фуззули. М., 1962, с. 240, 409-411.

⁴ Гюзальян, Дьяконов. Указ. соч., с. 12.

⁵ Грабар А.Н., Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и "Слово о полку Игореве". - Труды отдела древнерусской литературы, т. XVIII, 1962, с. 270.

⁶ Ср. темы васфа (Бертельс, указ. соч., с. 240) с церемониальными положениями древнерусской литературы (Лихачев Д.С., "Слово о полку Игореве" и культура его времени. М., 1978, с. 57-61).

⁷ Лихачев, Указ. соч., с. 57.

⁸ Там же, с. 61.

⁹ Памятники эпохи Руставели. II., 1938, с. 198, 201-203, 251.

Ж.С.Мусаэлян

ТЕМАТИКА КУРДСКИХ НАРОДНЫХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСЕН ИЗ РУКОПИСНОГО СОБРАНИЯ А.Д.ЖАБЫ

В коллекции курдских рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, составленной видным курдоведом А.Д.Жабой, хранятся шесть списков народных песен на северном диалекте курдского языка (курманджи)¹. Выполняя сложные обязанности русского консула в Турции, А.Д.Жаба с 1856 г. при-

ступает к изучению истории и культуры курдского народа. Он был одним из первых ученых, которого заинтересовало богатое и разнообразное поэтическое народное творчество курдов. Песни собрали и записали для А.Д.Жабы его помощники-курды в 60-х гг. XIX в.

Рукопись А (курд 49) включает в себя песни любовного содержания, куплеты, обращенные к воину, отправившемуся на битву с врагами, а также песни, в которых оплакивается смерть героя. Дата переписки - 8 рамазана 1276 г.х. (30 марта 1860 г.). Сборники В (курд 1) и С (курд 2) - копии, сделанные с рукописи А другим переписчиком и отличаются от последней лишь иным написанием многих слов. В конце списка В помещена песня о Геври и Халил-беке, лист 47а рукописи содержит краткий пересказ на французском языке истории любви девушки-езидки и алашкертского правителя.²

Песни из рукописей D (курд 3) и E (курд 4), названные А.Д.Жабой героическими, при ближайшем ознакомлении оказались в большей части вариантами песен из рукописей А, В, С. Рукопись (курд 5) составляют лирические и хороводные песни.

При сопоставлении списков А, В, С с рукописями D и E можно отметить 1) добавление куплетов, 2) их перестановку, 3) незначительные разночтения, касающиеся отдельных слов и словосочетаний, 4) разночтения, касающиеся целых строк, 5) добавление слов в строке или целой строки, 6) различия во временах глаголов, 7) различия в порядке слов и другие расхождения.

Наиболее последовательно расположен материал в рукописи А, к тексту дана транскрипция средствами французской графики, между строк текста и под текстом, в сносках А.Д.Жабой сделаны пометки на французском языке относительно перевода отдельных слов, пояснения географических, этнических названий и имен.

Хотя все переписчики передают курдский текст средствами специально приспособленной для этой цели арабской графики, фактически это осуществлено каждым из них по-своему. Более того, одно и то же слово, морфема, звук могут быть по-разному отражены у одного и того же переписчика (изафет мужского рода не всегда выписывается, редуцированный *i* нередко передан буквой *u*, которой обычно обозначаются долгие *i* и *e*). За графическим и орфографическим разнообразием стоит стремление переписчика отразить особенности родного языка и диалекта.

Основную часть рукописных сборников составляют разнообразные по тематике лирические песни,³ воспевающие радость любви,

красоту возлюбленной, пылкость чувств, или же овеянные тоской, несбыточностью стремлений и надежд. Песни отражают обычаи, нравы, бытовую, социальную среду курдов XIX в. с ее характерной обстановкой и конфликтами. Счастью влюбленных могли препятствовать не только религиозные различия (песня о Геври и Халилбеке), но и различное социальное положение. Родители распоряжались судьбой дочери, выгодно продавали ее за большой калым.

О дорогой, посватай меня у отца,
Если не отдаст, сядь и поплачь.

В песнях противопоставляется бедность и богатство. Часто бедному жениху собирать калым помогали все родственники, а то и вся деревня.

О любимая, попрошу твоего отца,
Пусть согласится отдать тебя мне,
Нет у меня калыма, попрошу милостьню.

Бывало так, что мужем становился богатый старик, получивший в жены за высокую плату молодую курдянку. "Как же так - четырнадцатилетняя девочка в объятиях старика", - негодует юноша. Родители не считались и с желанием сына. До обручения он мог и не видеть своей невесты.

Завидую тому, кто [может] увидеть [невесту] своими
глазами,
Жениться по своему сердечному влечению.

Часто юноша отправляется на войну или на заработки в чужую страну. В этих песнях отразились мысли бедняка, оторванного от своего рода, очутившегося среди чужих ему людей. Ярко показаны чувства бесприютного странника, мечтающего вернуться домой, не находящего нигде себе покоя, не встречающего сострадания. В куплетах слышится тоска девушки по ушедшему на чужбину любимому. Она просит не забывать ее.

Пусть мои косы змеями будут,
Пусть пред тобой деревьями станут,
Куда бы ты ни шел, обо мне бы горевал.

Юноша тяжело переживает разлуку с возлюбленной.

Проклятый Эрзерум далек от меня, красавица,
Послал я письмо своей любимой:
"Не могу приехать, ты [хоть] раз ко мне приезжай".

Страдая, он обращается к пролетающей мимо птице: "Ради бога, скажи, где ты видела мою красавицу?"

Даже если по воле судьбы влюбленные не могут принадлежать друг другу, они клянутся в верности до конца своих дней.

Ты прошел мимо нашего дома, юноша,
И приглянулся мне,
Обещаю: кроме как с тобой
Ни с кем не обручусь.

Любопытно, что некоторые строки и даже целые куплеты из собрания А.Д.Жабы повторяют, несколько варьируя, опубликованные ранее Х.Абовяном, А.Социном, А.Джинди образцы лирических песен. Например:

Из песен, собранных А.Жабой

Высокая гора без деревьев не
бывает, красавица!
Глубокий овраг без воды не
бывает,
и т.д.

Из песен, записанных
А.Социном⁴

Высокая гора без ветра не
бывает,
Глубокий овраг без воды не
бывает,
и т.д.

Из песен, записанных
А.Джинди⁵

Юноша, ты уезжаешь, меня не
забывай,
Яблоко дам тебе, положи себе
в карман,
Иногда меня вспоминай.

Юноша, дорогой! Ты уезжаешь,
меня не забывай,
Возьми красное яблоко, положи
за пазуху,
Когда на чужбине
Вспомнишь меня, несчастную,
Вынъ, вдохни /его аромат/,
это приблизит нас.

Выявление сходных стихов при сопоставлении песен не случайно. Так же, как и А.Жаба, Х.Абовян и А.Социн собирали варианты в середине 2-ой половины XIX в. в курдских районах Турции. Что касается записей А.Джинди, то они были сделаны значительно позднее в 30-х годах XX в. в Армении. Очевидно, эти песни стали известны от курдов - выходцев из Турции. Так, образцы из коллекции ГИБ им. Салтыкова-Щедрина помогают проследить миграцию курдской песни, ареал ее распространения. Часто одна песня порождает другую, одна и та же поется в разных районах по-своему,

но каждый вариант имеет свою, лишь ему присущую своеобразность.

Песни из собрания А.Д.Жабы являются памятником культуры курдов Турции XIX в. и отражают говорные особенности их языка. Издание текстов песен послужит ценным материалом для дальнейших исследований курдских диалектологов и фольклористов.

¹ М.Б.Руденко. Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М., 1961, с. II-13, 17-20.

² Ж.С.Мусаэлян. Курдское народное сказание о Геври и Халил-беке. - "Иранская филология. Кр. изложение докл. науч. конференции". М., 1969, с. 66-69.

³ Ж.С.Мусаэлян. Курдские народные песни из рукописного собрания ГПБ. - III и ПИКНВ, Л., 1969, с. 98-101.

⁴ E. Pruth, A. Socin. Kurdische Sammlungen. St.-Petersburg, 1890, с. 53.

⁵ Folkloru kurmanca. Erevan, 1936, с. 422.

Р. Мусульманкулов

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ ОБ АВТОРИТЕТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА

В таджикско-персидских литературно-теоретических памятниках критике придавалось важное значение. Подчеркивая, что "критика" (нақд) является "наукой"¹, средневековые авторы считали ее "одной из филологических дисциплин"².

Известный писатель и ученый XV в. Хусайн Ба'из Кāшифӣ так определил лексическое и терминологическое значения слова "нақд": "А "нақд" в словаре означает "выбрать", и отбор настоящего дирхама из числа фальшивых. А терминологически - представляет собой науку, посредством которой определяется стихотворение, и хорошее выделяется из плохих. Эту науку поэтому назвали "критикой" (нақд), (что) как пробирер (наққад) выбирает настоящий дирхам из кучи фальшивых, так и здесь владеющий этой наукой, благодаря яркому таланту выделяет чистую и без изъянов речь среди недостойных и дефектных речений"³.

Таджикско-персидская литературно-критическая мысль проявлялась двояким образом: практически и теоретически. Практическая критика состояла в том, что поэты, писатели, ученые либо

непосредственно в отдельных сочинениях, либо опосредованно - внутри других своих произведений, - отзывались о творчестве конкретных писателей. Вспомним гневное осуждение придворных поэтов Нāсир-и Хусрау, или же критику Фирдоуси поэта Дакики⁴.

Второе, теоретическое направление развития критики характеризовалось созданием специальных научных сочинений. Так, теоретики - Радуийани⁵, Рашид-и Ватват⁶, Шамс-и Кайс⁷, Тадж ал-Халлави⁸ и др. в разное время занимались изучением и обобщением всех возможных общих изъянов произведений. Высшей ступенью развития литературной критики являются труды авторов 15 в. - Кашифи и 'Атауллы Махмуд-и Хусайни⁹.

Шамс-и Кайс и 'Атаулла особо подчеркивают задачи литературного критика и авторитетность его суждения. Согласно Шамс-и Кайсу, при оценке достоинства стихотворения мнение критика важнее мнения поэта. Автор сравнивает поэта с тем, кто шьет халат, а критика - с продавцом халата, - который может более объективно оценить материал (см.: ал-Му'джам, с. 462). Продолжая образные сравнения, Шамс-и Кайс уподобляет стихотворения поэта его детям, которые все ему одинаково дороги. А критик, будучи "чужим" для этих детей, подходит к ним с большей требовательностью и все достоинства и недостатки отмечает более строго (там же, с. 463). Шамс-и Кайс на этом основании рекомендует поэтам вновь сочиненное произведение сначала показать "литературным критикам и ученым друзьям" и лишь после их одобрения представить публике: "И необходимо, чтобы ни в коем случае [поэт] в первый момент не доверял своим словам и сочинению. И пока не представил его неоднократно литературным критикам и доброжелательным ученым друзьям, и [пока] не выслушал их [мнение] о его [стихотворениях], правильности и ошибках, и [пока] они не подтвердили поэтическую норму и соответствие размера, и правильность рифмы и приятность языка и нежность образов, не следует доводить его до слуха публики" (там же, с. 461).

Интересно замечание Шамс-и Кайса о том, что поэтам всегда следует прислушиваться к словам известных критиков, хотя порой они и не могут доказать свою правоту: "Если кто-нибудь из эрудитов прославился как знаток поэзии и получил признание изобретательных поэтов, то его суждение о приемлемости и неприемлемости каждого слова и содержания [поэт] должен считать истинным и признавать его [в этом] верным истолкователем; и на все, что он, [знаток], скажет, поэт [не должен] требовать от него не-

оспоримого аргумента и очевидного повода, ибо бывает случай, когда определяешь интуицией, а объяснить не можешь" (там же, с. 461).

Шамс-и Кайс считает, что умение определить хорошее стихотворение и написать его — вещи разные: "И следует знать, что критика стихотворений и постижение их тяжести или соразмерности, художества или кирности, — не связаны с умением создавать хорошие стихи. Есть много поэтов, пишущих хорошие стихи, которые не могут должным образом оценить стихотворение. Также есть много критиков поэзии, которые не могут написать хорошее стихотворение" (там же, с. 462). Шамс-и Кайс заключает раздел, посвященный данному вопросу, следующим поучительным резюме: "Поэт в своих стихах стремится к приятному восприятию, а критик является искателем [способов] улучшения" (там же, с. 464).

Основным достоинством выводов Атбулла по вопросам критики следует считать его диалектический подход к рассматриваемым явлениям литературы. Он постоянно подчеркивает, что ко всем литературным явлениям, в том числе и к поэтическим изъясам, следует относиться строго, но вместе с тем и бережно; конкретно, со знанием дела необходимо анализировать явление полностью и во всех отношениях.

Таким образом, на основании высказывания средневековых литературоведов можно сделать вывод, что уже в то время создание художественного произведения не было сугубо частным делом поэта, а требовало предварительного критического рассмотрения.

¹ Данное утверждение ценно и ныне, ибо некоторые современные литературоведы критику считают видом искусства. — См.: "Вопросы литературы", 1975, № 2.

² Например, Кашифи вторую главу своего трактата назвал "Описание поэтических изъясов, которое называет "наукой критики" и считает одной из филологических дисциплин". — См.: Хусайн Ба'из Кашифи. Бада'и' ул-афи'ар фи сан'ай' ул-аш'ар. М., "Наука", 1977, с. 131.

³ Кашифи. Ук. соч., с. 131-132.

⁴ Как известно, Дахйкй, автора незаконченной поэмы "Шах-нама", Фирдаусй восхваляет и критикует одновременно. Он одобряет инициативу Дахйкй в избрании жанра народного эпоса, однако его нежно-лирический стиль изложения, не соответствующий со-

держанию и эпическому духу произведения, подвергся критике.

⁵ В трактате Радуйани разъяснен стихотворный изъян "умутанafir" (питающий отвращение). - См.: ар-Радуйани. Тарджуман ал-балাগат. Истамбул, 1949, с. 134.

На других изъянах автор умышленно (см. с. 135-138) не останавливался.

⁶ Ватват с некоторыми добавлениями повторил разъяснения Радуйани о мутанafir. См.: Рашидаддин-и Ватват. Диван, ба китаб-и Хадйик ас-сихр фй дакйик аш-ши'р. Тегеран, 1339, с. 707.

⁷ Шамс-и Кайс, помимо мутанafir, еще объяснил некоторые другие изъяны. - См. Шамсиддин Кайс ар-Разй. Ал-му'джам фй ми'йар-и аш'ар ал-'Адхам, Тегеран, с. 289-290, 298, 305, 317, 320-322, 464.

⁸ Халавй в некоторых случаях лишь повторяет положения Шамс-и Кайса, и его трактат не имеет особого значения по отношению к вопросам критики. Однако при исследовании исторического развития литературно-критической мысли обращение к нему необходимо. - См.: Тадж ал-Халавй. Дакйик аш-ши'р. Тегеран, 1341, с. 90, 96, 97-99, 101.

⁹ Особо следует отметить труд 'Атаулля "Бадйе' ас-санайе'", где разъяснены двадцать поэтических изъянов, разделенных на формальные и содержательные. - См.: Атоулло Махмуди Хусайнй. Бадоеъ-ус-саноеъ, Душанбе, "Ирфон", 1974, с. 188-199.

Х.Н.Ниязов

"КВИНТЭССЕНЦИИ ТАЙН" АЗАРЙ КАК ПАМЯТНИК ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ ИРАНСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Понятие литературной критики ('илм-и нақд), как особой сферы науки о литературе, возникло в иранском средневековье (XII-XV вв.) в процессе восприятия поэтического слова, его оценки в качестве феномена словесного искусства. В лучших ее образцах наряду с обстоятельным анализом языка, стиля и содержания произведений мы находим также суждения о поэзии и поэте, о назначении его как творца духовных ценностей. В них отражаются прогрессивные литературно-эстетические взгляды времени.

К числу редких персоязычных источников литературно-критической мысли относится "Квинтэссенции тайн" ("Джавахир ал-асрар"), неизданный труд, за исключением частичной литографии

(Тегеран, 1885 г.), дошедший до нас в нескольких списках¹. Три из них (под номерами С 2024, С 1528, В 2233) хранятся в Собрании ИО ИВ АН СССР. Они описаны в составе персоязычных трактатов по поэтике².

Сочинение принадлежит перу известного ученого эпохи Тимуридов Нур ад-Дйна 'Али Хамзы ибн 'Али Малик ибн Хасан 'Азарӣ (1382-1462). Тезкиристы (Даулатшах, Лутф-'Али 'Азар, Риза Кулихъан Хидайат и др.) упоминают его нисбн - Марвӣ, Балхӣ, Исфара'ний, что свидетельствует о тесной связи жизни и деятельности автора с Хорасаном.

'Азарӣ происходил из семьи, отличавшейся высокими патристическими устремлениями. Его отец был одним из активных деятелей народного восстания сарбадаров в Исфараһне³. Сын, видимо, унаследовал непокорный дух родителя и жил, пренебрегая служением сильному миру сего. Его придворная служба, в частности, у Шахруха (1405-1447), была весьма непродолжительной. Отказавшись от службы и почетного титула "Царь поэтов Хорасана" (Малик-аш-шу'арә-йи Хурәсан), предложенного последним⁴, 'Азари выбрал себе дервишескую жизнь. Он странствовал более сорока лет по Востоку - Аравии, Индии, Ирану, что можно объяснить его идейными убеждениями. В одном из своих стихотворений 'Азарӣ писал: "Мы состарились в борьбе..." (Шудим пйр б-исийән...)"⁵.

Творческое наследие 'Азарӣ охватывает различные области науки и литературы. Помимо "Джавәхир ал-асрәр" известны рукописи другого сочинения ученого "Аджа'иб ал-гарә'иб" ("Удивительные явления"), посвященного космографии. Его список находится также в нашем собрании⁶. В источниках упоминаются произведения 'Азарӣ-поэта "Тугрә-и хумайӯнӣ" ("Блаженные указания"), "Са'й ас-сафә" ("Стремление к обновлению")⁷, "Бахман-наме"⁸ ("Книга о Бахмане") и диван стихов⁹.

В "Квинтэссенции тайн" рассматриваются наиболее острые вопросы словесного творчества, которые были предметом оживленной полемики в сфере ученых и литераторов времени. О постижении тайн букв в паузах Корана (Дар ма'рифат-и асрәр-и хуруф-и муқатти-'ат-и Кур'ән), об изъяснении преданий о пророке ("Дар асрәр-и ахәдис-и набавӣ), ... сокрытых речей ученых-старцев (Дар мармӯзәт-и каләм-и машәйх) и ... затруднительных (для восприятия) мест в произведениях поэтов (Дар ишкәл-и каләм-и шу'арә) - таков перечень основных частей сочинения.

Первые три из них посвящены разбору коранической литературы и выходят за пределы нашего предмета. Вопросы поэтики персидской словесности затрагиваются, главным образом, в четвертой части книги, обособленной как самостоятельное произведение (из десяти глав).

Последняя - четвертая часть сочинения - начинается с изложения воззрений автора относительно поэзии, рассматривающего ее в качестве высшей формы словесного искусства. "Хич сухан а́рәстетар ва пйрәстетар аз сухан-и шу'арә нйст" ("Нет ничего изящнее и тоньше, чем слово поэта") - провозглашается в нем¹⁰. Для обоснования мысли приводятся высказывания Низамй Ганджавй, Фарйд ад-Дйна Аттарә, Хусрау Дихлавй и других классиков литературы (л. 177а-180а).

Далее в соответствующих главах дается идейно-художественный анализ образцов персидской поэзии, представленных по формам (касыды, газели, кыта, месневи, рубай и т.п.). Среди разбираемых поэтов - Хаканй (л. 187а), Анварй (л. 201а), Унсурй (л. 212б), Камал Худжандй (л. 212а, 221а), Хадйз (л. 212б), Хусрау Дихлавй (л. 214а), Бисәтй Самаркандй (л. 213б) и другие. Восхищаясь творчеством мастеров художественного слова, автор в то же время замечает погрешности, допускаемые ими в отношении поэтической стилистики, а порою даже логического порядка, дающего повод для прерватного умозаключения.

Так, например, подвергается критике стих 'Имәда Фахйха (XIV в.), где поэт заявляет:

جز می مشکین کافوری مزاج
ریخ سودارا نمی بینم علاج

(Кроме вина мускусного, обладающего свойством камфары, лекарства другого от меланхолии не знаю).

Азарй пишет: "... меланхолии свойственны холод и сухость (в определении болезни средневековая медицина исходила из степени воздействия на человеческий организм четырех факторов - холода и тепла, сухости и сырости - Х.Н.), а свойство камфары, следовательно, и вина мускусного - весьма холодное". Раз это так, путь, предложенный поэтом, для предотвращения данной болезни противоречит истине (л. 217а).

В известной касыде Хаканй ("Касыда-йи хабсйя", л. 187а) Азарй находит "сложные" (ишкәл) "христианские термины" (истилә-хәт-и насәрй) и дает свое толкование. "Христианскими" Азарй считал слова греческого происхождения, такие как турсикус, кус-

тант̄н̄, āкноум, куст̄ас и т.п.^{II}, которые любил употреблять ширванский поэт.

Он говорит (л. 195а, след.) также о других особенностях литературно-художественной речи – необычных тропах и оборотах (ташб̄х̄āt-и гар̄īb̄ī). Поясняя многочисленными примерами случаи их применения – удачные и неудачные, смысловые оттенки – прямые и фигуральные, Азар̄и выступает как большой стилист и знаток персидского языка. В его суждениях раскрываются тонкое понимание природы поэтического слова и широкая эрудиция.

Чрезвычайно интересной представляется, на наш взгляд, трактовка самого понятия средневекового поэта и характеристика, которую дает критик его деятельности (лл. 180б – 181б). Он поднимает здесь вопрос о критерии творческого труда. При этом подчеркивается не акт творчества, как таковой, а его направленность (понятие адекватное значимости). С этой позиции он делит поэтов по категориям:

- а) те, кто сочиняет "ради вознаграждения" (вадж-и ма'āш);
- б) те, кто пишет, но "без одухотворения" ('адам-и рух̄āний-ат);

И, наконец, те, кто творит по "душевному зову" (аз дардж-и рӯх).

Произведения последних, по словам автора "Квинтэссенции тайн", рождаются как "проявление сущности сущего" и будут сверкать вечно подобно "крупинкам драгоценности" (джаухар п̄ара).

Значение труда Азар̄и и его достоинство как замечательного образца историко-критической литературы иранского средневековья огромно. Мы сообщаем лишь отдельные данные, полученные в ходе работы над его описанием. Более глубокое изучение и публикация этого уникального сочинения – задача наших будущих исследований.

^I Персидские и таджикские рукописи "Новой серии" Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Алфавитный каталог. Сост. Г.И.Костыгова. Научный руководитель проф. А.Н.Бодырев. Л., 1973, № 201; Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum by Ch.Rieu, vol. I, L., 1879, p.43; Catalogue of Persian manuscripts in the Library of the India Office by H.Ethe, vol. 1, Oxford, 1903, № 2036; Catalogue of the Persian... manuscripts in the Bodleian Library, begun by Ed.Sachau, continued H.Ethe, Oxford, 1889, № 1209; Фихрист-и Китаб-

хәне-и Маджлис-и Шӯра-и Миллӣ, та'лиф-и Ҳусуф Итисамӣ, т.2, стр. 479.

² Х.Н.Ниязов, Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР, вып. 9, Поэтика, Л., 1978 (рукопись).

³ Китоб-и Аташкаде, та'лиф-и Хадий 'Али Бик Азар, чап-и сангӣ, Бомбей, 1288/1871 гг., стр. 88.

⁴ The Tadhkiratu 'sh-shu'arā of Daulatshāh... of Samarqand. Ed. by E.C.Browne, London, 1901, p. 399.

⁵ Лутф- 'Али Бик Азар, указ. соч., стр. 88.

⁶ Описание рукописи см.: Н.Д.Миклухо-Маклай, Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения, вып. I. Географические сочинения. М.-Л., 1955, стр. 46-47.

⁷ Рияз ал-'арифин та'лиф-и амир аш-шу'арā Риза Қулихāн Хидāят, чап-и сангӣ, Тихрāн, 1305 г.х., стр. 39.

⁸ Фихрист-и Маджлис, т.2, стр. 479.

⁹ Даулатшāх, указ. соч., стр. 404.

¹⁰ "Джавāхир ал-асрār", рук..С 2024, х. 176а. Последующие указания на сочинение даются по данному списку.

¹¹ Большинство из этих слов встречается в составе персидского словаря (XIV в.), которые автор принял как "румийские" (т.е. византийские): Бадр ад-Дин Ибрāхīm, Фарханг-и зафāнгӯйā вā джахāнгӯйā. Факсимиле рукописи. Издание текста, введение... С.И.Баевского. М., 1974, стр. 129-130.

А.З.Розенфельд

С.АЙНИ О ЛЕКСИКЕ "ШАХНАМЕ" ФИРДОУСИ

В 1940 г. в Ленинградском отделении Тадгиза вышла небольшая книга С.Айни под редакцией проф. Е.Э.Бертельса "Фирдоуси и его книга "Шахнаме" (Дар бораи "Фирдавси ва "Шохнома" ӯ). Это издание было напечатано на латинизированном таджикском алфавите в количестве 7000 экземпляров в Ленинградской типографии "Коминтерн"¹.

Прежде, чем рассмотреть содержание книги С.Айни, коротко остановимся на деятельности Отделения Тадгиза в Ленинграде, просуществовавшего с 1935 по 1942 г., и сыгравшего важную роль в выпуске различной литературы для Таджикистана и в пропаганде русской литературы среди таджикских читателей. Здесь печатались книги как оригинальные, так и переводные с русского - произве-

дения В.И.Ленина, сочинения Пушкина, Лермонтова, М.Горького, Чехова, Л.Н.Толстого и другие². К работе этого отделения в качестве авторов, составителей, переводчиков привлекались ленинградские иранисты. Среди них следует назвать и А.Н.Болдырева - составителя и автора предисловия избранных дастанов "Шахнаме" (1938), сборника "Образцы таджикского фольклора" (ред. проф. Е.Э.Бертельс, 1938). Следует отметить, что Ленинград постоянно оказывал Таджикистану помощь в различных областях науки и культуры³. М.Шогадоев, бывший председатель Верховного Совета Таджикской ССР на страницах "Ленинградской правды" рассказал, как во время блокады из осажденного Ленинграда после посещения таджикской делегацией города, в Таджикистан были переправлены отпечатанные Ленинградским отделением Таддгиза школьные учебники⁴.

В предисловии к своей небольшой, но емкой книге С.Айни, как ему всегда было свойственно, откровенно писал, что из-за незнания западно-европейских языков исследование "Шахнаме" представляло для него известные трудности, однако он пользовался трудами Нольдеке и восточных авторов. Книга разбита на восемь кратких разделов, названия которых дают представление о содержании книги: Как было написано "Шахнаме"? Род Фирдоуси; (авлоди Фирдавси); Переводы "Шахнаме" на другие языки; Подражания "Шахнаме"; Восхваление "Шахнаме" классическими поэтами; Язык "Шахнаме"; "Связь языка "Шахнаме" с таджикским языком. В виде иллюстрации к этому последнему разделу приведен отрывок "Кузнец Кова и Захок".

Характеризуя творческий метод С.Айни-литературоведа, И.С. Брагинский отмечает, что С.Айни, касаясь вопросов классической персидско-таджикской литературы, прежде всего опирался на анализ высказываний того или иного поэта, отраженных в его произведениях. Это в равной мере относится и к рассматриваемой книге. Мы остановимся лишь на разделах, посвященных языку "Шахнаме"⁵.

В подтверждение своего тезиса о близости языка "Шахнаме" к таджикскому живому языку, С.Айни выделил 54 слова, из которых 21 подкрепляется цитатами из "Шахнаме", остальные слова приводятся с краткими комментариями. В основном отобраны существительные и прилагательные: кӯдак "ребенок", набера "внук", ҷавонмард "мужественный", "благородный", ангишт "каменный уголь", гурунҷ "рис", кӯй "улица", "квартал", "дорога", охур "ясли", "кормушка", курта "платье", "рубашка", тундур "гром"; шурбахт "несчастный", тез "быстрый", фартут "дряхлый", бадраг "плохой породы", "непородис-

тый". Из глаголов и глагольных форм С.Айни сопоставляет употребление глагола мурдан "умереть" в форме аориста (сослагательного наклонения) без частицы би в "Шахнаме" и в таджикском языке: мурад "пусть умрет" (что не встречается в персидском языке), отмечаются фонетические варианты глагола таркид/таркид (к/к) "треснуть", "лопнуть", "расколоться", в качестве иллюстрации приводятся двустишие из таджикского фольклора:

Хабар омад, ки ёрам кадуудо шуд,
Дилам таркиду рангам кахрабо шуд.

Пришла весть, что мой друг женился,
Сердце мое разорвалось, лицо приобрело цвет янтаря.

На употребление этого глагола приводятся примеры из "Шахнаме".

Отмечаются и другие фонетические особенности, например, "плечо" в "Шахнаме" и в таджикском языке употребляется в форме кифт, в то время как в классическом и современном персидском языке это слово имеет форму китф. В качестве доказательства употребления в живом таджикском языке того или иного слова С.Айни приводит пословицы и поговорки, например для глагола мондан "класть", "ставить", "оставлять", "оставаться" приведена поговорка: диди ки нашуд, мон ки равад "видишь, что не получилось, оставь, пусть уходит", к слову куй "улица", "дорога" приведен фразеологизм куй бад афтод "он попал на плохую дорогу".

Некоторые слова, выделенные С.Айни, употребляются в книжных говорах, другие - в северных, в виде иллюстрации С.Айни приводит отмеченное в "Шахнаме" слово гав в значении "богатырь": чунин гуфт мубад ба пеш гавон "так сказал мубед богатыря", при этом С.Айни делает следующее примечание: "Гав - сильный, могучий (пурзур, тануманд), в Бухаре и Самарканде кличка гав присваивается сильным людям" (стр. 55). В своих мемуарах "Воспоминания" (Ёддоштҳо) среди многочисленных персонажей С.Айни выводит очень сильного человека по кличке Махдум-гав - Махдум-Бук, Махдум-богатырь. Персидские и таджикские словари зафиксировали слово гав со следующими значениями: 1) "бук", "корова"; 2) "сильный", "отважный", "богатырь". Наблюдения С.Айни над языком "Шахнаме", сопоставление лексики поэмы с живым таджикским языком

несомненно является ценным вкладом в историческую лексикологию таджикского языка⁶.

¹ Ленинградская типография "Коминтерн", ныне типография № 5 Главполиграфпрома, одна из старейших, была основана при Петре Первом 5-го ноября 1721 г. В типографии "Коминтерн" печатались книги и учебники для национальных школ, в том числе и для Таджикистана.

² А.З.Розенфельд. Переводы произведений Лермонтова на таджикский язык. Лермонтов и литература народов Советского Союза, Брест, 1975; она же. "Кавказский пленник" Л.Толстого на таджикском языке. Яснополянский сборник 1978, Тула, 1978.

³ Еще в 1924 г. Ленинградский Госиздат взял шефство над издательским делом в Таджикистане, стал помогать квалифицированными кадрами печатников, посылая машины, оборудование, бумагу. Бурхон Фаррух. Плоды великого братства, "Книжная торговля", № 9, 1972, с. 6. Среди учебников, изданных к 10 апреля 1935 г. Госиздатом Таджикской ССР, 22 названия отпечатаны в Ленинграде. Сб. Из истории культурного строительства в Таджикистане в 1926-1941 гг., т. I, Душанбе, 1966, сс. 586-587; ср. также воспоминания бывшего заместителя заведующего Тадгизом Н.А.Сталина, "Ирфон" 50. Душанбе, 1975, сс. 8-10.

⁴ "Ленинградская правда", 14 октября 1972 г. Этому же событию посвятил балладу известный таджикский поэт Мумин Каноат "Раненные книги" (Китобҳои захмшуда). Автор вспоминает, как будучи ребенком, он в суровые годы войны учился по учебникам, посланным по "Дороге жизни" из осажденного Ленинграда в далекий горный кишлак. Мумин Каноат. Сарҷуи сабз (Цветущий луг у источника), Душанбе, 1975.

⁵ И.Брагинский. Садрриддин Айни. Жизнь и творчество. Второе допол. изд. М., 1978, с. III.

⁶ Книга С.Айни "Дар бораи Фирдавси ва "Шохномаи" ӯ" вошла в XI том Собрания сочинений писателя (Куллиёт). Лексика из "Нахнаме", подвергшаяся анализу С.Айни, включена составителями XII тома С.Айни и Х.Рауфовым в состав Словаря, подготовленного С.Айни к изданию еще в 1938 г.: (Лурати нимафсалии тоҷикӣ барои забони адабии тоҷик" (толковый таджикский словарь по языку классической таджикской литературы). Составители XII тома дополнили этот словарь также лексикой из различных сочинений

писателя, которую он объяснял в подстрочных примечаниях. Подобные словоформы даются в Словаре под звездочкой.

И.М.Стеблин-Каменский

ЕЩЕ РАЗ О ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ ВАХАНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Десять лет тому назад в предыдущем сборнике, посвященном А.Н.Болдыреву, автором этих строк были помещены чтения и переводы ваханских трехстиший (так называемых "бульбуликов"), приведенных Бурхан-уд-Дин-ханом Кушкеки в "Путеводителе по Каттагану и Бадахшану..." в разделе "Ваханская поэзия" (КушкакI, стр. 316). Третий из четырех бульбуликов, записанных Кушкеки арабской графикой, тогда прочитать не удалось, понятна в нем была только последняя строка: "Я не нашла подобного тебе" ("Иранская филология...", стр. 78).

Приводим транслитерацию этого бульбулика по записи Кушкеки (знак h изображает hā-yi havvaz, ' - "алеф"):

zxnk bh glyrk't
dvrk bdšt my
ty m'ndd vvzm nk't

Согласно персидскому переводу (КушкакI, стр. 316), в этом бульбулике говорится следующее:

Белая птица Хомай
Все кружится над равниной,
Мы не нашли подобной тебе!

(Кушкеки, стр. 170).

За последние годы появилось несколько публикаций бульбуликов, разными авторами были изданы и варианты остальных трех из приводимых Кушкеки трехстиший (первое: Пахалина, Образцы..., стр. 72; Грюнберг, Стеблин-Каменский, стр. 28; второе: Пахалина. Ваханский язык, стр. 173 и др.). Вариант четвертого бульбулика приводил еще С.И.Климчицкий (стр. 89). Помимо текстов и переводов бульбуликов на русский и таджикский языки (работы А.Н.Болдырева, Б.Лашкарбекова, Т.Н.Пахалиной и др.), были опубликованы и нотные расшифровки их мелодий (в статье А.Горковенко и в книге Ф.Кароматова и Н.Нурджанова). Хотя общее количество бульбуликов - этого исчезающего вида женских песенок, приуроченных к

высокогорным летним пастбищам - в целом не слишком велико и, видимо, не превышает полтора сотен, - ни в одной из вышедших публикаций близкого варианта к трехстишию, приводимому Кужеки, нет.

Вариант третьего бульбулика есть среди любезно присланных автору неопубликованных записей ваханского фольклора, сделанных уроженцем Вахана Богчо Ланкарбековым:

guxpak bə kʲirget.
aʲrəq-əʲm ɣaʲfʲ kərt,
tʲi mɔnand-əʲm nə-got.

Белоголовый кумай.
Я долго разыскивала,
Но не нашла подобного тебе.

Вах. kʲirget, k(ə)lirget (реже gəlirket) - по-видимому, "кумай", "снежный сп" (*Gyps himalayensis* Нисе) -огромная птица, питающаяся падалью. В первой части слова, очевидно, kal - "лысый", "плевный" (у Д.И.Р.Лоримера приводится вах. uʲirgöt "хищная птица с белой головой" - Logimer, стр. 302), ср. тадж., перс. kal-шаг название разновидностей ястреба, коршуна, досл. "плевная птица" (Scharka, стр. 224, 327), мунд. (из перс.) kʲalʲirgʲ "стервятник", язг. (из тадж.) kalʲərgʲ название большой хищной птицы с промисной на затылке ("орел?"), йидга kʲāl- -ɣərepe "белоголовый орел (?)" и проч.

Первая строка приводимого Кужеки бульбулика, должно быть, звучала: guxpək bə gəlirkot "Беловатый кумай" (в тексте ошибочно "зе" вместо "ре" в слове guxpək "беленький"; "беловатый"). На персидский название птицы переведено как hūmā "Хомай" - мифическая птица, приносящая счастье (пехл. hwmʲu, авест. hu-māu - "благодатная"), также "орел", "бородач", "ягнятник" и др. Это объясняется тем, что именно так может называться снежный сп в таджикско-персидских говорах Бадахшана: вах. (из тадж.) əm, hūm "кумай", верникское (из перс., тадж.) hūm. "орел, приносящий счастье" (Logimer. Werschikwar; s.v. tārū, 231b), язг. (из тадж.) əm, bəsoɡam "большая хищная птица (орел?)" и проч. Т.Н.Пахалина дважды переводит вах. kalirget как "конкорд" (Ваханский язык, стр. 215б, 323а), поясняя, что это название хищной птицы (!).

Вторая строка в варианте Кужеки совершенно отлична от зафиксированной Б.Ланкарбековым. Вероятно, начальные ее слова

должны были звучать: *dəwtək bə dəyt...*; последнее слово не ясно (графически ну), но ожидалось бы **dəyt* - *dəwtək dəyt* "кружится" 3-е лицо ед.ч. сложно-именного глагола (тадж., перс. *dawta kadan*, *dawta kardān*), т.е. "Кружится над равниной" или точнее "над даштом". Слово "дашт" достаточно широко употребляется и в русской, и в зарубежной литературе, ср. например, "Даштами в Таджикистане называют плоские места в горах..." (Агаханянц, стр. 25), "На этих даштах много земли..." (Станюкович, стр. 140).

Возможно и толкование второй строки как *dəwtək bə dəyt=əm* "Я кружилась", т.е. "Я всюду искала, но не нашла подобного тебе". В этом случае получается более обычная для бульбулика структура, при которой первая строка синтаксически не связывается со второй и третьей (ср. анализ структуры бульбуликов у А.Н.Боддырева: "...первая строчка в большинстве случаев является как бы зачином, не имеющим или почти не имеющим явной связи с содержанием следующих двух строчек..." - А.Н.Боддырев, стр. 10). Упоминание слова "дашт" в персидском переводе второй строки делает это толкование менее вероятным.

В целом, третий из приведенных у Кухеки бульбуликов может быть переведен так:

Беловатый кумай
Кружится над даштом.
Я не нашла подобного тебе.

Это трехстишие, безусловно подтверждает характеристику, данную А.Н.Боддыревым: "...бульбулик является типично фольклорной музыкально-поэтической импровизацией, достигающей порой подлинного драматизма при крайнем лаконизме художественных средств. В этом отношении бульбулик не имеет равного себе во всем восточнобадахшанском ареале и сопоставим лишь с таджикским и персидским народным четверостишием рубом, с той оговоркой, что рубом располагает целой дополнительной строкой..." (А.Н.Боддырев, стр. 11). Заметим в этой связи, что строки в рубом несравнимо длиннее...

¹ О.Е.Агаханянц. На Памире. Записки геоботаника. М., 1975.

² А.Н.Боддырев. Предисловие, - в кн. "Сказки народов Памира". М., 1976, стр. 5-22.

- 3 А. Горковенко. Понятие ступени и проблема строя, - "Советская музыка", 1969, № 8, стр. 75-78.
- 4 А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский. Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык. М., 1976.
- 5 "Иранская филология. Краткое изложение докладов научной конференции, посвященной 60-летию профессора А. Н. Боддырева", М., 1969.
- 6 Ф. Кароматов, Н. Нурджанов. Музыкальное искусство Памира. Книга первая. М., 1978 (Булбулик, стр. 43-46).
- 7 С. И. Климчицкий. Ваханские тексты, - "Труды Таджикостанской базы АН СССР", т. III. Лингвистика. М.-Л., 1936, стр. 75-124.
- 8 Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Перевод с перс. под ред. А. А. Семенова. Ташкент, 1926.
- 9 Б. Лашкарбеков. Базе намунаҳои назми вахонӣ, - сб. "Памирские языки и фольклор", I. Душанбе, 1972, сах. 143-147.
- 10 Т. Н. Пахалина. Образцы ваханской народной поэзии, - сб. "Проблемы восточного стихосложения". М., 1973, стр. 68-76.
- 11 Т. Н. Пахалина. Ваханский язык. М., 1975.
- 12 Кирилл Станкович. В горах Памира и Тянь-Шаня. М., 1977.
- 13 Burhān-ud-Dīn-xān-i Kuškakī. Bahnamā-yi Qattāgan-u Badaxšān...; Kabūl, 1303/1924.
- 14 D. L. R. Lorimer. The Wakhi Language. Vol. II (Vocabulary and Index). L., 1958.
- 15 D. L. R. Lorimer. Werchikwar-English Vocabulary. Oslo, 1962.
- 16 Die persischen Vogelnamen. Inaugural-Dissertation... vorgelegt von Ulrich Schapka aus Hanau, 1972.

Н. Н. Туманович

К ВОПРОСУ О СЛОЖЕНИИ ПОВЕСТИ "1001 ДЕНЬ"

Вскоре после первого знакомства европейской публики с арабским циклом "1001 ночи"¹, в Париже в переводе с персидского языка на французский вышла в свет еще одна повесть в этом жанре - "1001 день"². В предисловии к изданию переводчик Франсуа Пти де ля Круа писал, что рукопись повести была получена им от исфаханского суфия Мухлиса, который в юности занимался литературным трудом. По словам Пти де ля Круа, повесть "1001 день" принадлежала перу Мухлиса, который позволил ее

переписать. К сожалению, Пти де ля Круа этот список утратил.

За первой публикацией последовал ряд переизданий - 1729, 1766, 1783 и др. Одновременно с ростом популярности книги все шире распространялись толки о том, что автор повести "1001 день" сам Пти де ля Круа.

Надо сказать, что основания для такого суждения были и не только потому, что персидский оригинал повести был потерян: Пти де ля Круа настолько свободно владел восточными языками, что еще в 1670-х годах составил по-арабски "Историю кампании Людовика XIV в Голландии", а в 1708 г. написанная им по-персидски "История Людовика XIV" была поднесена шаху. Зная об этом, скептики полагали, что "1001 день" - переделка "1001 ночи", а настроенные наиболее категорически утверждали: поскольку повесть "1001 день" не известна ни на арабском, ни на турецком, ни на персидском языках, значит автором последней может быть только сам Пти де ля Круа.

В 1713 г. Пти де ля Круа умер, так и не рассеяв подозрений, а загадка повести "1001 день" продолжала волновать умы востоковедов около двух столетий. Подытоживая споры по этому поводу маститый французский ориенталист Шовэн, живший на рубеже XIX - XX вв. образно писал, что Пти де ля Круа "вышивал" свои узоры "по канве, которую имел перед глазами". И еще - менее поэтично, но зато более четко - он высказался так: "Несомненно, что сказки почерпнуты [Пти де ля Круа] из рукописей на персидском и турецком языках". Тем самым вопрос об авторстве Пти де ля Круа был поставлен в иную плоскость.

Определяющим сочтены не заглавие и форма повести "1001 день", но с в ж е т ы ее составляющие, а параллели ряду сюжетов этой повести находили среди сказок "1001 ночи" на арабском языке, в рукописях на персидском и турецком языках.

Занимаясь описанием рукописей персидского и таджикского фольклора из собрания ЛО ИВ АН мы имели возможность сопоставить сюжеты повести "1001 день" с хикаятами, существовавшими самостоятельно и включавшимися переписчиками то в один, то в другой сборник. Опираясь на этот материал, могу сказать, что для всех восьми основных рассказов повести в наших рукописях можно найти параллели.

Рамочный рассказ о кашмирской царевне, убоявшейся замужества из-за вещего сна, и царевиче Фаррухшахе, влюбившемся в нее также во сне, близок к хикаятам наших рукописей А 103₆,

В 256⁴⁴, В 4496⁵, С 1640⁹. Этот же рассказ встречен нами и в рукописи ГПБ им. Салтыкова-Щедрина (шифр Дегп 482), в списках Таджикистана, Узбекистана, в каталогах Перча и Эте - всего 10 списков.

Сюжетная схема первого вводного рассказа повести близка к хикаяту об Абу-л-Касиме списка А 103 и др. (всего 7 списков). В составе повести этот рассказ пронизан мыслью о дружбе, самопожертвовании; самостоятельно существующий хикаят - занимательные приключения богатого героя, вызывающего злобу местного правителя.

Второй вводный рассказ повести представляет собой контаминацию сюжетов рукописи В 256⁸ и В 256⁴⁸, причем в первой части сохранены завязка и имя главного героя (в форме Ризваншах вместо Ризваншад), а во второй говорится о соблюдении героем условия замужества (к первой части найдено 13, ко второй - 1 параллельный список).

Третий рассказ повести близок к рассказу А 103¹⁶ и др. (всего 8 списков). В повести логика поведения героя - временно-го мужа, не желающего разводиться с женой - более обоснована, так как он узнает в ней разыскиваемую возлюбленную.

Четвертый рассказ повести представляет собой контаминацию сюжетов В 256¹⁰ и С 1502¹ (вторая часть в 6 списках), причем имя героини - Турандот - сохранено в повести, а в самостоятельном существующем хикаяте среднеазиатских списков она именуется *ملله شهر روم* или просто *ملله*.

Рассказ о поисках беспечального (5-й повести) совпадает с хикаятами А 103¹¹ и др. (всего 9 списков) в основной идее: двое любящих живут под одной крышей, но не могут принадлежать друг другу. В повести эта тема развернута в завязке 5-го рассказа и в истории царевича Хормоза.

Рассказ о Наср ад-дауле (6-й повести) весьма близок к рассказу о Наср-и Аййаре и его благородстве, отмеченному в нашем описании в 8 списках.

Также близка к рассказу о Репсиме (7-й повести) контаминация сюжетов В 256³¹ и В 256³⁹ по 5 спискам.

Параллели, близкие нашим хикаятам, имеются и во вставных историях вводных рассказов повести "1001 день". Например, история Фаддаллы (ср. А 103¹), Малика и Ширин (ср. А 103¹³), Аруйи (ср. А 103¹²). Особенно существенно, что нередко совпадает не только сюжетная линия, но и имена собственные.

Итак, почти все рассказы, входящие в состав повести "1001 день" имели хождение на персидском языке. При этом следует отметить, что наша коллекция рукописей фольклора складывалась случайно и не может быть сочтена всеобъемлющей. Отсутствие в ней тех или иных хикаятов отнюдь не означает, что они не были популярны. Например, рассказ об Авиценне из повести "1001 день" отмечен Шовэном, как почерпнутый из произведений на турецком языке. Возможно, однако, он имел хождение и на персидском наряду с другими хикаятами об этом ученом, приведенными у Ауфи⁴. Более того, есть основания считать, что основной фонд популярных сюжетов был общим для всех народов, живших на торговых путях из арабских стран в Индию. Эти сюжеты переплетались, дополняя и видоизменяя друг друга. Зачастую лишь случайностью объясняется, на каком языке дошел до нас тот или иной хикаят.

Ареал распространения перечисленных рассказов был весьма обширным — от Индии (хикаяты, отмеченные в Каталогах Эте, Рье, наша рукопись В 256) до Средней Азии (рукописи А 103, В 4496, С 1640, списки таджикских и узбекских хранилищ).

К сожалению, дело каталогизации персидских рукописей из собраний Ирана движется медленно. Конкретными сведениями о количестве и содержании там рукописей фольклорных произведений мы пока почти не располагаем. Можно, однако, с уверенностью утверждать, во-первых, что в Иране немало таких рукописей, и, во-вторых, что в народе и по сей день такие произведения передаются из уст в уста.

Нужно учесть и еще одно обстоятельство — происхождение рукописей фольклора нашей коллекции. Это — простые, единообразные по оформлению, без миниатюр и других украшений, на обычной бумаге, написанные, как правило, небрежно, подчас с ошибками правописания. Внешний вид говорит о том, что их заказывали отнюдь не искусным каллиграфам, миниатюристами, переплетчикам, чья работа ценилась очень дорого, а ремесленникам книжного дела. Заказчиками были люди малоимущие, получившие начальное образование в мактабах — средней руки купцы, лавочники, мастера. Делались также списки и самими профессиональными рассказчиками для закрепления в памяти и расширения своего репертуара. Примечательно, что все они могут быть датированы не ранее середины XVIII века, подавляющее большинство переписано в XIX веке, т.е. появление их стало возможным в эпоху сравнительного распространения грамотности, тогда как в более ранний

период переписка такого рода произведений была относительной редкостью. Занятие это считалось недостойным. Видимо поэтому даже в списках XIX века имена переписчиков не указываются. Единственное исключение известно на сегодняшний день – сборник хикаятов, составитель которого назвал свое имя. Речь идет о сборнике *Og* 237 каталога Рье, составленном Саджванди в ХУП в. ⁹.

Эта рукопись по времени и предполагаемому месту переписки близка к той, что должна была находиться в руках Мухлиса, о которой писал Пти де ля Круа. Характерно, что Рье, востоковед конца XIX века, называет Саджванди автором рукописи *Og* 237. Аналогичное смешение понятий тем более простительно для Пти де ля Круа, жившего на 200 лет раньше. Мухлис, которого Пти де ля Круа представляет читателю как автора повести *I001* день, мог быть лишь регистратором ряда занимательных рассказов. Ясно только, что Мухлис, видимо, располагал набором сюжетов, с которыми Пти де ля Круа познакомил европейского читателя.

Какая доля литературной обработки этих сюжетов принадлежит Мухлису и какая – Пти де ля Круа – эти вопросы, быть может, удастся разрешить при полной каталогизации рукописей фольклора в Иране.

¹ *Les Mille et une nuit. Contes Arabes trad. en François* par M. Galland. t 1-12, Paris, 1704-1717.

² *Les Mille et un jour. Contes Persans, traduits en François* par M. Pétis de la Croix, t. 1-5, Paris, 1710-1712.

³ Chauvin, V., *Bibliographie des ouvrages arabes ...* vol. IV, Liège-Leipzig, 1900, p. 125.

⁴ Hizamu'd-din, Muhammad, *Introduction to the "Jawámi' ul-hikáyat wa lawámi 'u'r - riwáyat"* of 'Awfi, London 1929, № I04, 1988, 2000.

⁵ Rieu, Ch., *Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum*, vol. II, London, 1881, p. 759-760.

РАССКАЗ КУРДСКОГО ПИСАТЕЛЯ ИБРАГИМА АХМЕДА О ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Известный курдский писатель и общественно-политический деятель Ибрагим Ахмед (р. 1914) вошел в большую литературу в середине 30-х гг. Гражданственность его лирики, четкая политическая направленность публицистических статей (они появились на страницах журнала "Диари лаван" ("Дар молодежи") сразу привлекли к нему сердца читателей, для которых оказалась близка основная тема его творчества – борьба за социальную справедливость, за национальную свободу курдского народа.

В 1939 г. Ибрагим Ахмед начал издавать журнал "Галавек" ("Сириус"), сыгравший за десять лет своего существования важную роль в развитии курдской публицистики и литературы. Его смело можно назвать "колыбелью", из которой вышли многие ныне маститые литераторы.

Одновременно с большой работой, проводимой в журнале, Ибрагим Ахмед в 1946 г. принимает участие в организации Демократической партии Курдистана, входит в ее руководство, позднее становится первым секретарем партии и редактором печатного органа ДПК газеты "Хабат" ("Борьба").

40-е гг. стали периодом яркого расцвета многогранного таланта И. Ахмеда – журналиста, поэта, прозаика. В 1942 г., в самый разгар второй мировой войны был написан им первый рассказ "В стране героев". Он увидел свет на страницах журнала "Галавек" в 1943 г., а позднее вошел в сборник рассказов "Страдание" (I). Уже само название новеллы "В стране героев" сразу говорит об искренних симпатиях автора к советской стране.

Действие рассказа происходит в военном госпитале (место действия не указано). Главная героиня – простая русская женщина, мать троих сыновей-воинов, Ольга Васильевна. В момент начала рассказа двое из них уже погибли, а третий сын лежит на операционном столе. Мать исполнена надежды, что врачи спасут его. И ожидая решения участи сына Дмитрия, она вспоминает пережитое...

Средний сын Иван был летчиком, он совершил много боевых вылетов, сбил не один вражеский самолет. Но в одном из боев пуля пробил руку. Иван добрался до госпиталя – но оказалась по-

теря крови, и врач не смог помочь ему.

Андрей был заброшен в тыл врага с группой парашютистов. Они выполнили задание - взорвали важный железнодорожный объект - и уже возвращались к своим, когда столкнулись с фашистскими автоматчиками. В живых остались двое, но Андрей был тяжело ранен. Им пришлось много дней провести в лесу, пока, наконец, они добрались до своих. Андрея отправили в госпиталь, ему ампутировали обе ноги. Он скончался через несколько дней после операции.

И все это время с сыновьями была их мать, мужественная женщина, чувствующая глубоко и сильно, но сдержанная во внешнем проявлении чувств. "Сердце ее чуть не разорвалось от ударов, боль и гордость смешивалась в нем, высокая радость от сознания того, что сыновья ее, достойные своего отца и деда, с тем же мужеством и героизмом отдали свои жизни во имя защиты Родины. Кровью и огнем записаны имена семьи Васильевых на самых величественных страницах истории страны" /I,99/.

Когда она появилась в госпитале, где лежал ее младший, тяжело раненый сын, люди "с уважением говорили: "Это мать Ивана и Андрея, посмертно награжденных орденами Ленина. Какое счастье быть матерью таких героев". /I,99/.

С тонкой психологической достоверностью передает писатель силу материнских чувств. Она ждет окончания операции. Открылись двери - вышел врач. "Волнение, с которым Ольга Васильевна всматривалась в лицо врача, поймет каждая мать, а перо не в состоянии описать. Но самообладание ее было настолько велико, что она спокойным голосом задала вопрос. Врач молча остановился перед ней и выдержал взгляд ее прекрасных глаз, в которых, несмотря ни на что, светилась жизнь" /I,100/.

Всю меру страданий этой русской женщины в войне читатель постигает, когда узнает, что мать трех фронтовиков парализована, с трудом передвигается в инвалидской коляске. Видимо, эта деталь, по мнению Ибрагима Ахмеда, еще глубже даст читателю почувствовать всю безмерную силу и стойкость духа русской женщины.

Мать узнает о смерти третьего своего сына и в этот трагический момент находит в себе силы думать о Родине. Она произносит: "Дмитрий был моим последним сыном и теперь мне некого послать на поле сражения, нечем мне помочь Родине. Весь наш народ воет - и дети, и женщины, и старики - все сражаются во славу Отчизны и за Победу в войне, навязанной нам подлым врагом. Я хочу,

чтобы у Родины было много сыновей, чтобы на место погибших приходили все новые и новые, чтобы они восстановили все, что разрушила война, построили новую прекрасную жизнь, где люди будут жить одной семьей в мире и дружбе" /I, 103/.

Писатель завершает рассказ на оптимистической ноте. Незнакомый раненый боец услышал эти слова Васильевой и обратился к ней с полными любви и нежности словами: "Дорогая мама!". И от имени погибших и живых сказал: "Все, кто сражается сегодня на фронтах войны, все, кто отправится туда завтра, — это Ваши сыновья, герои, которые стеной встанут на пути врага и отдадут жизни за свободу Родины и счастье всех матерей!" /I, 103/.

Страна, где на смену павшим героям встанут новые, готовые на подвиг во имя родной страны, — непобедима. Такова основная мысль рассказа, написанного Ибрагимом Ахмедом в тяжелые для советского народа дни 1942-го года.

Возвышенно обрисованные образы героев, торжественно-приподнятый язык, патетика были свойственны курдской прозе 40-х гг. Но тема рассказа "В стране героев" — тема высокого подвига во имя Родины, бесконечной материнской любви, вдохновляющей на героические дела, — требовала именно такой системы изобразительных средств.

В этом рассказе нашло свое отражение действительное отношение курдской общественности к стране Советов, героически сражающейся с фашизмом. Ибрагим Ахмед внес свою лепту в летопись дружбы между двумя народами, горячо и взволнованно рассказав о судьбе русской матери трех отважных героев.

^I Ибрагим Ахмед. Сб. рассказов "Страдание", Багдад, 1959.

З.А. Дсупова

КУРДСКИЕ ВАРИАНТЫ "СКАЗКИ О ЦАРЕ САЛТАНЕ"

В курдском народном творчестве мы находим целый ряд сюжетов, широко распространенных в фольклоре других народов. Таковы, например, мотивы, связанные с образом змеи-дракона (змея, завладевший водой, змей, стерегущий сокровища, змей, похищающий красавицу и т.д.), с образом волшебного коня (летающего или выходящего прямо из воды); таковы сюжеты сказок о волшебном яблоке,

приносящем потомство бездетным супругам, о дереве (цветке), вырастающем на могиле влюбленных и оживляющем их, о мече, лежащем между влюбленными и карающим погубившего их злодея и т.д.

Среди общих сюжетных мотивов можно назвать и сюжет "оклеветанной жены-матери", лежащий в основе известной пушкинской "Сказки о царе Салтане".

Настоящая статья знакомит читателя с неотмеченным в литературе курдским вариантом упомянутой сказки, бытующей на кижнокурдском диалекте - сорани (Иракский Курдистан) под названием "Калколзерин у Данмирвари" ("Златочубый и Жемчужнозубая"). Содержание сказки таково:

"Жил некий падишах. И было у него три сына. Пришла сыновьям пора жениться. [А] в стране падишаха жил один крестьянин, у которого были три дочери - статные, красивые и привлекательные. Однажды отправился падишах на охоту. Случилось так, что путь его проходил мимо дома того крестьянина. А когда падишах со своей свитой проезжал мимо этого дома, все три сестры выглянули, чтобы поглядеть на пышные носилки падишаха, направляющегося со свитой на охоту. Падишах заметил девушек, и они прилипли к нему по душе. Решил он по возвращении с охоты сосватать сестер своим сыновьям.

Вернувшись с охоты, падишах тут же направил к девушкам всезнающую старуху и велел спросить: "Если падишах возьмет вас в жены своим сыновьям, каким мастерством своим вы сможете похвалиться?". В ответ старшая из девушек сказала: "Если падишах возьмет меня в жены старшему сыну, то я одним р'ба* риса накормлю сотню всадников - его гостей". Средняя дочь произнесла: "Если падишах возьмет меня в жены среднему сыну, то я из одного хока** шерсти сотку ковер, на котором свободно, не касаясь друг друга, смогут разместиться сто человек". Когда наступил черед младшей дочери, она молвила: "Ей-богу, мне похвастаться нечем, но если падишах пожелает взять меня в жены младшему сыну, то родится у меня мальчик, чей чуб будет желтым как золото, и девочка родится, чьи зубы будут белыми как жемчуг".

Старуха пошла и передала падишаху свой разговор с девушками. Падишах был очень рад тому, что у него будут три такие невестки. Он тут же собрал своих приближенных и сказал: "Я принял

* Р'ба - мера сыпучих тел, разная в разных районах (от 5 до 25 кг).

** Хока - мера веса, равная 1200 г.

решение взять своим сыновьям в жены дочерей такого-то крестьянина. Что вы на это скажете?". В ответ все говорят: "Наш падишах не ошибся... Он отыскал себе прекрасный букет". Тут же послали за крестьянином. Привели его и говорят: "В твоём цветнике есть розы, [и] ты должен принести их в дар сыновьям падишаха". Крестьянин ответил: "Если наш падишах будет рад розам моего цветника, то розы эти принадлежат ему. Да он волен и не спрашивать меня". Едва он произнес это, падишах поднялся со своего места и расцеловал его. [Затем] послали за муллою и, согласно обычаям того времени, между дочерьми крестьянина и сыновьями падишаха был заключен брак. И велел падишах начинать свадебное пиршество. Семь дней и семь ночей били барабаны, звучали флейты. Разносили угощения, беднякам раздавали платья. Затем невест из крестьянского дома перевезли в падишахский дворец".

Далее, как и следовало ожидать, старшая и средняя невестки нарушают обещание. Что же касается младшей, то ей, спустя девять месяцев и девять дней, бог дарует близнецов — златочубого мальчика и девочку с жемчужными зубами. Охваченные завистью сестры сообщают падишаху, что его младшая невестка принесла двух щенят. Разгневанный падишах велит изгнать ее из дворца, выдав ей все необходимое на существование. Убитая горем девушка с младенцами на руках покидает дом. Далеко в степи она выстраивает себе дворец и приступает к воспитанию детей. Сына обучает искусству верховой езды, стрельбе, охоте. Девочку приучает вести хозяйство. Спустя какое-то время падишах, направляясь с сыном и со свитой на охоту, проезжает мимо их дворца. Невестка узнает их и, поведав обо всем сыну, велит ему пригласить их на ужин. Падишах принимает приглашение. Ему не терпится узнать — кто хозяин этого великолепного дворца, выстроенного в такой глуши. Вечером падишах с сыном и со свитой отправляются в гости. Встречает их Каколзерин. Слуги помогают гостям спешиться и ведут их в дом. Накрывают стол. Приносят угощение — в золотых чашах на серебряных подносах. Хозяйка дома велит сначала накормить свиту, а затем падишаха с сыном. Когда последние принимаются за еду, то видят — в чашах одни обедки и кости! Оскорбленный падишах восклицает: "Разве мы собаки, чтобы кормить нас обедками!" Каколзерин и говорит: "Если вы не собаки, то как же от вас рождаются щенки?!". Тут падишах узнает их. Кончается сказка тем, что все радостные и счастливые возвращаются вместе домой. Завистливых сестер падишах изгоняет. А младшая невестка

делается полновластной хозяйкой дворца".

Существуют варианты этой сказки и на северном диалекте курдского языка (курманджи). Один из них (вариант 1) известен по русскому переводу М.Б.Руденко. Другие два (вариант 2 и вариант 3) опубликованы на курдском языке.

Из перечисленных "северных" вариантов к южной версии ближе всего вариант 1. Тут та же сюжетная линия, те же персонажи. Но в деталях наблюдаются расхождения: 1) отсутствует момент подслушивания падишахом разговора девушек; 2) падишах женится на всех трех сестрах; 3) сестры выкрадывают младенцев и, положив их в ящик, выбрасывают в море; 4) дети находят приют у спасших их старика со старухой. Отличается вариант 1 и композиционно. Здесь в основной сюжет вплетены разные мотивы с волшебным содержанием, известные по другим курдским сказкам.

Что касается близких по содержанию вариантов 2 и 3, то в них мы имеем совершенно иную сюжетную линию, в которой интересующий нас мотив присутствует лишь как один из эпизодов в жизни героев.

Надо сказать, что все отмеченные варианты сохраняют народный колорит, подтверждаемый и данными этнографии. Так в южной версии привлекают внимание такие детали, как: 1) зачин сказки — "у курдского очага сказывают...", характерный не только для сказок, но и для преданий; 2) момент моногамии (этот признак объединяет все варианты, за исключением варианта 1); 3) падишах не убивает сестер (в курдской среде убийство женщины довольно редкое явление; только супружеская неверность наказывается преданием смерти); 4) изгнанная невестка самостоятельно воспитывает детей, выстраивает дворец, ведет хозяйство (все исследователи без исключения пишут об особом независимом положении в семье курдской женщины).

Интересна и такая деталь, позволяющая группировать все варианты по локальному признаку: во всех "северных" вариантах присутствует тема воды (младенцев выбрасывают в море), и только в "южном" варианте мать с детьми удаляется в степь.

Вариативность интересующего нас сюжета говорит о том, что он широко распространен в курдской среде и имеет свою историю развития. Трудно, конечно, сказать каковы конкретные истоки и пути распространения данного сюжета, однако можно и под -

твердить уже высказанное в литературе предположение о его восточном происхождении.

-
- 1 1940 نورى على نمين چيروكى كاتوليزين و دانمواى، بغداد،
 - 2 Руденко М.Б., Курдские народные сказки, М., 1970.
 - 3 Ордихане Щалил, Джалиле Джалил. Чироке щым'э та к'орда, Ереван, 1974.
 - 4 Ordixanê Celil, Celilê Celil. Zargotina kurda, t. I, М., 1978.
 - 5 Оранский И.М., Индийский диалект группы парья. Вып. I, М., 1963.
 - 6 Туманович Н.Н., К среднеазиатским вариантам "Сказки о царе Салтане". - Иранская филология. Краткое изложение докладов научной конференции, посвященной 60-летию проф. А.Н.Болдырева.

О.П.Щеглова

ЛИТОГРАФСКИЕ ИЗДАНИЯ ПЬЕС АХУНДОВА В ИРАНЕ

Мирза Фатх-Али-хан Ахундов (1812-1878), великий просветитель азербайджанского народа, в истории литературы Ирана известен главным образом благодаря своим пьесам.

Драматургическому творчеству Ахундова посвящена большая литература, здесь мы ограничимся лишь ссылкой на оценку Е.Э.Бертельса: "Персидские переводы комедий Ахундова, как и переделки мольеровских пьес, вошли в обиход персидской литературы и сделались ее неотъемлемой принадлежностью - они представляют собой крайне важный этап в развитии еще только нарождающейся театральной литературы Персии и с этой точки зрения заслуживают серьезного внимания".²

Отметим, что впервые сборник из пяти пьес Ахундова был издан на русском языке в Тифлисе в 1853 г., русский перевод принадлежал самому автору. В 1859 г. также в Тифлисе был издан сборник под названием "Тамсилат" на азербайджанском языке. Пьесы, вошедшие в первый сборник, были написаны в течение 1850-1852 гг., некоторые затем переделывались автором. Шестая пьеса, "Правозаступники из Тавриза", опубликованная во втором сборнике, была написана также сначала на русском языке в 1855 г.

Иранскому читателю пьесы стали известны благодаря их блестящему переводу Мирзы Джа^сфара Караджедаги. К.И.Чайкин называет этот перевод "замечательным образцом персидской прозы этого периода"³. Когда речь идет об издании персидского перевода пьес, то имеется в виду литографская их публикация в Тегеране в 1874 году. Издание заключало в себе довольно пространное предисловие переводчика (13 с.), статью Ахундова о театральном искусстве и значении его для просвещения общества и перевод следующих пьес: 1) "Везир Ленкоранского ханства", 2) "Медведь, победитель разбойника", 3) "Приключение скряги", 4) "Правозаступники из Тебриза", 5) "Юсуф-шах Караджедаги" (или "Седелец Юсуф"⁴). Перевод был закончен 18 зу-л-хиджа 1290/6 февраля 1874г. Последнее произведение, "Седелец Юсуф-шах", в русских переводах известно как рассказ (или повесть) "Обманутые звезды", но в тегеранском издании оно, очевидно, переводчиком переделано в пьесу.

Книга была напечатана в частной литографии Мухаммад-Хусайна Карбалаи, печатном заведении средней руки, ее издание не отличалось высокими литографскими достоинствами: бумага была очень посредственной, почерк мелкий и малоразборчивый, отпечатки оставляли желать лучшего. Причем, в книге была объявлена монополия переводчика на право переиздания. Возможно, это обстоятельство также сыграло свою роль в том, что книга более не перепечатывалась, во всяком случае в библиографии Мушара других литографских изданий не отмечено.

Но если мы обратимся к оценке этих пьес в работе К.И.Чайкина, то увидим, что он говорит о семи пьесах, переведенных Мирзой Джа^сфаром и изданных в Тегеране в 1874 г. И, в самом деле, существует перевод всех шести пьес Ахундова и рассказа о седельнике Юсуфе, переделанного, как мы говорили, в персидском варианте в пьесу. Но переводы двух не названных нами выше пьес, т.е. "Мулла Ибрахим-Халил, обладатель философского камня" и "Мусье Жордан, ботаник, и Мастали-шах, знаменитый колдун" были изданы в Тегеране ранее - в 1288/1872 г. и в 1289-1290/августе 1872 - начале 1873 г.

Иначе говоря, раньше всего в Иране была опубликована пьеса "Мулла Ибрахим-Халил, обладатель философского камня" и, что примечательно, она увидела свет в государственном доме печати, находившемся в ведении министерства печати. Во главе министерства в последней трети XIX в. стоял Мухаммад-Хасан-хан Сани^с ад-Дау-

ле (И¹тимад ас-Салтане), оставивший большой след в истории культуры Ирана этого периода.⁵ При нем был выполнен ряд переводов с европейских и восточных языков как художественной литературы, так и научных работ.

На чем основано наше утверждение о существовании трех, а не одного, как принято считать, литографского издания пьес Ахундова? В библиотеке Восточного факультета ЛГУ хранится экземпляр тегеранского издания 1874 г. (шифр О I II427). Описывая эту книгу для подготавливаемого мной каталога литографий Восточного факультета, я обратила внимание на то, что она представляет собой конволют, т.е. сшитые вместе три издания: первое, вышедшее в 1872 г. в государственном доме печати, второе — 1873г., вышедшее также в Тегеране, но без указания литопечатни, и третье — хорошо известное издание 1874 г., выпущенное частной литографией.

Любопытно отметить, что точно такой же конволют и с тем же расположением пьес, т.е. издания 1872 и 1873 гг. помещены между второй и третьей пьесами издания 1874 г., хранится в библиотеке Британского музея и описан в каталоге Эдвардса.⁶ К сожалению, всегда точный Эдвардс в данном случае не указал, а может быть, и не заметил, что описываемый им экземпляр не является цельным^{*} изданием. И то обстоятельство, что и Чайкину было известно о перепечатке семи пьес (по его мнению, дата издания также 1874г.), заставляет предположить, что такое объединение трех изданий в одну книгу было сделано преднамеренно.

¹ А.Н.Лерман. Мирза Фатали Ахундов в русской печати 1837-1962 гг. Биобиблиография, Баку, 1962.

² Е.Э.Бертельс. Очерк истории персидской литературы, Л., 1928, с. 130.

³ К.Чайкин. Краткий очерк новейшей персидской литературы, М., 1928, с. 12.

⁴ О.П.Щеглова. Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании ЛО ИВ АН СССР, М., 1975, № 1535.

⁵ Хан Малик Сасани. Сийāсатгарāн-и 'аср-и Каджар, Тегеран, 1333 х.с./1959-60. (на перс. яз.).

⁶ E.Edwards. A catalogue of the Persian printed books in the British Museum, L., 1922, p. 207.

С.И.Баевский

"ФАРХАНГ-НАМЕ-ЙИ ФИРДАУСИ"

Средневековые персидские лексикографы, начиная с самых ранних опытов словарной работы, упоминают как правило труды своих предшественников, которые были использованы ими в качестве источников. Источники перечислялись в составе краткого авторского предисловия к фархангу, а также упоминались в самих словарных статьях. Приводя толкование слова, автор фарханга от случая к случаю подтверждает это толкование ссылкой на тот или иной словарь, или, напротив, сообщает об известных ему других мнениях у его предшественников.

Эти сведения чрезвычайно ценны, так как дают возможность расширить представление о существовавшей ранней лексикографической литературе. Многие из использованных словарей были затем утрачены, и только по ссылкам и цитатам из них, включенным в текст более поздних фархангов, можно установить как самый факт существования того или иного раннего словаря, так и составить некоторое представление о недошедшем до нашего времени лексикографическом сочинении.

Так, только по ссылкам и цитатам в словарях XI-XII вв. был установлен факт существования одного из самых первых фархангов, относящегося к началу X в., а именно словаря Абу Хафса Сутди, также словаря поэта Катрана и другого раннего фарханга "Гисале-йи Насир-и Ахмад" и др.

Наше внимание привлекли ссылки на один из использованных источников в персидском толковом словаре XIV в. "Фарханг-и Зе-фангуя ва Джаханпуя". Автор словаря ссылается на ряд ранних

фархангов: словарь Асади Туси, "Фарханг-и Фахр-и Каввас", "Рисале-йи Насир-и Ахмад", но наибольший интерес представляет упоминание о "Фарханг-наме-йи Фирдауси" - "Словарь Фирдауси".

Приводим эту словарную статью по тегеранской рукописи (Библиотека Сената, № 527, л. 216). Тот же текст словарной статьи в рукописи № 3570 хранящейся в Библиотеке г. Патна (Индия), л. 27а; цитируем по фотокопиям:

تلک - ادرك و در فرهنگنامه فردوسی تلک دانه باشد که بتنازی جلیان گویند

"Т и л к - это имбирь. А в "Словаре Фирдауси" это зерно, которое по-арабски называет д ж у л б а н [горох]".

В словарных статьях автор "Зафангуя" еще двенадцать раз ссылается при толковании на Фирдауси, в следующей форме: "дар Фирдауси". Эти ссылки даны в следующих толкуемых словах (см. издание "Фарханг-и Зафангуя"):

زوار - л. 3а
 زکان - л. 3б
 زرف - л. 4б
 کبست - л. 12б
 کیف - л. 13б

گوزن - л. 19а
 مید - л. 21б
 پایاب - л. 30а
 کناور - л. 34б
 هم آورد - л. 35б

Эта форма ссылки на источники - предшествующие фарханги - характерна для автора "Зафангуя". На словарь Асади Туси "Дугат-и Фурс" он ссылается именно таким образом: "дар Асади" (см. издание "Фарханг-и Зафангуя", лл. 9а, 13а, 14а, 23б и др.). Сверка с текстом словаря Асади Туси "Дугат-и Фурс" подтверждает, что ссылки сделаны на Фарханг Асади Туси. В двух словарных статьях "Зафангуя" - при толковании слов کهر и زندوافت даны ссылки одновременно на оба источника следующим образом: "дар Асади ва дар Фирдауси аст" (лл. 13а и 33а).

Известно, что ранние персидские поэты часто выступали и как составители толковых словарей (Рудаки, Катран, Асади Туси, Фаррухи, Шамс-и Фахри и др.).

Труд Фирдауси, создавшего эпопею "Шах-наме" в шестьдесят тысяч двустиший, несомненно был сопряжен с огромной языковой работой. Одной из задач этой работы, как известно, было в частности и очищение языка поэмы от излишних арабизмов. Можно предположить, что в результате этой работы был составлен и какой-то словарь, который составитель "Зафангуя" называет "Фарханг-наме-

-ий Фирдауся".

Бадр ад-Дин Ибрах̄им. Фарханг-и Заф̄ангуй̄я ва Джах̄анпуй̄я
(Словарь говорящий и мир изучающий). Факсимиле рукописи. Издание
текста, введение, список толкуемых слов, приложения С.И.Баев-
ского. М., 1974.

گفت فرس اسدی طوسی بگو شنش محمد دیر سباقی تهران ۱۳۳۶
сс. 24, 30, 53, 164 и др.

М.Н.Боголюбов

ПЕРСИДСКИЕ mārgīr И mā̄r.

Совмещенные в перс. mārgīr значения - "змеелов" и "закли-
натель змей", а также звуковое сходство mārgīr с парф. m'rugr,
согд. m'rkrg-, арм. margarē, палым. mrgqr= "заклинатель",
"прорицатель", "пророк" (из др.=иран. *mārga= "слово" + kaga=,
ср. др.=инд. mārga= kṛt=) уже обратили на себя внимание. Было
высказано мнение, что народная этимология по ассоциации с mā̄r
"змея" переосмыслила "заклинатель" в "заклинатель змей" и наде-
лала этим значением mārgīr¹. Соотношение - согд. w'tyr и перс.
bādgar и badgīr "расположенный на ветру (о возвышенном месте)"
напоминает замену исходного =gar на =gīr в mārgīr. С компо-
нентом mā̄r°, воспринятым в значении "змея", суффикс действу-
ющего лица =gar не совместим и не мог при нем удержаться.

В очень интересном контексте встречается mārgīr в Шахнаме,
в речи кабульского шаха Михраба, обращенной к его дочери Рудабе,
полюбившей Заль². По рождению и племени Рудабе, отпрыск Заххака,
и Заль, вятязь-иранец, возвращенный Симургом, чужды друг другу.
Михраб разгневан и готов убить Рудабе. Любовь может навлечь беду:
Манучихр и Сам разорят его владения. Синдухт, защищая дочь, убеж-
дает Михраба, что происхождение не помеха: Феридун женил своих
сыновей на дочерях Сарва, царя Йемена, и Заль избрал этот же
путь; а Сам уже направился в Ирак к Манучихру, значит он не про-
тивится. Михраб смирился, он обещает Синдухт не карать Рудабе.
Но гнев Манучихра его страшит и он говорит дочери, что ее мечтам
не сбыться.

ba=d=ō guft kay šusta=mayz=az=xirad
ba purgavharān īn kay andar x'arad
ki bā Ahriman juft gardad Parī

ki na tāj bād=at na anguštarī
gar az dašt=i qantān yak=ē mārgīr
šavad муҗ bibāyad=š kuštan ba tīr

В устах Михраба purgavharān "благородные" – это Манучхр, Сам. И Parī не эпитет Рудабе – "красавица", а Добрый гений в отличие от демона Ахримана. В глазах благородных потомок Захка несет печать Ахримана, и поэтому им не будет угоден брак Рудабе с Залем³. По-видимому, Михраб напоминает дочери, что брака не допускают и обычаи пустынь Кахтана, откуда ведет начало их род. Там предадут смерти соплеменника, если он перейдет к чужим.

Он сказал ей: "Ты лишилась ума.
Придется ли когда-нибудь по нраву благородным,
Чтобы породнились Пери и Ахриман?
Не носить тебе ни венца, ни перстня:
Если маргир из пустынь Кахтана
Станет магом – сразить его надо стрелой".

В противопоставлении mārgīr – муҗ слышится отзвук какого-то, может быть, описанного в исторических хрониках действительного события того времени, когда Йеменом владели Сасаниды. Фирдоуси связал его с Михрабом по сходству взаимоотношений – Михраб вассал Сама. Судя по арамейскому документу из Пальмиры, которая активно торговала с Южной Аравией, ср.=иран. отражение *maṣṣa-kaḡa= было известно в Пальмире, ср. пальмир. mṣṣgṣt "заклинатели", Сам Фирдоуси, зная соотношение перс. bādax-bādḡīr при рифме tīr мог преобразовать известное ему слово в mārgīr. Представляется, что mārgīr выполнял примерно те же функции, что и муҗ "жрец". Конечно, всякий раз, когда в древнем тексте слово засвидетельствовано только один раз, а в Шахнаме нет других примеров на mārgīr, определить его истинное значение бывает затруднительным. В новом издании Шахнаме этот единственный в своем роде бейт, содержащий mārgīr, находится среди разночтений⁴.

Несколько слов также о māg "змея", поскольку этимология, указанная П.Хорном (к mag= "умирать", "(кауз.) убивать" через осет. mag "яд") не утвердилась.

У Эсхила (525–456 до н.э.) и Эврипида (484–406 до н.э.) отмечено иранское заимствование – μάραγμα "бич", "плеть" из

др.-иран. *māga=gnā= "то, чем убивают змей". Это слово позволяет прибавить к н.-перс. и ср.-перс. māg также др.-иран. *māga= "змея".

В языках нет параллелей к māg. Это приводит к мысли, что исходная форма помимо двух согласных имела и другие согласные. Их утрата привела к утере связи между māg и родственными словами. Отпавшие согласные располагались не на исходе, где помещаются словообразовательные морфемы, а в начале слова, в его корневой части. Следовательно при объяснении māg необходимо учитывать возможность полного или частичного отпадения в праформе согласных, составляющих корень. Это дает основание объединить māg "змея" с перс. kirn "червь", ср.-перс. kirn "червь", "змея", осет. kaln "змея", "червь", согд. kurn "змея".

В индоевропейских языках получила распространение основа на -i-: *k^wmi-, лит. kirnis др.-инд. kṛmi- др.-иран. *k^wmi= "червь" (ср. *k^wmiḡa- > согд. k^wmiḡ ягн. k^wir "красный", перс. qirniḡ "красный").

В древнеиранском параллельно основе *k^wmi- при склонении (ср. именит.п. kavā, srā, pitā от kavī-, srān-, pitān-) образовалась вторичная основа на -n-/-r-: *k^wman-, *k^wmar-. В этой основе наблюдается подъем гласного суффикса. Например, в древнеиндийском от karmān-: karmar- "дело" образовано имя деятеля *karmāg-, получившее тематическое распространение в ведическом karmāga- "мастер", "кузнец"; сюда же относится māgjāgā- "кот" (от mājāti); к основе *kumar- (от kav- "маленький") относится kumāgā- "мальчик"; ср. др.-инд. āngāga "уголь" и согд. 'nk'ut "печь", ягн. inkir "печь", "очаг". В древнеиранском путем подъема гласного суффикса от вторичной основы *k^wman-: *k^wmar- "червь" образовано производное с увеличительным значением *k^wmarāga- "змея".

В результате диссимиляции г - г, частой в древнеиранском, *k^wmarāga- преобразовалось в *kamāga-. Элемент ka- народная этимология отождествила с проклитической частицей ka- "что за" - *kamāga "что за змея", "ну и змея"; ka- как частица была отброшена. Так сокращенная форма *māga- генерализовалась в значении "змея". И наоборот, частица ka- -авест. ka=ḡrōda- "что за голова" при др.-инд. mārhdān- "голова" - лексикализовалась в ср.-перс. kamāl "голова".

I См.: W.B.Henning. *Mitteliranisch. Handbuch der Orientalis-*

tik. 1. Abt., 4. Band, Iranistik, 1. Abschn., Linguistik. Leiden-Köln, 1958, S. 93, n. 1.

² J.A.Vullers. *Firdusi Liber Regum qui inscribitur Schahname... Ludguni Batavorum*, 1877, t. I, S. 184.

³ См.: Фирдоуси. Шахнаме. Т. I. Изд. подготовили Ц.Б.Бану, А.Лахути, А.А.Стариков. М., 1957, Комментарии, стр. 627, № 660 I.

⁴ Фирдоуси. Шах-наме. Критический текст. Т. I. Под редакцией Е.Э.Бертельса. М., 1960, стр. 191, сн. 12.

М.Н.Боголюбов

ЗАХХАК И АЖИ ДАХАКА

В Шахнаме мифический царь иранской саги - авест. *Aži-Dahāka* =, помимо иранского - *Bēvakaasp*, назван также арабским именем *Dahhāk*¹ - Заххак. В этом сказалось, в частности, желание упрочить приданную ему еще в зороастрийской традиции принадлежность к арабскому племени. Араб. *Dahhāk*, поддерживаемое библейским *Yishāk* (см.: Бытие, 21:6), осмысливается как "много смеющийся" "насмешник". В первые века ислама имя *Dahhāk* не было редким: только среди передатчиков хадисов известно более пятнадцати лиц, носивших имя *Dahhāk*. Имя встречается у иранцев уже в VII-VIII вв. Его носит Абū-л-Касим Даххāk² ибн Музāхим (ум. 723), уроженец Балха, толкователь Корана из первого поколения учеников (таби^СИн) сподвижников пророка. На "Книгу Заххака" - *Kitābi Dahhāk*, содержащую сведения из ранней истории Балха, ссылается автор "Фада'или Балх" (XIII в.)³.

У иранцев новоприобретенное *Dahhāk*, возможно, наслось на исконное *Dahāk*, например, ставшее прозвищем - личным именем этническое название, ср. ср.-перс. *d'hk'n* / *dh'k'n* "жители Дахистана" (*dhyst'n'*, *d'h MT'*), др.-перс. *Dahā* дахи и элам. и.с. *da=ha*, *da=hi=ma*. *Dahāk* могло восходить и к тому же *Dahāk*, что входит как компонент в *Aži(1)Dahāk*, но употребляться независимо от последнего. *Dahāk* стали замечать арабским *Dahhāk* не только по созвучию, но и в силу одного из толкований, которые давались *Dahāk* в народной этимологии. Сохранилось, например, объяснение *Dahāk* через *da=āk* "тот, у кого десять пороков"⁴. Наверное, существовали и другие народноэтимологические объяснения, среди которых близкое по значению араб. *dahhāk*. Подобным образом по значению было замещено иран. *Sragma* =,

Sprah ("базилик", ср.=п. Zāt=sprah, арм.ж. Եսրահ) арабски-ми Rayḥān (м), Rayḥāna (ж.).

В таджикской-персидской поэзии встречается прилагательное *dasta*, означающее "тот, над кем глумятся, издеваются, предмет насмешек (маҷхара, музҳика, хандахариш), кто терпит грубость (*gustāfī*), неучтивость (*bīadabī*), например:

Нест аз ман аҷаб, ки густоҳам,

Ки ту кардӣ ба аввалам даста

(Рудаки)

"Не удивительно, что я груб. Ведь ты

первый сделал меня посмешищем".

Ман аз дасти ту дилситон шудаам,

Дастам ҷумлаву дастон шудаам

(Насир Хусров)

По твоей воле я стала "пленяющей сердца",

стала я предметом насмешек всех и вся".

Бунафша даста аз он мешавад дар маҷлиси боғ,

Ки дар баҳор биҷӯшад либоси таҷворо

(Салман Саведжи)

"Фиалку осмеивают на маджлисах

в саду, потому что она по весне надевает (синюю) одежду воздержания".

По форме *dasta* - причастие прошедшего времени страдательного залога. При *dasta*, учитывая соотношение авест. *ah= : asta=, sah= : sasta=, sāh= : sāsta=*, корнем, основой настоящего времени явилось бы *dah=*. И действительно, в среднеперсидском представлены именные производные от *dah=*, имеющие значения этого же порядка, что и н.-перс. *dasta*. Так, для *dhkyh* в следующем перечне пороков возможен перевод "издевательство", "глумление", ср.: *dwā'k'syh W plypt'lyh W hāmknyn W swatyh W 'plyknš-nyh W tlmynānyh wlnkyh W spwak'lyh W dhkyh W 'āgyh'nyh* (DKM 165, 12=14) - "невежество, обман, злоба, слабоволие, высокомерие, упрямство, жадность, небрежение, издевательство, ленность".

Значение "насмехаться" ярко проявляется у *dah=* в производном *d'hykuk* в следующей фразе из Панднамак-и Зардушт, в которой тон задают *afsōs kardān* "насмехаться"⁵, *afsōsgar* "насмешник", *afsōsvar* "осмеиваемый" - W ^СМ(=PWN) 'YŠ 1 'YŠ 'pswa 'L 'BYD' X₁ MH 'pswakl GER' 'pswswl ztGDH W nplytk YHw' d 'Pš'n

prand d'hykyk w 'ltyšt' l km YHW" ut. Как прилагательное на =ig "заслуживающий чего-л." от dahig "насмешка", "неучтивость" d'hykyk dahigig означает "посмешище", при =ig "приверженный чему-л." dahigig = "скоморох", "шут". - ud pad kas=ēv kas afsōs ma kunād cē afsōsgar mard afsōsvar zad=xvarrah ud nifrīdag bavēnd u=šān frazand dahigig ud artēštār kam bavēd - "Пусть никто ни над кем не насмехается. Потому что насмешники будут осмеяны, лишены счастья и прокляты. Их дети (будут) посмешищем, скоморохами и воинов (из них) будет мало" .

А.А.Фрейман⁶ отметил, что слова u=šān frazand dahigig ud artēštār kam bavēd являются откликом на Y.II.6 nōit ahmi nmāne zānaitē āvra vaēda ra'vāēštā naēda vāstryō fšuyas hāt ahmi nmāne zayāntē dahikāca mīrakāca pouru. sarōda varānāca "не родится в этом доме ни жрец, ни воин, ни скотовод; в этом доме рождаются дахики, мураки и разного рода варшны". Вероятно, составитель Панднāмак=и Зардушт придал авестийскому dahika= значение ср.=п. d'hykyk и поэтому сблизил составленное им название с Y.II.6.

В тех говорах, из которых dasta попадает в литературу, удерживаться могла и глагольная пара dah= : dasta "насмехаться", "грубить", "поступать неучтиво". Именно в этой языковой среде появляется толкование Dahāk (при уподоблении имени презентному причастию) через араб. dāhhāk "много смеющийся", "насмешник". Если так, то в Dahāk увековечено одно из утраченных значений dah=. В Шахнаме нет примеров на dah= : dasta в упомянутом значении. Но и само соответствие Dahāk - Dahāk (Зах-хāk) установилось в персидской ономастике задолго до Фирдоуси. Фирдоуси же, или кто-то из его предшественников, придал имя Dahāk - Заххāk историческому Aži=Dahāka= и тем положил предел функционированию Dahāk в качестве личного имени.

Уже Юсти⁷ выделил др.=иран. dah= как самостоятельный корень и отождествил его с др.=инд. dāsati "губить". Бейли⁸ также считает др.=инд. das=, dassaya=, dās= и др.=иран. dah= "употреблять силу", "грубо обходиться" самостоятельным корнем. В пользу этого говорит вышеприведенное соответствие перс. dah= : dasta.

Бейли возводит к dah= : др.=иран. *daha=, сак. dāha "мужчина", "человек", сак. dāhošta "мужество", вах. dāy (< *dāy^o) "муж", "мужчина", "человек", "парень"; парф. d'hyft "рабство", н.=перс. dāh "слуга", согд. δ'yh (< *dāhyā)

"рабыня"; др.=перс. *dahā* (XPh 26) дахи (этно.), авест. *dahī*="дахская (страна)", ср.=перс. *dhyst'n'*, н.=перс. *Dahistān* область к востоку от Каспийского моря; др.=иран. *dahyu*="страна (букв. местность, где живут *daha(h)=, dahya/u=*)"; ср.=перс. *dahagīh* "глушение", "грубость", *dahīg* "глушение", "мучение" - ^сМ' gl'n ssd w npl't' w dhyk ^сL 'yl' n' štr' Y't't⁹ - "(Александр) пришел в Иран=шахр, принеся тяжелые страдания, побоища, мучения"; арм. *dahič* "палац", *dahčapet* "глава палачей".

И.Гершевич¹⁰ к *dah*= "проявлять силу" возводит афг. *lōy* "большой", ср. *vaz*= "иметь силу" и др.=перс. *vazrka* "большой", "великий".

В таджикской и персидской литературе глагол *dah*= представлен в своем основном значении "употреблять силу" - "бить", "ударять", правда, лишь с формами повелительного наклонения с огласовкой *dih*=, *dihōd*¹¹, а также именами *dihādih*, *dihūdār*, *dihū-gīr*, *gīrūdih* "схватка", "крик сражающихся", ср. в Шахнаме:

Қазо гуфт: Гиру қадар гуфт: Дех!

Фалак гуфт: Аҳсан, малак гуфт: Зех!

Судьба сказала: Хватай! Рок сказал: Бей!

Небо сказало: Прекрасно! Ангел сказал: Bravo!

Чу ман бар хурушам, дамеду диҳед!

"Когда я крикну, нападайте и бейте!"

Диҳед, ар ба гурзу ба жупин, диҳед

"Бейте, булавами ли, копьями ли, бейте!"

Ба тирӯ ба жупину ханҷар диҳед!

"Бейте стрелами, копьями, кинжалами!"

А.Н.Болдырев любезно указал мне на хорасанскую глоссу у Табари¹² - *dahōd*, *yā jūvāpakān* "Бейте, молодцы!", ср. также в "Истории Мас'уда" Бейхаки¹³ - *sang dahōd* "Бейте камнями!".

Известны эти формы в говорах Центрального и Южного Таджикистана¹⁴, например:

Бо хушомад маро макун фарбеҳ ,

Шикамам сер кун, як сӯтаам деҳ

(Назаршо Ишкoшими, XIX в.)

"Не корми меня льстивыми словами,

Насыть мое нутро, потом хоть палкой побей".

Или: де(ҳ) да каллаш! (=зан ба сараш) "Стукни его по голове!".

Деҳен қарсака: "Айвоҷ" плониҳа буд қард! (=занед қарсакро: "Айваз" плани худро буд қард) "Аплодируйте: «Айводж» выполнил свой

план¹⁵.

Формы повелительного наклонения **dē(h)**, **dihēd** зарегистрирована в говорах Афганистана, отмечена в кабули, у казарейцев, также в парачи. А.А.Фрейман¹⁶ определил заимствованный глагол **dah=/dih=** в хорезмийском языке. Полную парадигму имеет **dah=** в ягнобском языке, разнообразно представлен **dah=** в памирских языках.

Здесь можно привести еще один, при этом самый ранний, пример на употребление **dah=/dih=** в значении "бить", относящийся к хорасанскому ареалу.

В 1954 году в серии "Навāдир ал=махтутūtāt" впервые издан трактат Ибн Хайба (ум. 245/859) под названием Асмā' ал=мутгālīн мин ал=ашраф фй=л=джāхилийā ва=л=ислām¹⁷ "Имена знатных арабов, умерших насильственной смертью в доисламскую эпоху и при исламе". Ибн Хайб поместил рассказ о Са'йде ибн 'Усмāне ибн 'Аффāне, которого халиф Му'авия в 56/676 г. назначил эмиром в Хорасан. Са'йд совершил поход на Бухару, в Согд и Самарканд. Ибн Хайб рассказывает: "Продвигались люди [Са'йда] пока не достигли Бухары. В Бухаре тогда [правила] царица, которую звали Хунук Хātūн. [Са'ид] заключил с ней известный мир с тем, чтобы она открыла ему путь на Самарканд. Он взял у нее заложниками на верность [договору] тридцать безбородых юношей из царевичей, у которых лица [светились], как мечи. [Хātūн] облегчила ему путь. И встречались он и Хātūн. Жители Хорасана порицали их и пели о них в песне по-хорасански так:

k^uwr xwyt »**д x'twn dgrw k^andh**".

Это сообщение Ибн Хайба исключительно ценно. О том, что жители Бухары сложили песни "на бухарском языке" об эмире Са'йде и Хātūн, рассказал Наршахī в "Истории Бухары"¹⁸. Но в дошедшем до нас тексте его сочинения нет образцов этих песен. Нет их и в других источниках, упоминающих Са'йда ибн 'Усмāна. Строфа, приведенная Ибн Хайбом, восполняет пробел и вместе с известными стихами из песни, приписываемой Йазīду ибн Муфарригу¹⁹ (**āb=astu nabīd=astu 'usārātī zabīb=astu Sumayya rwsyūδ=ast**), может рассматриваться как древнейший образец персидской-таджикской мерной речи. Песня о Са'йде относится к 56/676 г., песню о Сумайе связывают с 59/679 г.

Записана строфа в архаичной орфографии, характерной для ранних тафсиров: союз **ku**, частица **ka** написаны слитно со следующим словом - **k^uwr = ku var** т.е. **ki bar** (**bar** - предлог); **k^andh = ka**

na dah т.е. ki nazan "ты уж не бей", ср. kbrw = ki bar ū "что о нем", kbr xuznd = ki bar xōzand "которые восстанут", kngrft= ki na girift "что он не взял" в тафсирах; drwŷ knhdh "ты уж не лги" - здесь глагол dah= также, как в "Шахнаме" и в примерах из других текстов, стоит в повелительном наклонении, но использован в качестве вспомогательного: durōŷ dah= "лгать", соответственно durōŷ zadan в дари, ср. durōŷzan "лжец".

Заслуживает внимания написание **ххуг**. Это, конечно, не "тесто"²⁰. Естественно ожидать, что Ибн Хайб в подтверждение сообщения о свидании Са'ида и Хатун привел из песни место (поскольку он привел только одно), в котором одновременно упомянуты оба лица - и Хатун и Са'ид. Упоминание обоих мы и найдем в строфе, если вспомним, что в Средней Азии араб. 'amīr "эмир" произносили с начальным глухим увулярным на месте ларингала (хамзы). Об этом свидетельствуют хорезмийская (XI-XII вв.) и согдийская (УШ в.) письменности: хорезм. **ххуг**= араб. 'amīr; согд. **ŷuyg ŷuyt** = эмир Са'ид. Теперь мы располагаем третьим типом источника, **ука-зывают** на то, что араб. 'amīr звучало с увулярным - **хамīr**, также и в персидской-таджикской речи хорасанцев в УП веке и уже от них в этом звучании пришло в согдийский и хорезмийский языки.

Предлагаю читать и переводить строфу следующим образом²¹:

k^uwr xhug »мд x'twn drwŷ k^andh

ku var xamīr āmad xātūn durōŷ=k^a nadah

"Ты уж не лги, что «Хатун приходила к эмиру»".

В "Шахнаме" Захак - человек по рождению, жестокий, злой, со-вращенный Иблисом отцеубийца, несущий печать Иблиса - две змеи, тиран, колдун, но человек, имеющий человеческое потомство - мар-ди напākрай²² "нечестивый человек", аждахādūš²³ "со змеями на плечах". В мифологии этот образ восходит к дракону (авест. aži=; демона др.-инд. Вритру тоже называют ahi "змея")²⁴. Но не исклю-чено, что уже в иранской древности дракона заменило предстание о драконе-человеке: к aži= "змея", "дракон" было добавлено приложение dāha= (см. выше) "человек", "чужой человек", "враж-дебный человек" - *Aži= Dāha=; единство *Aži=Dāha= было скреп-лено суффиксом - Aži=Dāhāka=. Это объяснение ставит *Aži=Dāha=, **Aži=Dāhāka** в ряд с такими двусоставными словами, передающими единое понятие, как **vastryō fšuyas** "скотовод" (букв. "тот, кто занят пастбищами", "кто вскармливает скот")²⁵.

¹ См: F. Justi. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, S. 60

(Ваевагаара).

² Имя **Дархак** было дано шейху при следующих обстоятельствах его рождения: "он оставался во чреве матери два года, у него вышла часть зубов и при рождении он, как будто бы, смеялся (михандидааст)" - "Фадā'или Балх". Издал 'Абд ал-Хайй Хабībй. Тегеран, 1350, стр. 62.

³ "Фадā'или Балх", стр. 41.

⁴ F. Justi, там же.

⁵ Ср: 'а=таттах изунā хузу'ан - бар mā фусūs намйкунй (Тафсйри Кур'āни Пāk, Бакара 67) "не насмехаешься ли ты над нами?".

⁶ A. Freiman. Pand-nāmak i Zaratušť. Der Pahlavi-Text mit Übersetzung, kritischen und Erläuterungsnoten. Giessener Dissertation. Separat-Abdruck aus WZKM, Wien, 1906, § 34, n.5.

⁷ F. Justi. Handbuch der Zendsprache. Berlin, 1864, с.150.

⁸ H.W. Bailey. Iranian aya= and dāh=, Transactions of the Philological Society. Oxford, 1959, с. 107-114.

⁹ J. J. Asa. Arda Viraf Nameh. Bombay, 1902, I : 6.

¹⁰ I. Gershevitch. Amber at Persepolis. Studia classica et orientalia A. Pagliaro oblata. T. II, Roma, 1969, p. 234.

¹¹ В персидских словарях, включая Глоссарий к "Шахнаме" Вольфа, **dih=** "бить", приводится под **dādan** "давать". А. А. Фрейман (Хорезмийский язык. М.-Л., 1951, стр. 24, 104) предположительно выводит из индо-иран. **dhā=** "власть", "ставить".

¹² Мухаммад Таки Бахār. Сабкинāсй, I, Тихрāн, 1321 (=1942), с. 20.

¹³ Тарйхи Байхакй. Тихрāн, 1324 (1945), с. 187. На это место мне любезно указал А. Абдуллаев.

¹⁴ Основу **de(h)=** привел в числе показателей, объединяющих говоры Центрального и Южного Таджикистана с персидскими-таджикскими говорами Афганистана и Ирана, И. М. Оранский в докладе, прочитанном на У Всесоюзной межвузовской конференции по иранской филологии (Душанбе, 25-27 апреля 1966 г.).

¹⁵ Эти примеры, как относящиеся к говорам "арабов" кишлаков Арабхона (р-н Кабодиён), Айводж, Бешканд (р-н Шартуз) Тадж. ССР, я получил от Р. Мусульманкулова.

¹⁶ А. А. Фрейман. Хорезмийский язык. М.-Л., 1951, стр. 24, 104.

¹⁷ 'Абд ас=Салām Хārūн. Навдир ал=махтутāt. Ал=маджмӯ'а ас=сāдиса. Ёсмā' ал=мугтāйлйн мин ал=ашраф фи=л=джāхилийя

ва-л=ислām ли=Абӣ Джа‘фар Мухаммад ибн Хабиб ал=Бағдādӣ ал=му-
таваффа саната 245. Ал=Кāхира, 1954, с. 165-168.

¹⁸ Description topographique et historique de Boukhara par
Mohammed Natchakhy. Texte persan publié par Ch. Schefer. Paris,
1892, p. 38.

¹⁹ См.: В.А.Эберман. Персы среди арабских поэтов эпохи
Омейядов. Записки Коллегии востоковедов, т. II, вып. I, Ленинград,
1926, стр. 127 и сл.

²⁰ Так читает **хмуг** А.А.Раджаӣ, см.: Ахмад ‘Али Раджаӣ.
Пул=и мийāн=и ши‘р хиджаӣа‘арӯзӣ=и фāрси дар курун=и аввал=и
хиджрӣ. Тихрāн, 1353 (= 1974), с. XXIV.

²¹ Иначе читает и переводит строфу А.А.Раджаӣ, там же,
с. XXIV.

²² Фирдоусӣ. Шах-наме. Том I, М., 1960, стр. 69. № 326.

²³ То же, стр. 75, № 417.

²⁴ См.: Geo Widengren. Die Religionen Irans. Stuttgart,
1965, с. 41-2.

²⁵ E. Benveniste. Le vocabulaire des institutions indo-
européennes. T.1, Paris, 1969, p. 287-8.

Рустам Джураев

О ФУНКЦИЯХ СЛОВА "MAGAR" В ЯЗЫКЕ ДАРИ АФГАНИСТАНА

I. Слово "magar" в языке дари, также как в таджикском и персидском языках, засвидетельствовано в качестве вопросительной частицы "разве, неужели, ли" как синоним āyā¹. Ср.: Magar tu metuvānī bixvānī, metuvānī biyandešī, metuvānī ħarf bizanī? Раз-
ве ты способен учиться, способен размышлять, способен говорить?²

Āyā behtar nēst barāyi īn hama mardum, ki barāyi tu mēta-
pand va xidmat mēkunand, tu ham rūze kalayi gulpimānandatrā az
mūtari sasmētravu haftād sāntiyi mūdi rūz barāvarda la‘aqaal
rahēgā, ki ‘ubūr mēkunī, bubīnī?

‘ Не лучше ли ради этих людей, которые стараются и выполняют твою службу, ты тоже когда-нибудь, высунув свою голову из модной длинной шести метров и семидесяти сантиметров машины, хотя бы посмотришь на дорогу, по которой едешь?’³

П. Однако, в отличие от таджикского и персидского языков, в языке дари данная функция "magar" является не очень распространенной. Здесь более характерно употребление magar в качестве сочинительного и подчинительного союзов.

На употребление "magar" как сочинительного союза обратила внимание Л.Н.Дорофеева; она пишет: "Из противительных союзов наиболее характерным является союз magar "но", "однако": afgānīrā yād dāram, magar fārsīrā na - 'Афганский язык я знаю, а фарси - нет'⁵.

В действительности, слово "magar" как в устной, так и в письменной формах языка дари выступает как противительный (сочинительный) союз чаще, чем в функции вопросительной частицы.

Примеры: Dar zimānhāyē ki halimrā az gūsti hayvānāti bār bar sar mēpuxtand, yak zarbulmasal ham būd, ki meguftand: "xāki xuāk ba dēvār namāgīrad" magar imrūz az karāmāti qahī va qimatī va az barakati mūdparastī va fišanu taraqqiyāty rūzafzūni istihā va sarkāšīyi nafsi mardum qādir sūda, tā xāki xuāki zuḡālra ivazi qīr ba rūyi sarakhā bičaspānand.

В те времена, когда готовили халим⁶ из мяса вьючных животных, существовала пословица: "досл. сухая земля не прилипается к стене", но теперь, из-за дороговизны и уважения к моде, а также из-за повседневного увеличения жадности людей, на дорогах взамен асфальта рассыпают угольную пыль⁷.

Qatl dar tamāmi Amrikā jināyast ast, magar qānūni vāhid va fidrāl dar in mavzū dar Amrikā vujūd nadārad.

Убийство по всей Америке считается преступлением, однако, по этому поводу не существует единого и федерального закона⁸.

Dar in muddatī mazkūr dāktarhā, ki ba šhri Kābul mavjūd būd, ki hama ba 'ilāji čāsmāni marīza kūsīdand, magar fāyida hāsil našud.

В течение указанного времени доктора, которые находились в Кабуле, старались излечить больные глаза, но это не приносило пользы⁹.

Tifi barāyi xvābīdan bā utāqi kūcak dāxil mēšavad, mēxvānad xargūšrā niz kanāri xud rūyi bistar jāy dihad, magar ba bistar gunjāyis nadārad, lihāzā rūyi čavki rūbarūyi xvēs meguzārad.

Ребенок, чтобы спать, входит в маленькую комнату, он желает в постели рядом с собой положить кролика, но кролик в постели не

умещается, наконец он кладет его на стуле напротив себя¹⁰.

III. В качестве подчинительного союза слово "magar" засвидетельствовано в следующих функциях:

1) выражая основание действия, вводит придаточное предложение причины: *Davlati Frāns va Amrikārā niz taryībi sulh dāda, magar barāyi mudīrāni ingrizī ma'lūm gardīdā, ki davlati Ĵirman mōxvāhad, ki dar in pērāya az kamūābīhāyi maāriqīyi xūd bahra-var gardīda yak sulhī fātāhāna ḥāsīl nimāyad.*

Склонили к миру также Францию и Америку, ибо английским руководителям стало известно, что Германия, используя свои восточные успехи, намерена добиваться победоносного мира¹¹.

2) сочетаясь с "ān ki", (*magar ān ki*), образует сложный подчинительный союз и вводит условное придаточное предложение: *In bēkārīhā az miyān namēravād, magar ān ki dīgargūnīhā va islā-ḥāti bunyādīyi iqtisādī dar kisvar payūyad.*

Эта безработица не ликвидируется, если в стране не осуществляются коренные экономические перемены и реформы¹².

3) В устной речи "magam" < лит. *magar-ham* вводит уступительное придаточное предложение:¹³

Sarakhāyi far'īyi tamāmi kārtahāyi navahdās qīr šud, magam mā zimistān misli gahvāra Ĵunbānhā vāri dēvārīhāyi kūčarā mahkam girifta xūda az gil vulūš mēkasēm.

Хотя дороги всех новых массивов покрыты асфальтом, несмотря на это, зимой, подобно богомолу, крепко прицепившись к стенам, вытаскиваем себя из глины¹⁴.

Таким образом, слово "magar" в языке дари следовало бы рассматривать не только как частицу, но и как сочинительный и подчинительный союзы.

¹ См.: Забони адабии ҳозираи тоҷик, лексикология, фонетика ва морфология, қисми I, "Ирфон", Душанбе, 1973, саҳ. 427; Ю.А.Рубинчик. Грамматический очерк персидского языка, приложение к персидско-русскому словарю. М., 1970, стр. 837.

² Газ. *Islāh*, N 232, 1 Ĵavzā, 1350 h.š., sah. 5.

³ *Payiz Hanifi*, Labxand, Kābul, 1347 h.š., sah. 21.

⁴ К.Г.Залеман и В.А.Жуковский "magar" наряду с "āyā, hēc, čī" называют "вопросительным союзом": Краткая грамматика новоперсидского языка с приложением метрики и библиографии, СПб, 1890, стр. 68; Е.Э.Бертельс "magar" рассматривает в разряде

противительных союзов, Грамматика персидского языка, ИЖВЯ, Л., 1926, стр. 80.

⁵ Л.Н.Дорофеева, Язык фарси-кабули, ИВЛ, М., 1960, стр.60.

⁶ Халим - похлебка из мяса, жира и пшеницы.

⁷ Payiz Haniffi, Labxand, hamānjā, sah. 1.

⁸ Газ. Islāh, № 241, 10 javzā, 1350 h.š., sah.3.

⁹ Газ. Sirāy ul-axbār, sāli 7, šumārayi 3, 11 sumbula, 1296 h.š. sah.16.

¹⁰ Газ. Islāh, № 232, 1 javzā, 1350 h.š., sah.5.

¹¹ Газ. Sirāy ul-axbār, sāli 7, šumārayi 4, 10 misān, 1296 h.š., sah. 14.

¹² Газ. Islāh-Anīs, 11 asad, 1352 h.š., sah. 7.

¹³ Сочетание "magar" и "ham" отмечено в работе Равана Фархади, см.: Разговорный фарси в Афганистане, пер. с французского Б.Я.Островского, изд-во "Наука", М., 1974, стр. 108, 200.

¹⁴ Payiz Haniffi, Labxand, hamānjā, sah. 1.

Д.Карамшоев

ОБОЗНАЧЕНИЕ РОДОВЫМИ ФОРМАМИ ОБЪЕМА ПРЕДМЕТА В ПАМИРСКИХ ЯЗЫКАХ

Общепризнанным в индоевропеистике является мнение о том, что родовые формы в рамках неодушевленных существительных с точки зрения семантики являются немотивированными, произвольными и лишены значения.

Анализ материалов шугнано-рушанской группы памирских языков свидетельствует о том, что категория рода и родовые формы обладают различными семантическими нагрузками. Родовые формы могут выступать в качестве словообразующего элемента (ср. шугн.-руш. *хис* м.р. бульон, отвар - *хас* ж.р. "вода"; *сāх* ж.р. "дикий лук" - шугн. *сīх*, руш. *сох*, барт. *сох* м.р. "горький", шугн.-руш. *сāх* ж.р. "горькая").

Специальную группу составляют родовые пары, которые формально (по родовой огласовке) совпадают с обычными формами (и-образная огласовка у имен муж. рода, i-, а-образные огласовки у имен жен.р.), но отличаются лексико-грамматическими признаками. Рассматриваемые коррелятивные формы используются для характеристики объема и величины обозначаемого ими предмета. При этом в языках и диалектах шугнано-рушанской группы корреляты муж.р. обо-

значают маленький предмет, а соответствующие формы (корреляты) жен.р. указывают на большую величину данного предмета; ср. руш. *самџг*, хуф. *сџмџг*, барт. *самџ*, шугн. *сџмџд*, бадж. *сџмџ* "маленькая корзина", "корзиночка" (м.р.) – руш. *самџг*, хуф. *сџмџг*, барт. *самџ*, шугн. *сџмџд*, бадж. *сџмџ* "большая корзина". (ж.р.); руш., хуф. *бџг*, барт. *бџг*, шугн., бадж. *бџг* "маленький горшок" (м.р.) – руш., хуф. *бџг*, барт. *бџг*, шугн., бадж. *бџг* "большой горшок" (жен.р.); хуф. *арџон* "канавка", "маленькая борозда" (муж.р.) – шугн., руш. *арџан* "большая канава для приема воды из арка" (жен.р.).

Как видно, в шугнанском языке и его баджувском диалекте представлена недифференцированная по роду форма, однако существенно, что немаркированные формы при обозначении маленького предмета синтаксически обнаруживают грамматическое значение муж.р., а при характеристике большой величины предмета трансформируются в жен.р. и соответствуют мотивированным формам в других языках; ср. руш. *day* (м.р.) *самџг* (м.р.) *zi xu, muf wānwān ar day* (м.р.) *ribi* // шугн. *di* (м.р.) *сџмџд zi xu wēv wūnēn ar di* (м.р.) *ribi* "бери ты (маленькую) корзину и положи туда эти яблоки" – руш. *um* (ж.р.) *самџг* (ж.р.) *wū-ri dāk sām wōx um-ac* (ж.р.) *tāxum* // шугн. *wam* (ж.р.) *сџмџд mu-rd dāk, sām wōx, wam-ac* (ж.р.) *tāxum* "дай мне ты (большую) корзину, пойду таскать ее солому".

Это означает, что аналитические родовые формы, так же, как и формы с родовой перегласовкой, могут выступать в качестве характеристики объема предмета.

Использование родовых форм для обозначения и характеристики величины предмета имеет место и в мунджанском языке: ср. *savdēu* м.р. "большая корзина для переноски тяжестей на спине" – *sāvda*, *savdē* ж.р. "небольшая корзиночка", уменьш. *savdika* ж.р. "корзиночка"¹.

В семантическом предназначении родовых форм, как можно заметить, обнаруживается существенное отличие по языкам: в шугнано-рушанской группе муж.р. обозначает маленький предмет, жен. – большой, а в мунджанском напротив: коррелят муж.р. указывает на большую величину, а жен. – на маленькую.

Рассматриваемая функция родовых форм не составляет специфику одних только памирских языков. Аналогичное явление прослеживается в индийских языках, в частности, в индийских диалектах

Гиссарской долины Таджикистана; ср. *šamšo* м.р. "уполовник", "разливательная ложка" – *šamši* ж.р. "ложка" (обыкновенная), *kašo* м.р. "большой арык", "оросительный канал" – *kaši* ж.р. "небольшой арык", "канавка"².

Примечательно, что мунджанский язык по семантической ориентации родовых форм совпадает с индийскими диалектами. Причина подобного расхождения может быть выявлена при детальном изучении затрагиваемого вопроса в сравнительном и сравнительно-историческом аспектах с привлечением данных других обладающих категорией рода иранских и индоарийских языков. На данном этапе можно предположить, что обозначение муж. родом маленького предмета, а жен. – большого представляет собой относительно позднее явление и оно может быть связано с аналогией широкого употребления отменного уменьшительно-ласкательного суффикса м.р. *-bis* ж.р. *-bič* (ср. *bis* "детеныш-самец" – *bič* "детеныш-самка"; *pus* "сын", др.-ир. **pušra-*)³.

Все это свидетельствует о том, что форма рода в памирских языках обладает различными лексико-семантическими нагрузками и служит для обогащения словарного состава того или иного языка (диалекта), обладающего категорией грамматического рода.

¹ А.Л.Грюнберг. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык, Л., 1972, стр. 354-357.

² И.М.Оранский. Фольклор и язык гиссарских парья, М., 1977, стр. 48.

³ См. об этом подробно Д.Карамшоев. Категория рода в памирских языках, Душанбе, 1978, стр. 265-278.

Г.П.Михалевич

НЕФРИТ ИЛИ ЯШМА? (О СЛОВЕ "ЙАШМ" В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ)

Исследованию красивого ценного поделочного камня нефрита с минералогической, историко-художественной точки зрения посвящена большая литература и все же во многих отношениях этот минерал остается тайной. В частности, не подвергалась тщательному исследованию с привлечением источников на персидском языке терминологическая проблема – этимология названия этого минерала.

Бытующее в персидском и арабском языках слово "йашм" или "йашб" традиционно по созвучию переводится теперь - "яшма". Между тем это слово постоянно упоминается во всех персидских минералогиях средневековья (XIII-XIV вв.). У таких авторов, как Насир ад-Дин Туси (XIII в.). Абдаллах Кашани (начало XIV в.), Ибн Мансур Даштаки Ширази (XV в.), в анонимной минералогии ХУП в. - везде под словом "йашм" описан минерал, сведения о котором во всех источниках почти одинаковы и сводятся вкратце к следующему¹. Цвет этого камня от беловато-желтого (слоновой кости), через все оттенки зеленого до зелено-черного, он добывается в Восточном Туркестане (Хотан, а также "земли Китая и Тамгача"), идет на выделку украшений, сосудов, поясов, амулетов. Этому минералу с древнейших времен приписывали способность спасать от удара молнии, излечивать болезни желудка и почек, облегчать трудные роды, приносить счастье.

Именно эти сведения источников позволяют нам, учитывая данные современной литературы о нефрите, переосмыслить нынешний перевод слова "йашм".

В 1820 г. Абель-Ремюза впервые обратил внимание на терминологическую путаницу, связанную с названием нефрита и показал, что этот минерал называется жителями Восточного Туркестана "каш", персами - "йашм", а китайцами - "юй"². Вместе с тем известно, что арабское слово "йашб", по видимому, происходило от древнееврейского "йешфе" (отсюда греческое - яспис, латинское - "джаспер", русское - "яшма"). При этом А.Ремюза подчеркивал, что термин "джаспер" в классическую эпоху имел другое значение и распространенный в странах Востока камень, который Плиний называл "зеленая яшма", был одним из видов нефрита, а не яшмой в нашем понимании слова. (7, с. 175).

К.П.Патканов при переводе и комментировании армянской минералогии ХУП в. отметил разницу между двумя сходными персидскими словами: "йашм" и "йашб": первое он переводил как "почечный камень" (нефрит); второе - "кровяная яшма, гелиотроп" (халцедон). Он писал: "Яспис - весьма древнее название камня, придается сейчас разновидности кварца... Но есть другой камень "йашм" - от него русская яшма, который у восточных писателей часто смешивается с ясписом... *Clement-Millet* переводит его через "jade orientale", с чем мы должны согласиться. Это есть нефрит или почечный камень" (4, с. 35-36).

До XX в. в словарях сохранялось это различие. Так, в арабско-французском словаре Биберштейна-Казимирского приведено: "Йашб - джаспер, твердый камень", а "Йашм - джайд, драгоценный камень зеленоватого цвета, его находят в горах Кашгара, имеет лечебные свойства и силу спасать от удара молнии". (8, П). В персидско-французском словаре Ж.-П.Демезона дан такой перевод - то же, что йасб - восточный джайд (9, У).

Позднее, с начала XX в. происходит смешение терминов, путаница их, проникающая в работы востоковедов и в словари, где чаще всего теперь применяется перевод, основанный на звуковом осмыслении этого слова. В 1912 г. А.А.Семенов переводил персидское "Йашм" (Йашб) - яшма, хотя в описании этого минерала приписывал ему внешние признаки, качества и магические, лечебные свойства нефрита, а в примечании к этому слову называл сделанное из этого камня надгробие на могиле Тимура в Гур-Эмире "плитой из нефрита" (6, с. 293-321). В персидско-русском словаре М.А.Гаффарова дан перевод - "Йашм - яшма", а Б.В.Миллер не только повторяет этот перевод, но и отождествляет различавшиеся ранее слова "Йашм" и "Йасб" (2, П и 3). В новейшем персидско-русском словаре (издание под рук. Ю.А.Рубинчика, 1970 г.) эти переводы претерпели сложные превращения, приведшие к тому, что для обозначения минерала нефрит не оказалось специального термина. Слово "Йашм" приведено с определениями: йашм-и хатайи (китайская яшма) - гелиотроп, кровавик; йашм-и сабз - (зеленая яшма) - нефрит, гагат; йашм-и сафид - белая яшма; йашм-и ширин - яшма молочного цвета. Однако, как говорилось выше, цветовая гамма нефрита очень широка - от молочно-белого до темнозеленого и поэтому в этом словаре все определения с таким же успехом могут быть отнесены не к яшме, а к нефриту³.

Противоречат этому переводу и данные последнего русско-персидского словаря: "нефрит - санг-и йашм" (5, с. 477). Между тем, по сведениям западно-европейской литературы о нефрите известно, что с конца XIX - начала XX в. персы называли в ювелирной и торговой практике словами "санг-и йашм" минерал бовенит - зеленый поделочный камень, разновидность серпентина, группа силикатов (10, с. 193).

Наши выводы подтверждаются и сведениями классического сочинения по минералогии Бируни (X в.), где описание камня "Йашм" полностью совпадает с данными о нефрите, а комментарии к тексту А.М.Беленицкого и Г.Г.Леммлейна уточняют, что персидское и араб-

ское слово "йашм" не имели тогда никакого отношения ни к яшме, ни к гагату. (I, с. 466, прим. I).

Таким образом, анализ персидских источников по минералогии и ряда работ, посвященных этой теме, позволяет утверждать, что в XIII-XVII вв. под словом "йашм" подразумевался нефрит, а позднее его переосмысление произошло, в известной степени, механически, по созвучию и противоречит реальному значению самого минерала.

Что касается яшмы, то средневековые персидские авторы: как правило, не включали в свои описания этот малораспространенный на Ближнем Востоке минерал, не привлекавший внимания замечательными художественными свойствами, отличающими нефрит от всех других поделочных камней. Возможно поэтому в современном персидском языке так и не появилось термина для его обозначения и употребляется все то же слово "йашм".

I Все эти сочинения изданы в Иране в 60-е годы.

2 До сих пор в переводах китайской классической литературы этот термин переводят то как "яшма", то как "нефрит".

3 Гелиотроп и кровавик - разные минералы даже по внешнему виду. Гелиотроп - халцедон (кварцевая порода); кровавик - гематит (окись железа).

Литература

1. Вируни, Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). М., 1963.

2. Гаффаров М.А. Персидско-русский словарь, т. П. М., 1927.

3. Миллер Б.В. Персидско-русский словарь, 3-е изд., М., 1960.

4. Патканов К.П. Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII в. Спб., 1873.

5. Русско-персидский словарь. Составили И.К.Овчинникова и др., М., 1965.

6. Семенов А.А. Из области воззрений мусульман Средней и Южной Азии на качества и значения некоторых благородных камней и минералов, - "Мир Ислама", т. I, № 83, Спб., 1912, с.293-321.

7. Abel-Rémusat, Histoire de la ville de Khotan. Paris, 1820.

8. Biberstein-Kazimirski, A. de. Dictionnaire arabe-français, t. II, Paris, 1860.

9. Desmaisons, J.-J.-P. Dictionnaire persan-français, vol. IV, Rome, 1914.

10. Investigations and Studies in Jade, vol. I, New York, 1906.

С.Н.Соколов

СЛАВЯНСКОЕ МѢСТО - АВЕСТИЙСКОЕ МАЕВѦНА

Сопоставление этих слов было сделано давно (Bartholomae, Wb, II07; Mashek, s.v.; Фасмер II, 607).

Авестийское слово хорошо этимологизируется на иранской почве: от корня *mit- в авестийском есть основы презенса miṭna- и miṭaya- "пребывать". Правильным продолжением маевѦна является новоперсидское mānān "родина". Бартоломе (Bartholomae, Gr., 261) находит его в элементах персидских топонимов (таких как, например, Урметан в Средней Азии). Абаев (Абаев, 1963, 13) сближает русское место с афганским mēsta, не приводя, однако, слова маевѦна-. Засвидетельствовано в пушту слово miṣt "проживающий".

На славянской почве подобного корня найти не удалось. Фасмер, (Фасмер II, 607) без особой, впрочем, уверенности, привлекает сюда литовское mišti "кормиться" и латышское miṣt "проживать, кормиться".

Суффиксы *-to- и *-no- в отглагольных именных образованиях сходны и даже иногда идентичны по значению как в иранском (ср., напр., Соколов, 1960, 442), так и в славянском (ср., например, русское взят - дан). Новоперсидское mānān указывает на древнюю форму суффикса -ana- а не -na-: МАΙΘΝΑ- дало бы продолжение mānān. Но с другой стороны переход корневого t > ṭ не должен был произойти перед гласной (ср. вышеупомянутые mit-aya и miṭ-ana-). Впрочем, может быть, возможность такого варианта подтверждает būaovāna- "действие" в языке Гат рядом с būaovāna- Младшей Авесты.

Таким образом, фонетически сопоставление иранского maiV(a)-na < *mit-ta- и славянского mēsto < *meit-to, возможно. Славянское mēsto дает закономерно русское место < мѣсто, польское miasto, украинское місто, чешское město.

Рассмотрим теперь значения сопоставляемых слов.

В Авесте маевѦна во всех контекстах означает только "обитаемое место", "жилище": ahmāi naire ... miṭō māevānān ācaraiti

"к тому человеку... Митра приходит в дом" (Ут. 10, 137); *avi garo pñānān ahurāhe mazdā maē'ānām* "в Дом Хвалы (рай), обитель Ахуры Мазды (vd. 19. 32).

То же значение имеют и сохранившиеся новоиранские продолжения. Терминологического значения, как в *pñāna* "дом, семья", *vis-* "род", *zantu-* "племя", *dāhyu-* "страна (союз племен?)" в этом слове не обнаруживается. В пространственном значении "место" встречается обычно другое слово - *asah-*.

На славянской же почве слово *město* подверглось разительной дифференциации. В приведенных выше примерах польское, украинское и чешское слово имеют исключительно терминологическое значение "город" (если не считать вторичных образований как польское *miast* "место"). Русское же слово имеет исключительно пространственное значение "место" и продолжает его от старославянского, где это слово служило для перевода греческого *τοπος*. С значением "город" оно никак не связывается, что видно из употребления этих слов рядом: И погребоша (Альга на мѣсте оу города Вручого (Повесть временных лет, 6485); Не бѣ-бо видѣти тамо ничто те, ни града ни села... мѣста точию, пусто же все и не населено (1392 г., цит. по Словарю Срезневского).

С другой стороны, в западнославянских языках (в украинском вероятно, под влиянием польского) есть ряд слов, очевидно, того же корня, но другого образования со значением "место": пол. *miejsce*, укр. *місце*, чешск. *místo*.

Можно предположить (особенно, если принять и балтийские параллели), что корень **mit-* был продуктивным и в славянских языках и дал образования с разными огласовками и суффиксами. Этому мешает польское *miejsce*: если это коренное образование с общеславянским суффиксом *-сье*, т.е. *meit* *-сье*, то переход *t > s* не обоснован; с другой стороны смысловая связь двух польских слов видна в прилагательном *miejski* "городской".

Выход представляется нам в том, что здесь следует предположить не одновременный общеславянско-иранский контакт, а ряд контактов в разные времена и на разных территориях. Это объяснило бы различие как форм, так и значений сопоставляемых слов. Установление датировки и локализации таких контактов потребует большого материала, как иранского, так и славянского, с привлечением экстралингвистических данных.

Литература

Абаев, 1963 - В.И.Абаев, Скифо-европейские изоглоссы, М., 1963.

Соколов, 1960 - С.Н.Соколов. Глагольные имена и возникновение среднеперсидского каузатива. (Исследования по истории культуры народов Востока. М.-Л., 1960, стр. 441-444).

Фасмер - Фасмер. Этимологический словарь русского языка, тт. I-IV, М., 1964-1973.

Bartholomae, Gr. - Ch.Bartholomae, 'Awestasprache und Altpersisch, Grundriss der iranischen Philologie, Bd. I, Strassburg, 1895-1901.

Bartholomae, Wb. - Ch.Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904.

Machek - V.Machek, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957.

О.Ф. Акимушкин

ВТОРОЙ СПИСОК ИСТОРИЧЕСКОГО ТРУДА БУДАКА МУНШИ КАЗВИНИ
"ДЖАВАХИР АЛ-АХБАР"

В 30-х гг. нашего века известный индийский знаток культуры и истории Ирана М.Шафи предпринял попытку составить компедий сведений о мастерах каллиграфии, извлекая их из нарративных и исторических источников на персидском языке. Эти материалы он регулярно печатал в журнале Oriental College Magazine, издававшемся в Лахоре. В № 4 за 1934 г. он поместил раздел о мастерах пера, извлеченный им из рукописи, принадлежавшей проф. Махмуду Шерани¹. К сожалению, список был дефектным: в нем не доставало начала и конца. Разделу о каллиграфах М.Шафи предпослал детальное оглавление², составленное им после ознакомления с трудом, представленным в рукописи, и позволившее ему определить жанр и тип сочинения - всеобщая история с преимущественным вниманием к истории Ирана. Сохранившаяся часть сочинения содержала разделы от мифической древнеиранской династии Кириандов до начала правления государей Кара-Кодуяку (XV в.). Название сочинения - "Хуласат ат-таварих" - было написано на корешке книги. По поводу этого сочинения Ч.А.Стори заметил: "Возможно, это - "Хуласат ат-таварих" Ахмада Ибрахими"³. Его предположение было расширено в русском переводе справочника⁴. Вместе с тем А.Монзави, зафиксировав этот труд в своем каталоге⁵, не идентифицирует его с

сочинением Ахмада Ибрахими, ссылаясь при этом на т. I "Каталога Публичной библиотеки г. Лахора", составленного в 1968 г. Мухаммад-Баширом Хусайном и отмечает, что "эта история составлена после 950/1543 г." В этом его мнение совпадает с соображениями А. Гулчина-Ма'ани⁶. Более того, выяснилось, что осторожность двух последних исследователей была оправданной, т.к. пятитомный труд по всеобщей истории "Худасат ат-таварих", написанный Казим Ахмадом Куми Ибрахими (до нас дошел пока только т. У в пяти экземплярах, посвященный истории династии Сефевидов и доведенный до 999/1590-91 г.) не имеет ничего общего с лахорским списком "Худасат ат-таварих", являющейся краткой всеобщей историей в одном томе.

Таким образом оставалось предположить, что а) либо историческое сочинение, представленное в лахорском списке, является каким-то другим "Худасат ат-таварих" пока неизвестного нам автора; б) либо оно ошибочно атрибутировано по причине дефектности одним из прежних владельцев.

Чтобы идентифицировать лахорский список, его необходимо было сопоставить с сочинением, которое было бы построено по весьма распространенной в средневековой персидской историографии схеме династичной истории страны с дробным структурно-композиционным делением.

При этом следовало иметь в виду то обстоятельство, что в сочинение мог входить и раздел о Сефевидях, поскольку на л. 93б автор мимоходом отмечает 950/1543-44 г. Наконец, в главе, посвященной Аббасидам, вслед за рассказом о правлении халифа Разибиллаха должен следовать параграф "Агаз ва анджам-и хатт-и асл" (Развитие уставного письма), в котором биографическую часть открывает сообщение об Ибн Мукле (272-328/866-940) - реформаторе арабской письменности. Структура лахорского списка "Худасат ат-таварих", его дробная композиция, тип всеобщей истории, конспективно изложенный в труде сравнительно небольших размеров, а также наличие в нем главы о мастерах художественного письма - все это побудило нас сравнить извлечение и оглавление, опубликованные М. Шафи, с уникальным сочинением Будака мунши Казвини "Джавахир ал-ахбар" ("Перлы известий"), автограф которого хранится ныне в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде⁷. Этот краткий очерк по всеобщей истории достаточно широко известен среди специалистов. Он был использован в трудах М. Шармуа и В. А. Жуковского⁸, ему посвятил свои

обстоятельную статью П.И.Петров, вслед за которым Р.М.Савори перевод автобиографию Будака мунши на английский язык⁹. В последние годы к этому источнику обращались Абулфазл Рагимов, О.Экаев и автор этих строк.

О ценности оригинальной части труда превосходно и подробно сказано П.И.Петровым, поэтому здесь мы не видим необходимости пересказывать его статью и отсылаем интересующихся к ней¹⁰. Хотелось бы сделать небольшие замечания: по всей видимости, свой труд Будака мунши писал несколько лет, опять оказавшись не у дел. Он приводит 980/1572-73 г. как текущий (л.113б), а завершил он его еще до смерти Тахмаспа I, последовавшей 16 сафара 984/15 мая 1576 г., во всяком случае вчерне хроника была готова в 982/1574-75 г. (л. 296а). Какие-то обстоятельства помешали ему представить труд Тахмаспу, после смерти которого Будака три месяца переделывал заключительную часть и введение, переадресовав труд Исма'илу II (лл. 2б-3а), которому он и был поднесен (л.01а: "Пйшкаш-и Бӯдақ бек мунши. Тарйх-и таснйф-и у").

Сравнение Фихриста сочинения (л. 3а-б) с оглавлением, составленным М.Шафи в результате непосредственного знакомства со списком М.Шерани, выявило некоторые расхождения второстепенного значения, обычные для рукописей. В качестве иллюстрации приведем один пример. Лахорский список (л. 44б): "Мукаддима-йи дуввум дар зикр-и джам'й ки ба'д аз зухур-и ислам дар Иран ва Туран мутакаф-фил-и хукм-о-фарман буда-анд ва джам'й ба шараф-и ислам дар йафта-анд ва ба'зй дйгар бй касиб ва махрум маңда ва ан бар чахар қисм аст".

"Джавахир ал-ахбар" (л.36а): "Мукаддима-йи дуввум дар зикр-и ах-вал-и джам'й ки ба'д аз зухур-и ислам дар Иран ва Туран судта карда-анд ва ба'зй ба шараф-и ислам расйда ва джам'й дйгар махрум маңда ва йн мукаддима мубна бар чахар қисм аст".

Однако структура оглавления с мельчайшими подробностями его дробного и сложного построения с их терминологическими названиями-мукаддима, қисм, мақала, фасл, баб, шу'ба, дастан полностью совпали. Заслуживает быть отмеченным тот факт, что фихрист "Джавахир ал-ахбар" (л. 3а-б) почти точно также не совпадает с заглавиями всех разделов в тексте, как и с оглавлением лахорской рукописи. Ниже мы приводим названия всех рубрик и разделов по ленинградскому списку, составляющих формальный композиционный каркас сочинения: Дибача (л.3б); мукаддима-йи аввал (л. 8а) состоит из трех

фасл: фасл-и аввал (л.8а), фасл-и дуввум (л. 17а), фасл-и сиййум (л.26б); муқаддима-йи сани (л.36а) состоит из четырех қисм: қисм-и аввал (л. 36а) состоит из двух мақала и дастана (в тексте не выделены): қисм-и дуввум (л.87а) состоит из трех мақала: мақала-йи аввал (л.87а), мақала-йи дуввум (л.94а), мақала-йи сиййум (л.119а) состоит из одиннадцати баб (мусульманские династии, современные Омейядам и Аббасидам): баб-и аввал (л.119б), баб-и дуввум (л.120а), баб-и сиййум (л.122а), баб-и чахарум (л.124б), баб-и панҷум (л. 138а), баб-и шикум (л.139а), баб-и хафтум (л.148а), баб-и хаштум (л.153а), баб-и нуҳум (л.156б) состоит из двух шу^ба: шу^ба-йи аввал (л.156б), шу^ба-йи дуввум (л.158б); баб-и даҳум (л.159а), баб-и йаздахум (л.160б); қисм-и сиййум (л.161а) состоит из трех баб: баб-и аввал (л.161б), баб-и дуввум (л.196а) состоит из пяти фасл: фасл-и аввал (л.196а), фасл-и дуввум (л.196б), фасл-и сиййум (л.199а), фасл-и чахарум (л.204б), фасл-и панҷум (л.206б); баб-и сиййум (л.207а); қисм-и чахарум (л.266а) состоит из двух фасл: фасл-и аввал (л.266а), фасл-и дуввум (л.269а); ҳатима (л.278а), посвящено Сефевидам, завершается описанием торжеств по случаю вступления Исмаи^ла II на престол, содержит также автобиографические заметки (лл. 315а-316а, 317а). Как было отмечено выше практически весь қисм-и чахарум и ҳатима в лахорском списке утрачены.

Определенные трудности возникают при идентификации разделов о каллиграфях, представленных в главах о правлении халифа Разибиллаха в ленинградском списке (лл. 106а-113б) и лахорской рукописи (лл. 92б-95а, в публикации М.Шафи - с. 23-30). Отличия состоят в следующем:

1. В рукописи М.Шерани сбит порядок изложения биографий мастеров, т.е. если в ленинградском списке вслед за рассказом о появлении почерков и письменности идут сведения о мастерах "класической шестерки" с выделением мастеров сулса и насха, затем мастеров наста^ллика, та^ллика и сийака, то в лахорском мы не наблюдаем выделения мастеров "шестерки" из общего контекста, а выделяются мастера в почерковом стиле наста^ллик и мастера та^ллика, снова наста^ллика и затем сийака.

2. Хотя общее число отмеченных и упомянутых каллиграфов незначительно отличается (55 и 50 соответственно), а порядок их следования почти идентичен, тем не менее их биографии в лахорском списке изложены в значительно более сжатой и скупой форме. Вместе

с тем, две цитаты из "Трактата" Султан-Али Машхади (ум. 926/1520 г.) в 12 и 14 бейтов, а также все стихи, приведенные в качестве примера поэтического творчества того или иного каллиграфа, приводятся полностью (причем в том же самом порядке) в обоих списках. Словом, раздел "О письме" в лахорском списке представляет собой как бы сокращенное извлечение из главы "Появление письма и писцов" в ленинградском.

Думается, на эти различия могли повлиять следующие обстоятельства: либо переписчик сознательно сократил раздел (редко встречающийся, но возможный случай), либо он имел перед собой несовершенный протограф, либо писец располагал ранним вариантом сочинения Будака Казвини.

Вместе с тем у нас не возникает сомнений в том, что лахорский список из бывшего собрания проф. М.Шерани, известный в персидской историографии как "Хуласат ат-таварих" неустановленного автора, или же как труд Кази Ахмада Куми под тем же названием, есть ни что иное, как второй, правда дефектный, экземпляр чрезвычайно редкого сочинения Будака-бека мунши Казвини "Джавахир ал-ахбар". Следует при этом заметить, что ленинградский список не утратил еще своего уникального значения, т.к. только в нем пока представлена наиболее интересная и оригинальная часть труда Будака Казвини - история клана, а затем династии Сефевидов (особенно периода правления шаха Тахмаспа I, о котором наш автор сообщает такие сведения, которые более мы не встречаем в других источниках) и автобиографические заметки составителя, в которых перед читателем проходит вся его карьера чиновника средней руки и ранга, вся его жизнь, проведенная в разных канцеляриях гражданской администрации Сефевидов.

Таким образом, видимо, следует внести изменения в соответствующие места русского перевода труда Ч.А.Стори, а именно: ч. I, с. 415, строка 32 добавить - Лахор, М.Шерани, № 55; ч. II, с. 864 - вместо слов: "Возможно, что рукопись неидентифицированного сочинения и т.д. ..." следует написать: "Дефектный список из бывш. коллекции проф. М.Шерани (ныне хранится в Публичной библиотеке г.Лахора), предположительно считавшийся трудом Кази Ахмада Куми, является еще одним экземпляром труда Будака Казвини "Джавахир ал-ахбар" (см. I, с. 415).

^I OSM, vol. X, 1934, № 4, с. 19-30. Извлечение (Иқтибас аз

"Хул'асат ат-тав'рих), с. 23-30. Ныне список в составе коллекции М.Шерани находится в Публичной библиотеке г.Лахора.

² Там же, с. 20-22.

³ Ch.A.Storey, Persian Literature. A Bio-bibliographical Survey, vol. I, pt 2, London, 1953, p. 1073, Note 3.

⁴ Ч.А.Стори, Персидская литература. Био-библиографический обзор. М., 1972, ч. II, с. 864.

⁵ Фихрист-и нусхаха-йи хатти-йи фарси, дж.6, Тихран, 1975, с. 4319.

⁶ Тарих-и тазкираха-йи фарси, дж.2, Тихран, 1971, с.615-616.

⁷ Описание см.: B.Dorn, Catalogue des MSS et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St.Petersbourg, SPb, 1852, № 288; также Стори, ч. I, с. 415-416.

⁸ В.А.Жуковский, Развалины старого Мерва, СПб., 1894.

⁹ Стори, ч. I, с. 416.

¹⁰ П.И.Петров, Об одном редком источнике по истории Сефевидов, - СВ, 1956, № I, с. III-120.

Р.А.Абдумуратова

"ТАРИХ-И АЛ-И МУЗАФФАР" МАХМУДА КУТУБИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МУЗАФФАРИДОВ

С 30-х годов XIV века до конца XV века Иран переживал период торжества феодальной раздробленности, особенно после распада монгольского государства Хулагуидов (между 1336-1353 гг.). В это же время в Южном Иране прежние вассалы Хулагуидов сделали фактически независимыми¹.

В первой половине XIV века на юге Ирана сложилось новое феодальное государственное объединение во главе с династией Музаффаридов (1313-1393)².

Держава Хулагуидов после смерти Абу Са'ида (1335 г.) стала ареной междоусобных войн нескольких феодальных клик, выдвигавших в разных областях своих марионеточных ильханов. Таким образом в Иране появился ряд фактически независимых государств. Одни из них управлялись династиями монгольского происхождения, другие - иранскими. Среди последних наиболее сильными были государства Картов³ (с центром в г.Герате) и Музаффаридов⁴.

Являясь одним из "наиболее сильных", государственное объединение Музаффаридов в то же время было "таким же непрочным военно-административным объединением мелких феодальных владений,

как и все другие государства того периода⁵, поскольку все они были продуктом своего времени, их появление, также как и гибель, были неизбежны и диктовались ходом истории.

Тем не менее, для характеристики этого небольшого промежуточного периода истории Ирана (30–80-е гг. XIV в.) необходимо проследить историю хотя бы тех династий, которые доминировали в то время.

Сочинение Махмуда Кутуби "Тарих-и Ал-и Музаффар" является одним из основных и, пожалуй, самым подробным источником по истории династии Музаффаридов⁶. В этом плане труд Кутуби превосходит и то сочинение, на основании которого он составлен, а именно "Мавахиб ал-илахийа" Му'ин ад-Дина Йезди.

Рукопись данного сочинения хранится в библиотеке Британского музея. В описании⁷ этого списка известный исследователь Ч.Рё сообщает, что автор "Мавахиб ал-илахийа" (как явствует из его нисбы) был родом из города Йезда (старинного удела Музаффаридов) и считался одним из авторитетнейших богословов своего времени. Студенты "толпами сходились на его лекции, которые изредка посещал также Шах-Шуджа"⁸. Пространным панегириком этому Музаффариду Му'ин ад-Дин Йезди и начинает свой труд. Затем он пишет о том, что решил составить летопись "славных деяний Дома Музаффаридов" в знак благодарности Шах-Шуджа' за благосклонное отношение и покровительство автору с его юношеских лет. В 757/1356 г. Му'ин ад-Дин Йезди был представлен тогдашнему верховному правителю Музаффаридов, отцу Шах-Шуджа', амиру Мубариз ад-Дину Мухаммаду, и, воспользовавшись случаем, зачитал уже написанную главу задуманной хроники. Труд был одобрен, и, воодушевленный царской похвалой, он продолжил составление летописи. Его хроника охватывает события до 767/1365–66 гг. включительно.

Махмуд Кутуби, как уже отмечалось, использовал труд Му'ин ад-Дина Йезди, о чем сам пишет в предисловии к "Тарих-и Ал-и Музаффар". В то же время он указывает, что "Мавахиб ал-илахийа" изобилует метафорами, восхвалениями и слащавыми фразами. Поэтому он, занимаясь в 823/1420 г. переписыванием "Тарих-и гузиде" Хамдаллаха Казвини, решил вставить в это сочинение раздел, посвященный династии Музаффаридов, которым служило несколько поколений его рода и на службе у которых он сам находился в свое время⁹. В "Тарих-и Ал-и Музаффар" Махмуд Кутуби приводит рассказ о том, как Шах-Шуджа' поручил одному из членов семейства Кутуби строительство ханкаха¹⁰ в Мекке и покупку участка земли для сво-

ей гробницы: "...и послал Маулана^{II} Гийас ад-Дина Кутуби в Мекку, чтобы построил там ханках для живущих вблизи святыни и купил участок земли для гробницы Шах-Шуджа^c. Он вручил упомянутому Маулана 200 тысяч динаров на расходы".¹²

Рукопись "Тарих-и Ал-и Музаффар", хранящаяся в библиотеке Британского музея, не представляет собой отдельного тома. Текст сочинения находится между четвертым и пятым отделами списка "Тарих-и гузиде" Хамдаллаха Казвини (P 13125/ADD 22693), датированного месяцем раджабом 890/июль 1485 г.¹³ Именно этот список "Тарих-и гузиде" был издан Э.Брауном.

Само сочинение "Тарих-и Ал-и Музаффар" было написано около 1420 г. Имя автора в списке Британского музея дается без диакритических знаков: محمود کسی. Его прочтение одно время оставалось спорным. Например, иранский ученый М.Байани предлагал читать его как Махмуд Гити. Однако профессор Аббас Икбал убедительно показал, что имя автора "Тарих-и Ал-и Музаффар" следует читать как Махмуд Кутуби.¹⁴

Как отмечалось выше, Махмуд Кутуби принялся за свой труд, будучи неудовлетворенным хроникой Му'ин ад-Дина Йезди, посвященной первым представителям династии Музаффаридов. Он находил в ней такие недостатки, как чрезмерное восхваление, обилие метафор и елейных речей в адрес представителей династии. Тем не менее, сам Кутуби, если и избежал чего-то в своем сочинении, то лишь чрезмерности и обилия, а от хвалебности и метафоричности предпочел не отказываться, ибо писал хронику повелителей многих поколений своего рода, у которых и сам был в услужении.

Здесь следует оговориться, что восхваление автором династии Музаффаридов не может сравниться с его восторгом и благоговением перед Тимуридами, когда он пишет об их походах и победах. В частности помимо панегирика самому Тимуру, Кутуби воздает хвалу и уделяет особое внимание султану Шахруху (807-850/1405-1447), которому было всего 17 лет, когда армия Тимура покорила владения Музаффаридов и у которого позднее служил Махмуд Кутуби ("Тарих-и Ал-и Музаффар" он писал во время правления этого династа).

Общая панегирическая направленность источника объясняется также требованиями традиционных канонов составления династийных хроник, их языка и стиля.

Все это, вместе взятое, обуславливает необъективность автора в его оценках и заключениях.

Прежде всего, это необъективность характеристик, даваемых

Кутуби представителям династии. Такие эпитеты, как "могущественный владыка", "великодушный", "благородный", "талантливый и умный государь", "справедливый и мудрый султан" и т.д. и т.п. сопутствуют имени каждого династа, о котором он пишет. Только в отдельных случаях Кутуби отмечает также и отрицательные черты и поступки правителей. Так, например, когда он пишет о ссоре амира Мубариз ад-Дина Мухаммада со старшими сыновьями, то указывает на его грубую брань и сквернословие¹⁵, а немного выше¹⁶ отмечает, что "амир Мубариз ад-Дин был человеком резким, грубым, злонравным и кровожадным".

Говоря о необъективности источника, следует подчеркнуть нестабильность и двуличность позиции автора в ряде случаев. Например, в начале своего повествования об амире Мухаммаде Кутуби расточает ему всевозможные похвалы, а затем сразу же на той же странице пишет о его кровожадности, жестокосердии и вероломстве¹⁷. Еще один пример: автор справедливо замечает, что после смерти ильхана Абу Са'ида в государстве Хулагуидов воцарился хаос и неразбериха, и в результате этого повсеместно власть узурпировалась наместниками покойного ильхана, а на райатов посыпались разные бедствия, ибо мир и спокойствие были нарушены¹⁸. В то же время ни слова не говорится о том, что Музаффариды отнюдь не составили исключения и, придя к власти, также принесли немало горя своим подданным. Кутуби никоим образом не связывает бедствия и несчастное положение райатов с господством власть имущих. Называя восстания народа "мятежами, бунтами", недовольство "непокорных" он объясняет их "природной злостью и невежеством"¹⁹.

"Тарих-и Ал-и Музаффар" - это, в сущности, летопись военных походов династии, хроника внутренней и внешней политики государственного объединения Музаффаридов, но только хроника, не более.

Тем не менее, источник содержит богатый фактический материал по истории Музаффаридов. Он обстоятельно, от начала до конца повествует о политической жизни династии, живописует картины многочисленных внутрдинастийных распрей, сообщает также об отношениях Музаффаридов с соседними государствами и, наконец, дает много сведений по хронологии и родословной династии. Основываясь на всей этой фактической информации, при ее критической обработке и сопоставлении, а также привлечении данных других источников, уже можно делать выводы в плане истории феодального государственного объединения Музаффаридов, что в свою очередь необходимо для изучения других подобных государственных объеди-

нений того времени и для характеристики данного периода истории Ирана в целом.

В статье использовано отдельное издание "Тарих-и Ал-и Музаффар", вышедшее в Тегеране в 1956 г.. Оно было подготовлено 'Абд ал-Хусайном Нава' и на основании фотокопии списка, хранящегося в библиотеке Британского музея, и на издании Э. Брауна. Издание снабжено комментариями, в которых использованы данные других источников по истории Музаффаридов, а именно: "Джами' ат-таварих" Хафиз-и Абру, "Зафар-наме" Низам ад-Дина Шами и "Джами' ат-таварих-и Хасани" Ибн-и Шихаба Йезди.

¹ Н.В.Пигулевская, А.Ю.Якубовский, И.П.Петрушевский, Л.В.Строева, Л.М.Беленицкий. "История Ирана с древнейших времен до конца ХУШ века", ЛГУ, 1958 г., с. 211, 218 (далее: "История Ирана с древнейших времен...").

² Там же, с. 219.

³ Или Куртов (1245-1389) - часть Восточного Хорасана, ныне Афганистан и Систан.

⁴ "История Ирана", МГУ, 1977 г., с. 156.

⁵ "История Ирана с древнейших времен...", с. 220.

⁶ Сведения по истории династии Музаффаридов содержит также целый ряд общих работ персидских историографов ХІУ и ХУ веков; этот материал имеется в таких сочинениях, как "Джами' ат-таварих" Хафиз-и Абру, "Раузат ас-сафа" Мирхонда, "Зафар-наме" Низам ад-Дина Шами, "Джами' ат-таварих-и Хасани" Ибн-и Шихаба Йезди, "Тарих-и джадид-и Йазд" 'Али ал-Катиба, "Хабиб ас-сийар" Хондемира и др.

⁷ Ch. Rieu. "Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum", London, 1883, t.1, с. 168 (a,b).

⁸ Там же.

⁹ Махмуд Кутуби. "Тарих-и Ал-и Музаффар", издание 'Абд ал-Хусайна Нава' и, Тегеран 1956 г., с. 1 (далее: "Тарих-и Ал-и Музаффар").

¹⁰ Или ханк̄ах - странноприимный дом, обитель дервишей.

¹¹ Буквально: "наш господин", - уважительный титул некоторых богословов и ученых.

¹² "Тарих-и Ал-и Музаффар", с. 81.

13. Ch. Rieu. "Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum", London 1883, t. 1, c. 80 (b), 82(a).

14 См.: "Тарих-и Ал-и Музаффар", с. УП-УШ.

15 "Тарих-и Ал-и Музаффар", с. 58-59.

16 Там же, с: 56-57.

17 Там же, с. 7.

18 Там же, с. 13.

19 "Тарих-и Ал-и Музаффар", с. 113.

Ч.Г.-А.Байбурди

АВТОГРАФ ДНЕВНИКА БУХАРСКОГО ПРИНЦА ЭМИРА НЯСИР АД ДИНА

Среди неизданных письменных памятников по истории Ирана начала XIX в. имеется одно довольно любопытное сочинение - "Fūz-nāme" ("Дневник"), которое никогда не привлекало внимания специалистов и даже не встречается в библиографических обзорах или справочной литературе, если не считать единственного упоминания его названия в индексе К.Г.Залемана и В.Р.Розена¹.

Это объясняется прежде всего тем, что рукопись дневника, которой мы располагаем, является, по сути дела, единственным списком, черновым текстом (сийахе, л. 2а), в котором автор во время путешествия Мешхед-Петербург своей рукой, отрывочными фразами делал предварительные записи и наброски, причем очень неразборчивым почерком без диакритических знаков, подчас требующих специальной расшифровки.

Надо полагать, что собранный в нашей рукописи материал после надлежащей обработки должен был лечь в основу задуманного труда, осуществлению которого автору помешала смерть, последовавшая в декабре 1830 г. в Петербурге.

Вместе с тем дневник путешествия содержит много новых и любопытных сведений этнографического, социально-политического и экономического характера. Наблюдательный автор не упускает случая скупными фразами, без прикрас, сообщить о том, что он увидел, избегая всяких непроверенных слухов, называя их ложными (арджиф, л. 99 б).

Путешествие длилось почти пять лет, начиная с 25 марта 1826 года по 7 декабря 1830 года. За это время наш путешественник посетил Северный Иран, Грузию, территорию нынешнего Ирака, Турцию

и Россию.

В начале войны Ирана с Россией (1826–28 гг.), автор дневника находился в ставке Фатх-Али-шаха. Он был свидетелем прибытия специального посольства во главе с князем Меншиковым, отправленного из Петербурга для урегулирования конфликта с Фатх-Али-шахом. Из дневника мы узнаем, что автор даже несколько раз встречался с Меншиковым (л. 96а) и знал, что русское посла ждет в ставке холодная встреча и объявление войны.

Пребывание нашего путешественника в Турции совпало с битвой при Наварине (окт. 1827 г.), где турецко-египетский флот потерпел поражение от союзных эскадр России, Англии и Франции, а также с началом русско-турецкой войны 1828–29 гг., закончившейся признанием Турцией независимости Греции.

Обо всем этом автор сообщает в своем дневнике на фоне естественной городской жизни, и в этом его ценность. И, наконец, дневник один из немногих персоязычных памятников географической литературы, содержащей сведения о России XIX в. и отражающий некоторые стороны русской жизни, воспринятые восточным человеком.

Сведения, содержащиеся в дневнике, расположенные в строгом хронологическом порядке, изложены с таким знанием дела и проникнуты такой жизненной правдой, какие не часто встречаются у других персидских историков, касается ли это рассказа о Тебризе или Константинополе, находившихся в состоянии войны, или описания мечети Ая-София, или же тонкого юмора в связи с карантинном в Одессе.

Относительно авторства рассматриваемого дневника ранее нами было высказано предположение, что им мог быть Насир ад-Дин – сын бухарского правителя эмира Ма^ссума (ум. 1800 г.), а не внук его Насрулла, к которому относил авторство дневника К. Г. Залеман.²

Однако наше предположение хотя и имело историческую основу, все же без дополнительных доказательств и уточнений вряд ли могло быть принято во внимание, а установление личности автора требовало специального исследования, так как в самой рукописи прямое указание на имя автора отсутствует.

Наши поиски велись в следующем направлении: автор дневника по пути в Россию в пятницу 27 сентября 1827 г. прибыл в Константинополь, где его посещали официальные лица, знать, ученые, среди них был и некий Мухаммад-эфенди по прозвищу 'Урфй, переводчик канцелярии султана Махмуда II (1808–1839 гг.), который

предложил автору дневника написать трактат под названием "Кайфийят-и Йран ва Туран" ("Географическое положение Ирана и Турана"), (л. I236).

18 января 1828 года автор делает запись в дневнике о том, что он занят работой над упомянутым выше трактатом (л. I236), а спустя шесть дней сообщает, что работа над трактатом о "Географическом положении Ирана и Турана" закончена (л. I236).

Этот трактат, к счастью, уцелел и в настоящее время хранится в Британском музее под № OB 6711.

Полученный нами микрофильм представляет собой рукопись небольшого размера (20л., 23,3 x 19,2 см), она датирована I243/I828 г.⁴, является автографом, содержащим сведения географического и статистического порядка и принадлежит перу автора нашего дневника, т.е. эмиру Насир ад-Дин сыну эмира Ма'сума, о чем говорится в начале трактата: "Это - Рисале дар кайфийят ва камийят-и арбай-йи Йран ва Туран" ("Трактат о географическом положении и статистике земель Ирана и Турана")... Он написан по просьбе Мухаммада-эфенди по прозвищу 'Урфи, переводчика двора его августейшего султана Махмуд-хана... Так как я, Насир ад-Дин ибн эмир Ма'сум, чужестранец и разлучен со своею далекой родиной, по некоторым причинам прибыл в высокое Османское государство... и по сложившимся дружеским отношениям с ним /'Урфи/, который занят сбором материалов и переводами географических книг с французского языка (лисан-и франги)... согласился по его просьбе написать..."⁵.

Итак, мы видим, что автором дневника и трактата является один и тот же человек - эмир Насир ад-Дин, который действительно в 1800 г., скрываясь от преследований своего старшего брата Хайдара (1800-1826 гг.), переселился в Мешед, а после смерти последнего, совершил путешествие в Петербург, плодом которого был рассматриваемый выше дневник.

¹ (Отд. оттиск: Salemann G. et Rosen V. Indices alphabetici condicum manuscriptorum persicorum... Petropoli, 1888, p. 16, № 407).

² Байбурди Ч.Г.-А. Анонимная записка на персидском языке начала XIX века. - Востоковедение 6. Филологические исследования. - Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1979, № 401. Сер. востоковед. наук, вып. 22, с. 164-165.

3 Handlist of Persian Manuscripts 1895-1966 by G.M.Meredith-Owens, Published by the Trustees of the British Museum, 1968, p. 48. До последнего времени эта рукопись не была отмечена в печатных каталогах и впервые В.В.Бартольд, в 20-х гг. побывавший в научной командировке в Лондоне, обратил внимание на этот маленький трактат. Хотя он и высказал желание в дальнейшем заняться этим "интересным сочинением", больше к нему не возвращался. См. В.В.Бартольд. Отчет о командировке в Лондон. Собр. соч. т. 8, 1973, стр. 322.

⁴ Трактат, л. 20б.

⁵ Там же, л. 2а.

Е.С.Баевская

РЕДКАЯ РУКОПИСЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

Персидские рукописи этнографического характера, судя по печатным каталогам крупнейших рукописных собраний мира, представляют собой большую редкость. В большом рукописном собрании ЛО ИВ АН имеется лишь одна рукопись по этнографии, хранящаяся под номером А 881. Эта рукопись поступила в собрание Азиатского музея в 1919 г. в составе коллекции В.А.Жуковского¹.

Список не датирован. Изготовлен, по-видимому, в XIX в. в Иране. Содержит 103 листа. Размер бумаги 11х17,5 см. Пагинация европейская. Размер текста 7,5х14 см. Количество строк от 7 до 10 на первых страницах, далее 9-10 строк на странице. Текст переписан разными почерками: крупным и более мелким наском и насталиком с элементами шекасте. Чернила черные. Бумага русская с оттисками овальной печати бумажной фабрики № 4 и № 6. Рукопись реставрирована. Переплет новый европейский картонный светло-коричневый с темными уголками. Сохранность рукописи хорошая с незначительными дефектами. Последние листы текста утеряны. Заглавия сочинения нет. Начало:

هذا کتاب قاصه و قانون و رسم اهل ولايت سيستان
در وقت عروسان اين است که

Текст обрывается на следующих словах: حلام کن که شبها داده می شیب

Других списков настоящего сочинения по печатным каталогам найти не удалось.

Рукопись содержит сведения о свадебных обычаях Систана, также тексты песен, многочисленные отрывки стихотворений, отдельные

стихотворные изречения и поговорки. Изложение непоследовательно. Наиболее последовательный текст о свадебных обычаях на листах 526-686. Листы 1а-52а и 69а-103б, содержащие отрывки песен и стихотворений, дает обильный материал для изучения систанского фольклора, тем более интересный, что эта часть рукописи написана на систанском диалекте персидского языка.

Содержащиеся в рукописи фактические данные представляют собой значительный интерес, так как в настоящее время их следует рассматривать как единственный источник сведений о систанской свадебной обрядности. Сравнение сведений, приведенных в данной рукописи, с материалами, касающимися свадебных обрядов у иранских народов (основная заслуга сбора таких материалов принадлежит русским и советским исследователям: М.С. Андреев, А.А. Бобринский, Н.А. Кисляков, С.М. Марр, Е.М. Пещерева и др., а в последнее время также и иранским этнографам, напр. Ибрахим Шокурзаде²) показало, что систанский свадебный цикл включает в себя все основные характерные для иранских народов этапы свадьбы: выбор невесты, сватовство, переговоры о размере выкупа и ширбеха (вознаграждение за молоко), помолвка, уплата женихом выкупа и ширбеха, обручение (акд), мытье в бане, окрашивание хной рук и ног невесты, бритье головы жениха и переодевание его в новые одежды, переход невесты в дом жениха, обряд доказательства невинности молодой, посещение молодыми родителей невесты спустя определенный срок после свадьбы (ср. напр. с описанием свадьбы жителей Хорасана, данным Ибрахимом Шокурзаде).

Вместе с тем систанская свадебная обрядность имеет определенные локальные черты. В тексте описывается, как юноша сам выбирает себе невесту и знакомится с ней до свадьбы - заговаривает с девушкой, предлагает подарки, заводит дружбу с соседом девушки, жена соседа расхваливает девушке жениха, за эти услуги он дарит ей подарки. В литературе, касающейся свадебных обычаев ираноязычных народов, не встречается описаний подобных случаев личного знакомства и важности факта согласия девушки. После выбора невесты отец жениха или несколько старейшин из его рода направляются к отцу девушки свататься. В Систане по этикету, как и повсеместно у ираноязычных народов, полагается не давать сразу ответа на сватовство. Когда, спустя некоторое время, сторуна невесты дает согласие, начинаются переговоры о размере выкупа. Цитирую: "От сына такого-то (л. 58а) в счет платы за материнское молоко мы хотим [получить]: одну корову стоимостью де-

сять туманов или около того; жених должен два года приходить в наш дом работать". Если жених состоятельный, то еще требуют: сто пятьдесят манов муки, от десяти до двенадцати баранов, десять голов сахара, десять платьев. (586) Из того числа – восемь платьев ситцевых и два из плотной материи, т.е. дорогих, атлас, парчу, пару серебряных браслетов, десять перстней: с бирюзой, сердоликом, рубином, яхонтом. Сто туманов махра (сумма, выплачиваемая жене мужем в случае развода), два ковра для комнат. Некоторые из богатых требуют еще и слуг и служанок. А относительно дома отец девушки говорит: "Устройство дома вы тоже должны полностью взять на себя".

В приведенной цитате интересно упоминание об обычае зарабатывания невесты личным трудом жениха в доме тестя. В настоящее время, судя по имеющейся литературе³ (см. напр. Н.А.Кисляков. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана) браки отработкой у ираноязычных народов очень редки. В редких случаях брака отработкой жених служит в доме тестя определенный срок (в Хуфе, напр. в начале XX в., по сообщению М.С.Андреева, этот срок подобно библейскому обычаю длился семь лет)⁴. После окончания службы жених не только не выплачивает выкупа, но и все расходы, сопряженные со свадьбой, несет отец жениха. В литературе, как правило, не встречается упоминаний о соизменении службы жениха в доме тестя и уплаты выкупа. Из изложенного в данной рукописи можно сделать вывод, что в Систане возможно сочетание уплаты выкупа со службой жениха в доме тестя.

После выплаты выкупа мулла совершает религиозный обряд бракосочетания, затем устраивается свадьба. Перед свадьбой жениха моют в бане, бреют ему голову и переодевают его в новые одежды. Невесту также моют в бане и наряжают. Возможно, локальной особенностью систанского свадебного обряда является окрашивание хной рук и ног не только невесты, а также и жениха и их родни, не встречающееся в имеющихся описаниях свадебных обрядов.

Одним из важных этапов свадебного обряда является переход невесты в дом мужа. По традиции, невеста демонстрирует свое искреннее или неискреннее нежелание покинуть свою семью ради чужой. Это отражено в свадебной песне, приводимой в рукописи, которая поется в момент перехода невесты в дом жениха:

Вставай, цветок!

Надень на голову чадру.

Пора идти.

Клянусь богом, с богом!

- Я не пойду! Дом моего отца лучше!

и т.д.

Интересно отметить, что вариант этой песни встречается в свадебном обряде припамирских таджиков⁵ (см. А.З.Розенфельд. Свадебный фольклор припамирских таджиков).

Молодую торжественно вводят в дом мужа. После ужина новобрачных отводят в брачный покой. Совершается обряд доказательства невинности молодой. Через несколько дней молодые посещают родителей невесты, получают от них подарки.

В настоящей заметке мы рассмотрели этнографическую часть рукописи. Что касается фольклорного диалектного систанского материала, то он заслуживает специального исследования.

¹ Анонимная рукопись А 881 Института востоковедения АН СССР.

² Ибрахим Шокурзаде

ابراهيم شکورزاده
حقایق و رسوم آغا مه مردم خراسان، تهران، ۱۳۴۶

³ Андреев М.С. Таджики долины Хуф, вып. I, Сталинабад, 1953.

⁴ Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. Его же. Семья и брак у таджиков. М.-Л., 1959.

⁵ Розенфельд А.З. Свадебный фольклор припамирских таджиков. В сб.: Фольклор и этнография. Л., 1970.

Н.Е.Васильева

О ЗАРИСОВКАХ ИРАНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ, ВЫПОЛНЕННЫХ КЕР ПОРТЕРОМ

Начиная с XIV в. в описаниях европейских путешественников по Востоку стали появляться отрывочные, весьма неясные сведения о существовании в Персии каких-то "удивительных древностей". Расширению этих представлений не способствовали последующие путешествия, пока в XVIII в. путешественники, побывавшие в Персии, не изобразили в своих непрофессиональных рисунках руины Персеполя, скальные рельефы и другие древние памятники¹. В начале XIX в. продолжительное путешествие по Персии совершил английский худож-

ник Роберт Кер Портер, которому благодаря таланту и упорству удалось выполнить исключительно точные зарисовки сасанидских скальных рельефов, также как и сохранившиеся скульптурные изображения персепольских руин, памятники Пасаргад, Так-и Бостана, Бехистунской скалы и скопировать некоторые древние надписи.

Судьба Р.Кер Портера с 1804 г. была связана с Россией. Он был приглашен в качестве придворного исторического живописца ко двору Александра I. В 1811 г. он женился на княжне Марии Федоровне Щербатовой, кузине А.Н.Оленина, который был одним из образованнейших людей своего времени. С 1811 г. А.Н.Оленин был директором имп. Публичной библиотеки, а впоследствии с 1817 г. стал президентом Академии художеств. Он проявлял глубокий интерес к восточным древностям.

В ЦГИА сохранились документы, проливающие свет на замысел путешествия Р.Кер Портера и определение предстоящих задач "для пользы наук и художеств"². В них полнее раскрывается та важная и благотворная роль, которую сыграл в этом А.Н.Оленин.

Р.Кер Портер решил совершить путешествие по Персии в 1817 г. О его замысле стало известно А.Н.Оленину. К тому времени Оленин, знакомясь с сочинениями знаменитых путешественников, обратил внимание на то, что одни и те же памятники древнего Ирана и руины Персеполя представлены ими в разном виде. Пораженный своим наблюдением, А.Н.Оленин заказал для себя гравюры одного и того же памятника с подлинных рисунков упомянутых авторов для наглядного сопоставления, намереваясь обратить внимание ученых на свое наблюдение. Когда Р.Кер Портер открыл А.Н.Оленину свое намерение ехать в Персию для обозрения памятников древнего Ирана, этот замысел совпал с задуманным предприятием самого А.Н.Оленина и побудил последнего открыть Р.Кер Портеру свои наблюдения о несоответствии в рисунках разных путешественников. Он обратил внимание Р. Кер Портера на то, какую услугу он мог бы оказать науке, выявив чьи рисунки более всего соответствуют подлинным памятникам. А.Н.Оленин предложил Р.Кер Портеру выполнить зарисовки памятников древности, обращая особое внимание на точную передачу линий контуров и пропорций, и убеждал его ни в коем случае не восстанавливать в рисунке утраченных фрагментов, а рисовать только то, что сохранилось; и кроме того, привезти образцы персидской клинописи и пехлевийских надписей. А.Н.Оленин письменно изложил свои соображения о том, как нужно выполнять рисунки с древних памятников, которыми Р.Кер Портер руководствовался в

своей работе во время путешествия. Задачу свою он выполнил блестяще.

Труд Р.Кер Портера, который он издал в 1821–22 г. в Англии³, содержит описание непосредственных впечатлений и событий, свидетелем и участником которых он был. Он дает подробное описание большинства изученных и зарисованных им памятников с точными объемами. Восхищенный красотой и своеобразием представших перед ним творений, он пишет в своем дневнике: – “Я считаю своим долгом перед историей искусств скопировать формы, находящиеся передо мной, со всей точностью, какую способен уловить, не допуская ошибок, не уменьшая и не изменяя линии. ... Этот принцип я положил в основу всех рисунков, исполненных на Востоке”⁴. В ряде случаев он правильно отнес принадлежность памятника к ахеменидской или сасанидской эпохе, и правильно определил изображенных на рельефах персонажей, составил карту Ирана, записал многие маршруты и расстояние между населенными пунктами. В издании воспроизведены гравюры с исполненных им рисунков, приводится хронология Ирана с древнейших времен до правления Фатх Али-шаха, составленная Р.Кер Портером на основе изученных исторических источников. Издание снабжено именным и предметным указателем.

Большинство подлинных рисунков художника находится сейчас в Британском музее в Лондоне (более 200). Особенную ценность среди них представляют рисунки, выполненные карандашом и акварелью. В собрании Гос.Эрмитажа хранится один альбом Р.Кер Портера, в котором рисунки выполнены тушью и пером. Он был приобретен в 1920 г. у г-на Курбатова. Размеры альбома 62 x 49 см. Твердый переплет его обтянут коричневой кожей, тисненой золотом. Рисунки наклеены на страницы альбома из серой плотной бумаги. Сопоставление рисунков этого альбома с рисунками, опубликованными в издании, дает возможность предположить, что, вероятно, именно эти рисунки послужили основой для гравюрных изображений в издании.

Среди материалов ЦГИА сохранились документы, свидетельствующие о том, что по возвращении из Персии в Санкт-Петербург в 1820 г. Р.Кер Портер изъявил желание поднести в дар императору Александру I некоторые древности, собранные им во время путешествия, всего шесть предметов. Эти предметы были направлены для хранения в Азиатский музей при Академии наук, о чем также имеется запись в Архиве ЛО ИВ АН СССР. Сами вещи до сих пор не обнаружены. За это подношение Р.Кер Портер был удостоен бриллиантового перстня с вензельными знаками императора в 2,5 тыс. рублей. Пос-

ле этого Р.Кер Портер отправился в Лондон, а затем в Париж, чтобы обработать и подготовить для издания описание своего путешествия. Перед отъездом он получил разрешение посвятить французское издание своего труда Александру I. В 1821 г. Р.Кер Портер снова в Петербурге. Он подготовил альбом с рисунками персидских памятников и надписей, выполненными во время путешествия в Накш-и Рустаме, Накш-и Раджабе, Персеполе и др. местах — это следующий, но не последний его подарок русскому императору. Альбом большого формата в алом сафьяновом переплете был направлен для хранения в имп. Публичную библиотеку. К сожалению, в самой библиотеке альбома пока найти не удалось. Не обнаружен до сих пор и труд А.Н.Оленина "для сведения ученых, художников и любителей древности", представленный одновременно с альбомом Р.Кер Портера на рассмотрение государя. Необходимо упомянуть, что А.Н.Оленин первый высоко оценил труд и заслуги Р.Кер Портера перед наукой, о чем свидетельствуют документы ЦГИА.

Рисунки Р.Кер Портера неоднократно привлекались в трудах ученых как иллюстративный материал⁵. Впервые на их значение для науки указал В.Г.Луконин, предположив, что на них могли сохраниться ныне утраченные фрагменты, т.к. с момента исполнения рисунков прошло полтора столетия и многие памятники были повреждены⁶. В единственной статье, посвященной специально Р.Кер Портеру, Р.Д.Барнет характеризует его как художника и путешественника, кратко рассказывает его биографию и определяет место и значение рисунков Р.Кер Портера в истории изучения культурного наследия Ирана⁷.

К сожалению, объем настоящей статьи не позволяет подробно охарактеризовать рисунки Р.Кер Портера, остается только указать на то, что Р.Кер Портер был первым художником, который привез в Россию и в Европу точные рисунки древних персидских памятников и описал их. Изучение рисунков Р.Кер Портера, сопоставление их с рисунками других художников, зарисовавших эти же памятники Ирана до и после него и сравнение их с фотографиями позволяют считать, что на рисунках Р.Кер Портера представлено самое верное и точное изображение памятников. Эти поистине уникальные рисунки заслуживают специального изучения. Труд Р.Кер Портера имел исключительно важное значение как первый научный материал для изучения исторических памятников древнего Ирана.

¹ J. Chardin. Voyages en Perse. London, 1686; Le Brun.

Voyages. Paris, 1718. Karsten Niebuhr, Reisebeschreibung nach Arabien. Amsterdam, 1774-78; J.Morier. Second voyage en Perse. Paris, 1818.

² ЦГИА, ф. 733, оп. №№ 12, 15, 87; ф. 518, оп. № 3.

³ **Travels in Georgia, Persia, Armenia and ancient Babylonia, 1817-1820. London, 1821-1822.**

⁴ Там же, стр. 492.

⁵ См. работы: И.И.Горностаева, В.Г.Луконина, V.Hinz.

⁶ В.Г.Луконин. Культура сасанидского Ирана. М., 1969, стр.19.

⁷ **R.D.Barnett. Sir Robert Ker Porter - regency artist and traveller. Iran, vol. I, 1972, pp. 19-24.**

О.И.Галеркина

О РУКОПИСИ № 407 ИЗ СОБРАНИЯ МАТЕНАДАРАНА

Рукопись № 407 из собрания Матенадарана (Ереван) представляет значительный интерес для истории литературы и художественной культуры Хорасана и Мавераннахра 2-ой пол. XV- I-ой пол. XVI веков. Список прожил сложную жизнь. Составляющие его пять страниц, расклеенные на четыре листа и сброшюрованные, судя по характерным картонным крышкам с коленкорovým корешком, в Средней Азии XIX века, исцарапаны, повреждены сыростью. Однако безжалостные следы времени не умаляют художественной и научной ценности страниц, некогда принадлежавших трем разным стихотворным сборникам, сохраненным, по видимому, любителем восточной каллиграфии и искусства рукописной книги по признаку высокого качества. Хотя и пострадавшие в цвете (особенно кобальт, золото), все они написаны великолепным насталиком и нарядно украшены. Язык 4-х страниц староузбекский, 5-я страница написана на фарси.*

лл. 1б-2 (восточной пагинации) представляют собой разворот фронтисписа. В каждой из половин текст центрального поля вклеен и состоит из шести, смещенных вправо и влево, через одну, строк

* Автор данной публикации ставит своей задачей рассмотрение декоративного оформления рукописи № 407, для исчерпывающей характеристики списка он воспользовался любезной консультацией проф. А.Н.Болдырева (ЛГУ) и канд. филологич. наук С.Г.Ганиевой (Институт языка и литературы им. А.С.Пушкина АН Уз.ССР), за что приносит им искреннюю благодарность.

стихов, на староузбекском языке. К сожалению, до сих пор не удалось определить принадлежность лл. 1б-2 перу какого-либо известного автора. Однако размер и ритм приведенных отрывков адекватны тексту поэмы Хайрат аль-абар ("Смятение праведников") Алишера Навои.

л.1б. Первая строка текста смыта. Далее следует рассуждение о том, что каждое дело мудрец должен начинать с именем Аллаха, тогда он достигнет успеха.

л.2. Продолжение введения:

Имя Аллаха произноси без запинки,
Если язык твой запнется, отруби его,
Ибо тот, кто не твердит непрестанно имени Всевышнего,
не нуждается в языке.
Небесные сферы вращаются именем Бога,
и каждая песчинка в мире создана им.

Текстовые части обрамлены тройной орнаментальной рамкой и фестонами ступенчатой конфигурации, выходящими на поля соответственно вправо и влево. Стилистически такая форма фестона предвосхищает более плавные дугообразные построения поздне-гератского периода (к. XV в.). Строгие очертания фронтисписа и фестонов находят аналогии в так называемом "Раннем диване" Навои 1465-66 гг., работы знаменитого каллиграфа Султан-Али Машхади (ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, Дорн 564), выполненном в Герате при жизни поэта, за несколько лет до прихода к власти последнего гератского тимурида - султана Хусейна (1469-1506). Фронтиспис ленинградского списка Навои, где синевя рамка расцвечена тончайшими золотыми и белыми побегими, с которыми продуманно гармонируют благородная простота почерка и теплый тон полей, помогают понять утраченный колорит листов ереванского Навои. Декоративное убранство листов рукописи поражает удивительным пониманием задач оформления книги, связи с текстом, единства каллиграфии, шрифта, орнамента, книжной страницы в целом. Диптих рукописи № 407 еще требует тщательного графологического анализа, однако представляется, что его насталик аналогичен почерку "Раннего дивана". В этом случае, учитывая также стилистические особенности декоративных листов рукописи № 407, мы можем сблизить их с экземпляром "Раннего дивана" Навои и отнести к 1460-м годам, к гератской школе каллиграфии, неизвестным образцам работы Султан-Али Машхади (?).

Следующие два листа поэтического текста, написанные на староузбекском языке, вклеены в рамки очень высокого качества, хотя и плохой сохранности, разрисованные жидким золотом. Орнамент рамок несколько отличен один от другого. На л. 2-б он составлен из изображений обезьян и лисиц, резвящихся среди ветвей граната. На л. 3-б среди цветочно-облачного узора изображены всадники во время охоты, а также лисы, птицы - мотивы характерные для орнамента тебризской школы I-й пол. XVI в., однако не исключено, что текст был переписан ранее, во времена последних Тимуридов. По заключению С.Г.Ганиевой, эти две страницы относятся к вводной части поэмы "Махзан ал-асраф" (Сокровищница тайн) Хайдара Хоразми и воспевают силу слова и его места в жизни человека. Поэма создана ок. 1409-1414 г. (публикация нашего отрывка, начиная с 5 строки помещена в узбекской хрестоматии "Узбек адабиети", Ташкент, 1968 г.).

л. 4-б. Пятый лист, представляющий газель Хафиза и написанный прекрасным насталиком на старой гератской (?) бумаге, украшенной жидким золотом (гвоздики, цапли, бабочки, заяц), к сожалению, выскоблен в строках, содержащих дату и имя каллиграфа. Исследовавший текст А.Н.Болдырев предполагает по сохранившимся фрагментам, что подпись восстанавливается следующим образом: "Написал сме раб ничтожный грешный... аш-Ш(ирази?) ... в месяцы год 92 (?)", предположительно 920/1514-15 н.э. Возможно, дата и подпись испорчены умышленно, чтобы приблизить время переписки газели Хафиза к ее орнаментальному оформлению.

Текст вклеен в синюю рамку цветочного орнамента и широкие, с золотыми побегими поля, украшенные в верхней части фестончатым картушем с изображением юности, держащего палу и графин и другого музыканта с платком и бубном. По стилю это изображение преемственно связано с поздне-гератской школой. Сходные персонажи, также украшающие каллиграфический текст, датированный к. XV в. помещены в издании Э.Кюнеля (Ernst Kühnel. Islamische Schriftkunst Graz, Austria 1972, с. 67, табл. 69). Однако, судя по форме картуша и качеству красочного слоя, поля газели рукописи № 407 созданы в Мавераннахре ок. 1530-х гг. (после привоза гератских мастеров Убайдулла-ханом) и могли быть специально выполнены как иллюстрация к газели или подобраны по смыслу. Аналогии данному сюжету зачастую встречаются в поэтических сборниках к. XV - н. XVI вв., как страничные иллюстрации, избыточные жанровыми моментами и не имеющие прямого отношения к тексту - (сцена

винопития и чтения стихов (Музей прикладного искусства, Лейпциг), беседа и чтение юношей в саду, лист из бухарской "Антологии 1529 г." (ЛО ИВ АН СССР С-860). Подобные "нейтральные" сюжеты олицетворяют возвышенное состояние единения человека и природы.

В рассматриваемой нами газели Хафиза за обычным тематическим рядом "весна-любовь-соловей-роза" и вино-мистическими иносказаниями об опьянении (божеством) таится лукаво-бесцеремонное напоминание поэта о задержанном жалованьи, обращенное к духовному правителю, "предводителю священного пути" — кадию.¹

Ю. Ради бога, помоги, о предводитель священного пути,
Ибо не видно края в пустыне любви.

II. Весна проходит, о Справедливец! Пойми же,
Что сезон прошел, а Хафиз до сих пор не выпил!

Миниатюра на полях, не обладающая поэтическим иносказанием, иллюстрирует только повествовательную сторону газели:

I. ... наступила весна и появилась трава, если выдадут жалованье, потратим его на цветы и вино.

Предполагается, что просвещенный читатель поймет скрытое содержание миниатюры, которое, в соответствии с суфийским кругом представлений, могло быть истолковано как мистическое опьянение на пути к единению с божеством.

Таким образом, рукопись № 407, ограниченная периодом времени ок. 1460-1530, хранит драгоценные страницы литературно-художественного наследия Хорасана и Мавераннахра, завершившие свой путь в надежном хранилище Матенадарана.

¹ Помещаем полный текст газели, ранее не публиковавшейся, в переводе А.Н.Болдырева:

1. Пришла радостная весть, что наступила весна и появилась трава,
Если выдадут жалованье, потратим его на цветы и вино.
2. Разнесся посвист птиц, где чаша-птица с вином?
Залился соловей, когда роза сорвала чадру.
3. Как поймет вкус райских плодов
Тот, кто не покусывал яблоко подборodka красавца?

4. Диковины на пути любви, о товарищ, многочисленны:
Перед ланью этой степи лев в испуге бежал!
5. Не жалуйся на огорчения, ибо на Пути Стремления
Не достиг покоя тот, кто не изведал Труда.
6. На улицу любви не ставь без провожатого ногу.
Потеряется тот, кто на этом пути не достал предводителя
7. С лица лунноликого виночерпия срывай розы сегодня,
ибо вокруг ланит-цветников появился пушок-фиалки.
8. Так кокетства кравчего расстроили мое сердце,

Что ни с кем другим не хочу говорить.

9. Я эту пеструю как цветок мурачку хочу сжечь,
Ведь старец-виноторговец не взял ее даже за один глоток
вина.
10. Ради Бога помоги, о предводитель священного пути,
Ибо не видно края в пустыне Любви
11. Весна проходит, о Справедливец! Пойми же,
Что сезон прошел, а Хафиз до сих пор не выпил!

А.И. Колесников

"ШАХ-НАМЕ" ФИРДОУСИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗАВОЕВАНИЯ САСАНИДСКОГО ГОСУДАРСТВА

В силу ряда причин основными источниками по истории арабских завоеваний в Иране в УП в. н.э. оказались арабоязычные сочинения, написанные два-три века спустя после падения Сасанидского государства. До недавнего времени они оставались и единственными источниками по этому периоду. Возможность привлечения иранского материала сдерживалась тем обстоятельством, что персоязычные исторические сочинения в главах, посвященных раннему исламу, в основном повторяли сведения мусульманских историков, писавших по-арабски (Табари, Балазури и др.).

Так обстояло дело с произведениями персидской исторической прозы, обозначившими эпоху становления новоперсидского литературного языка. Что же касается поэтического свода иранских преданий, составленного в X в. классиком средневековой персидской

литературы Фирдоуси, то исследователи и подавно относились к нему лишь как к национальному эпосу, а отдельные сопоставления "Шах-наме" с другими памятниками (например, с "Карнамаком") преследовали скорее цель выявления источников поэмы нежели оценки его как исторического источника.

События времени последних Сасанидов нашли отражение в завершающей части поэмы Фирдоуси, им посвящен девятый том критического издания текста, осуществленного в 1971 г.¹ Об арабских завоеваниях говорится в главе о Йездигерде Ш, но вся история завоеваний сводится к описанию деталей сражения при Кадисии и скитаний шаханшаха по стране вплоть до его гибели под Мервом. Ценность сочинения не в хронологии, о ней можно судить по арабским источникам. В "Шах-наме" гениальный автор сумел отразить дух эпохи, настроения правящих классов иранского общества. В разных частях главы лейтмотивом звучат бейты о тленности бытия, неизбежности гибели царствующей династии, а с нею и иранского государства. Устами главного героя в событиях при Кадисии Рустама автор предвещает наступление социальных потрясений, вызванных приходом арабов. Рустам наделяет пришельцев самыми недобрыми эпитетами. Но это не просто отхошение военачальника к грозному противнику: в войнах с Византией иранцы не тратят времени на словопрения, сама мысль как-то обругать ромеев не приходит в голову автору "Шах-наме". Фирдоуси, как и сасанидской знати, нищие арабы неприятны потому, что само их появление в Иране вносило сумятицу в сложившиеся представления об общественном порядке, нарушало незыблемость сословного деления (от чего предостерегают подданных и "Завещание Ардашира сына Папака" и "Письмо Тансара"²), усугубляло кризис иранского общества. Обычными проявлениями этого кризиса стали нарушения договоров (в "Карнамаке" *mīhrdrūjīh* — одно из тягчайших преступлений), деградация высших сословий и возвышение низших, обострение социальной борьбы, разрушение семейных традиций и т.д.³ У Фирдоуси социальная обстановка в Иране в годы арабских завоеваний очень напоминает внутривосточный кризис VI в., вызванный маздакитским движением. Эта сторона вопроса практически не затронута мусульманскими хрониками, а между тем она помогает понять, с какими Ираном арабам приходилось вести войну.

Помимо общей направленности произведения, позволяющей отнести его и к источникам по истории завоеваний, "Шах-наме" сообщает ряд подробностей, которые могли бы послужить украшением

исторической хроники. Они действительно уникальны. Глава о Йезидгерде начинается упоминанием даты вступления его на шаханшахский трон: день ард (25-й день) месяца исфандармуза, двенадцатого месяца иранского солнечного года⁴. Таким образом, событие имело место 16-17 марта 633 г. У зороастрийцев эра Йезидгерда начинается с 632 г., то есть включает и те несколько месяцев междоусобной борьбы, которая завершилась победой сторонников Йезидгерда. Средневековые хроники точной даты воцарения Йезидгерда III не сообщают.

Другой пример. В мусульманских исторических сочинениях нет недостатка в описании деталей сражения при Кадисии и предшествующих ему переговоров. Но в них суть переговоров подменяется идеологической полемикой между мусульманином и зороастрийцами, в которой конечно же правота остается на стороне поборника ислама. Из "Шах-наме" явствует, что призыв к исламу был существенным, но не главным элементом при ведении переговоров мусульман с иноверцами. Гораздо более важным для арабов было требование территориальных уступок в Междуречье, которые бы позволили им получить выход к центрам международной торговли⁵. Иранская сторона на это не согласилась.

Характеризуя сражение при Кадисии, Фирдоуси не раз обращает внимание на то, что персы не привыкли вести военные действия в условиях пустыни, умирали от жажды (мусульманские авторы на этом не останавливаются), и эти необычные условия, добавим мы, существенно повлияли на исход битвы в пользу мусульман. Действительно, для кочевых арабов пустыня оставалась их родным домом, губительной же для них могла оказаться метель, обрушившаяся на мусульманское войско много лет спустя в горах восточного Ирана.

Описанием злоключения шаханшаха на востоке страны Фирдоуси создал образную картину взаимоотношений Йезидгерда III со своими подданными, преданность одних и предательство других, и так до трагической развязки на мельнице. Сценой участия христиан в похоронах шаханшаха Фирдоуси как никто другой показал роль и влияние христианской общины Мерва, и в этом его данные подтверждаются сведениями сирийских историков. Внимание исследователя заслуживают также страницы "Шах-наме", в которых говорится о событиях, последовавших за смертью Йезидгерда III, а также сцены, раскрывающие обычаи и реалии далекой доисламской эпохи.

I Фирдоуси. Шах-наме. Критический текст, т. IX (составитель

текста А.Е.Бертельс). М., 1971.

² M.Grignaschi. Quelques spécimens de la littérature sassanide. - JA, t. 254, fasc. 1, Paris, 1966, texte - p. 53-55, trad. - p. 73-75; Tansar's Epistle to Goshnasp. Persian text edited by M.Minovi, Tehran, 1932, p. 2, 12, 19.

³ Фирдоуси. Шах-наме, т. IX, стр. 318-320 (перс.), б.88-120.

⁴ Там же, стр. 311 (перс.), б.1.

⁵ Там же, стр. 314-315 (перс.), б. 47-52.

Г.И. Костыгова

ПЕРСИДСКИЕ РУКОПИСИ В СОБРАНИИ АКАДЕМИКА
И.Ю.КРАЧКОВСКОГО

В течение 1971-74 гг. в Государственную Публичную библиотеку им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в дар от В.А.Крачковской тремя частями поступило собрание восточных рукописей И.Ю.Крачковского.

Оно включает 80 рукописей на арабском, персидском, турецком, узбекском, эфиопском и еврейском (идиш) языках, относящихся к XV-XIX векам. Большинство рукописей происходит из Ирана, в том числе и многие арабские. На нескольких имеются записи о получении их от А.А.Ромаскевича с пометами о приобретении этих рукописей в 1912-14 гг. в Тегеране, Ширазе и Исфахане. В собрании есть арабские рукописи, купленные самим И.Ю.Крачковским в Бейруте в 1910 г., и поступившие к нему другими путями.

Основную часть собрания И.Ю.Крачковского составляют арабские рукописи: памятники древней и средневековой литературы, преимущественно поэзии, а также произведения арабской литературы и фольклора XIX века.

Персидские рукописи составляют значительно меньшую часть собрания (43 списка). И подбор рукописей здесь, в отличие от арабской, носит весьма случайный характер.

В процессе работы над каталогом персидских рукописей Публичной библиотеки был определен состав персидской части собрания. И появилась, таким образом, возможность дать о ней краткую информацию, которая представляется не лишней некоторого интереса.

Немногими поздними списками в собрании представлены широкоизвестные произведения персидской и таджикской художественной литературы: "Диван" Хафиза (Кр.73, сильно поврежденный список

XIX в.) и "Дивāн" Бидлиа (Кр.66, XIX в.), а также "Анвар-и Сухай-лӣ", в рукописи датированной раби' I I2II/сентябрь 1796 г. (Кр. 39). В составе так называемых "сборных" рукописей (персидских и смешанных арабо-персидских) встречаются: "Панд-нама" 'Аттара в составе рукописи "Чахār китаб" (вместе с "Мукаддима-и салāt", "Чахār фасл" и "Мухиммāt-и муслимйн" - Кр. 67, лл. 149 об. - 184 об.); "Дахма-и шахāн" Мирзы Мухаммад Садика Муншӣ Джандарӣ - поэтическое сочинение по истории Средней Азии (Кр. 68, лл.99-112об., список I275/1858-59 гг.).

Можно упомянуть также выявленные при описании двух арабских рукописей, подаренных И.Д.Крачковскому А.А.Ромаскевичем, подстрочные персидские переводы: повести о Маджнуне и Лайлӣ (Кр. 8, лл. 33-101 об., список XIX в.) и "Дивāна", приписываемого халифу 'Али (Кр. 7, список датирован 9 рамазана 934/28 мая 1528 г.).

Из сочинений по грамматике в собрании имеются широкоизвестные "Сарф-и мӣр" (три списка (Кр. 37, лл. 3 об - 17; 37 об. - 51; 67-81) и список комментария Дауда ибн 'Абд ал-Баки ибн 'Йса ибн Бабā Туркистанӣ (Кр. 37, лл. 18 об. - 36 об.), а также комментарий неуставленного автора на "ал-'Авāмил ал-ми'а" 'Абд ал-Кахира Джурджанӣ (Кр. 37, лл. 157 об. - 167 об.).

В списке 948/1541-42 гг. встречаем небольшой персидско-арабский словарь, состоящий из трех фаслей (Кр. 32, лл. 142-147).

Биографические сочинения представлены списками "Рахахāt айн ал-хайāt" 'Али ибн Хусайн ал-Вайза Кашифӣ (Кр. 38, ХУП в.) и "Манāкиб-и гавсийа" Мухаммад Садика Шихāбӣ Садӣ Кадири (Кр. 69, лл. 58 об. - 138, 1265/1848 - 49 гг.).

Поздние списки (XIX в.) известных сочинений по суфизму, богословию, ритуалу, гаданию составляют содержание двух "сборных" рукописей собрания (Кр. 68 и Кр. 69). Это "Тухфат ал-кадирия" (Кр. 69, лл. II об. - 53 об.) и "Мақтубāt" (Кр. 69, лл. I об. - 10 об.), первые пятнадцать "писем" Мухий ад-дин 'Абд ал-Кадира Джиланӣ; "Иршад ал-муслимйн" Бурхāн ал-Мискина (Кр. 68, лл. I об. - 82 об.); "Нур-нама" (Кр. 69, лл. 138 об. - 142); "Фарз-и 'айн" (Кр. 68, лл. 96 об. - 98 об.); "Наврӯз-нама" Абӯ 'Абдаллах Мухаммада ибн 'Али ал-Хакима ат-Тирмизӣ (Кр. 68, лл. 83-96 об.; более пространный вариант, чем известные).

В составе арабско-персидско-узбекской сборной рукописи (Кр. 70) встречаем сочинение энциклопедического характера "Махзан ал-удӯм" (лл. 23 об. - 147 об.). Неполный список его (XIX в.), с чертежами и рисунками, обрывается на третьей главе ('илм)

третьего фасла (всего в сочинении 4 фасла). Рукописи этого сочинения в советских собраниях не встречаются. Известна его индийская литография 1878 г.

На соседних листах рукописи Кр. 70 находится также весьма редко встречающееся кисса об исфаханской принцессе Малика и пастухе Бабба - арабе (лл. 148 об. - 155, список 1273/1856-57 гг.).

Следует отметить, что многие из упоминаемых в этом кратком обзоре сочинений ранее в собрании ГПБ отсутствовали. Следовательно, можно считать, что с приобретением собрания И.Ю.Крачковского не только арабский, но и персидско-таджикский фонд Публичной библиотеки получил значительное и весьма ценное пополнение.

Литература

Краткий отчет о новых поступлениях рукописей в библиотеку (1969-1973). Л., 1974, с. 67. (Мин-во культуры РСФСР. Гос.Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина).

Лебедев В.В. Рукописное собрание академика И.Ю.Крачковского. В кн.: Из истории рукописных и старопечатных собраний. Исследования, Обзоры, Публикации. Л., 1979, с. 96-109.

Щеглова О.П. Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Под ред. Ю.Е.Борщевского. Ч.2. М., "Наука", 1975, с. 623 № 1740.

К.Курдоев

К ИСТОРИИ КУРДСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (газета "Курдистан")

В истории курдской периодической печати газета "Курдистан" считается первой печатной газетой на курдском языке. Она издавалась в 1889 году арабским алфавитом на диалекте курманджи и на турецком языке. Однако более подробных сведений о ней никто не мог сообщить. Не были известны продолжительность ее издания, количество ее изданных номеров, ее цели и задачи. Лишь в 1969 г. курдскому ученому Камалю Фуаду удалось узнать, что отдельные номера этой газеты находятся в Марбургской библиотеке. Фотокопия

ее была получена **Камалем** Фуадом. Всего оказался 31 номер. В 1974 году в Багдаде был издан комплект полученных номеров, из краткого обзора которых мы узнаем, что в султанской Турции издание литературы на курдском языке было запрещено. Поэтому она издавалась не в самом Курдистане, не в городах самой Турции, а в различных городах Западной Европы. Первые пять номеров ее были изданы в Каире, 6-19 вышли в Женеве, 20-23 - снова в Каире, 24 номер был издан в Лондоне, 25-29 вышли в Фолкстоне, 30-31 - снова в Лондоне. Первые пять номеров издавались Мидхат-пашой, остальные - его братом Абдурахман-пашой. Они из известного рода Бадрханидов, которые долгое время находились в оппозиции к правительству Османской Турции, неоднократно поднимали восстания курдов за независимость Курдистана. О задачах издаваемой газеты Мидхат-паша писал: "Цель моей газеты - просвещение народа и служение родине. Я буду писать о курдах, об их истории, происхождении, культуре, о выдающихся исторических и культурных лицах, которые вышли из среды курдов" ("Курдистан", № 2, стр.2). А его брат Абдурахман-паша писал: "Ради защиты своей чести и славы, ради просвещения курдского народа я покинул страну и поехал в чужие страны, чтобы продолжать дело своего брата - служить своей стране и своему народу" ("Курдистан", № 6, стр. 2).

Беглый обзор газеты "Курдистан" показывает, что ее издатели не ограничивались просвещением курдов, освещением их истории и культуры. На ее страницах они освещали также международные события, внутреннее положение Османской Турции, политику турецкого правительства по отношению к подвластным народам.

На страницах газеты печатались статьи, освещающие международные события: "Столкновения мусульман с христианами на Кипре" (К. № II), "Война между Суданом и Египтом" (К. № 6), "Американо-испанская война" (К. № 4), "Из истории Испании в период ее захвата арабами" (К. № 2), "О франко-турецком договоре" (К. № 30), "О русско-турецких отношениях" (К. № 2,3). В последней статье говорилось о причинах русско-турецких войн, о москвитянах как о гяурах, захватчиках чужих земель, как о врагах мусульманской религии.

Из статей, освещающих внутреннее положение Османской Турции, можно назвать письма из **Диарбекира**, Дамаска, Мардина, Курдистана (К. 5,6,13,14), в которых сообщалось о бедственном положении курдов, армян, о сплошной безграмотности курдского населения, о необходимости открытия школ на курдском языке, об арестах и пре-

следованиях за чтение и распространение газеты "Курдистан" (К. № 2, 9), "О событиях в Стамбуле" (К. № 21), "О коррупции в стране" (К. №№ 27, 29), "О создании кавалерии хамидие из курдских племен и об их бесчинствах в районах с курдским и армянским населением (К. № 29)", "О деле Мидхат-паши" (К. №№ 22, 23), "Письмо Абдул-хамиду о тирании его правителей над курдским и армянским населением" (К. №№ 24-25). Газета печатала много материалов и статей, связанных с историей и культурой курдского народа; освещалась история курдских княжеств средних веков, приводились сведения о курде Салах Эддине Эйюби, изгнавшем крестоносцев из стран Ближнего Востока и создавшем государство в Египте, сведения о Бадрхане и его сыновьях, ведших борьбу против Турции за независимый Курдистан, о шейхе Абдулле, восставшем против султанской Турции и шахской Персии за создание курдского государства, о Шараф-хане Битлиси, авторе истории курдов, о Мале Баязеди, оказавшем помощь русскому консулу А. Шабе в приобретении курдских рукописей, о курдских поэтах Ахмеди Хани и Кадири Кой и других великих людях, вышедших из курдской среды и сыгравших определенную историческую и культурную роль в истории курдов и других соседних народов (К. №№ 8, 11, 12, 13).

В заключении каждой статьи, каждого сообщения о международном и внутреннем положении османской Турции газета давала соответствующие советы и наставления, необходимые для защиты интересов курдского народа, прежде всего интересов его господствующей верхушки, приводя для этого необходимые суры из корана и хадисов пророка. Приведя данные об издании в 1794 г. книги Зиа-Эддина Халиди о морфологии, лексике и литературе курдов (К. № 13), а также сведения о том, что в Курдистан прибыл немецкий ученый фон Харгман для изучения курдского языка, сбора фольклорных и литературных текстов, газета призывает курдских ученых последовать его примеру, "написать что-нибудь о своем языке и народе" (К. № 3).

В основу идейно-политической направленности газеты "Курдистан" легли взгляды курдского поэта патриота Ахмеда Хани (XVII век) и его последователя Кадира Койя (вторая половина XIX в.). В своих произведениях они призывали народ к просвещению, объединению и созданию курдского государства. В этом деле они высоко ценили значение родного языка в просвещении народа и консолидации его сил. Газета "Курдистан" пропагандировала те же взгляды. В просвещении народа она возлагала большие надежды на гос-

подствующий класс курдов - на курдских эмиров, князей, феодалов, глав племен и курдских ученых. Она призывала их просвещать курманджов, под которыми понимались трудовые массы (земледельцы и скотоводы). Она писала: "Если какой-нибудь курдский эмир, князь, феодал имел бы у себя грамотных и мастеровых работников, то от их труда получил бы больше пользы. Один грамотный человек может принести столько пользы, сколько могут принести пятьдесят неграмотных" (К. № 3, стр. 2). "Потребуйте от Хункара открыть школы в курдских селах. Турецкое правительство берет у курдов деньги, расходует их для турок, для них строит большие школы. для курдов - тюрьмы и ссылки в пустыне" (К. № 6). "Курдские эмиры, князья, феодалы должны материально помогать курдским ученым в образовании курдской молодежи. Если вы так не будете делать, то когда-нибудь ваша страна выйдет из ваших рук, вы будете слугами своих врагов" (К. № 5), "Если сейчас курдские эмиры, князья и феодалы не обратят внимание на земледельцев и скотоводов, не будут давать им образование, то они потеряют свои дома и имущество. Сила и могущество эмиров, князей зависит от курманджов, не будь курманджов, не будет у эмиров и князей ни силы, ни власти, ни свободы. Если курманджи в крупных городах будут учиться ремеслу, искусству, получать знания, то они будут хорошими специалистами и в короткое время они будут такими же богатыми как турки, арабы и албанцы. Их села и города будут такими же благоустроенными, какими являются села и города их соседей, и тогда курдские эмиры, князья будут хозяевами своей страны и будут иметь почет и уважение (К. № 9). "Вы должны знать, что грамотность, образование и знание облагораживают людей, делают их счастливыми и богатыми, учите своих детей наукам, дайте им образование. Вы в жизни энергичны, деятельны, если вы будете иметь знание, науку и различные специальности, то вы будете сильнее и богаче, чем другие народы. Курдские ученые должны учить детей курманджов, учить вождей племен грамоте, убедить их в пользе образования, а эмиры, князья и богатые должны материально помогать ученым в просвещении народа и на свои средства отправлять детей курманджов в Стамбул, Багдад, Дамаск, Каир на учебу в школы, мадраса и другие учебные заведения" (К. № 4, стр. 4).

Основной удар газеты "Курдистан" был направлен против турецкой административной власти в Курдистане. Обращаясь к курдским эмирам, князьям, ага, бекам, она писала: "Вы знайте, что чиновники, мутассарифы, каймакамы и маамуры угнетают вас, они,

тираны, сосут кровь народов Курдистана, требуйте от хункара, чтобы он изгнал их из ваших городов" (К. № 5, стр.2), "Маамуры, которых направляет правительство в Курдистан, подобно змеям сосут кровь ваших курманджов. Ни стар, ни млад ничего не знают, что происходит в стране; страна курдов находится в отчаянном положении, она как беспомощный раненый зверь. Если курды не найдут средства на лечение ран, которые нанесены турецкими маамурами, то все богатство страны, все сады и плоды труда народа, все их дети и жены будут погребены под землей" (К. № 9, стр. 12).

Одно из центральных мест на страницах газеты "Курдистан" занимал вопрос о политике султанского правительства к национальным меньшинствам в стране, вопрос об армяно-курдских отношениях и их совместной борьбе за их национальные права. Материалы и статьи, связанные с этими вопросами, печатались на страницах 4, 5, 6, 9, 11, 15, 24, 25, 27, 29 и других номеров газеты "Курдистан" на курдском и турецком языках.

В конце XIX века в Западной Армении началась кампания геноцида армянского народа. Она продолжалась вплоть до первой мировой войны. Абдуль-хамидовские и младотурецкие правители проводили политику массовой резни и депортации армян из их родных мест. К осуществлению этого чудовищного злодеяния они привлекали не только своих янычар-погромщиков, но и курдские племена. Газета "Курдистан" не могла обойти молчанием это. На своих страницах (К. №№ 4, 5, 6, 9, 11, 12, 15, 23, 29 и др.) она затрагивала этот вопрос. В своих обращениях к курдам она писала: "Не убивайте армян, армяне такие же угнетенные, как и курды"; "В союзе с армянами боритесь против правителей Турции". Она писала: "Стамбульские правители приходят в эти края, творят незаконие над армянами, провоцируют армяно-курдские столкновения, армяне вынуждены использовать все средства борьбы против гнета и насилия диких турецких правителей, они имеют право защищаться и избавиться себя от гнета и насилия" (К. № 2, стр. 1). То же самое она писала на страницах последующих номеров. Она писала: "Турецкие власти толкают нас на преступление. Не принимайте участия в убийстве, грабеже армян, защищайте армян, идите на их защиту (К. № 5, стр.2-3). "Армяне измученный и истерзанный народ, они требуют свои права, они хотят освободиться из-под гнета турецких правителей, часть из них убита, другая часть

покинула родные места" (К. № 9, стр. I). "Курды должны быть с ними в союзе, армяне такие же рабы Абдуль-Хамида, как и курды. Если курды и армяне будут в союзе, то правители Турции не будут в состоянии угнетать их. Но, к великому сожалению, все курдские племена враждуют между собой; турецкие власти пользуются этим и чинят над народом беззаконие" (К. № II, стр. 3-4). "Вот уже шесть лет, - продолжает газета, - как в стране совершаются убийства, грабежи и насилия. Народ живет в нищете и бедствии и не имеет никаких прав". "Не надо убивать, грабить друг друга, не следует убивать и грабить своих соседей (армян - К.К.), вы должны знать, что акт убийства и грабежа, совершенный вами, будет обращен против вас" (К. № 15, стр. 2-3).

Газета писала, что распространением слухов в иностранной печати и в султанской Турции о создании независимого армянского государства и якобы о включении в него Курдистана враги курдского и армянского народов преследуют определенные цели: Иностранные государства хотят создать в стране беспорядки, ослабить и разгромить османскую империю, а турецкие власти хотят еще больше усилить столкновения армянского и курдского народов, чтобы не допустить их сближения и создания их союза в борьбе за свои национальные права (К. № II, стр. 3-4). "Но курды должны знать, что убийством армян они никогда не достигнут своего избавления из-под гнета хункара и его маамуров. Слугами Абдуль-Хамида являются те курды, которые выступают исполнителями акта насилия, убийства и грабежа армян. Боритесь против таких курдов. Настоящий враг курдов - хункар и его правители, а не армяне. Вот уже двадцать лет, как хункар подкупными использует курдских ага и бек-ов в совершении актов насилия, убийства и грабежа армянского народа. В убийстве армян вы не приобретете свободу и независимость, знания и чины, получаемые курдскими ханами, беками от хункара, не спасут вашу страну от нищеты и рабства. Вместо того, чтобы защищать свою честь и достоинство, вы идете на гибель, убиваете жен и детей армян. Абдуль-Хамид говорит нам: "Армяне ваши враги, истребите армян". Он вас обманывает. Армяне никогда не были и не будут вашими врагами. Ваш враг - Абдуль-Хамид. Несколько лет тому назад в Ване был созван съезд курдских вождей, на котором хункар предложил истребить армян. Тогда выступил ныне покойный шейх Абдулла, который был крупным ученым и муфтием. Он говорил: "Если сегодня мы ни за что истребим армян, то когда-нибудь придет время-турки истребят нас". (К. № 26,

стр. 2). То же самое писалось в статьях "Курдам нужен союз с армянами" (К. № 27), "Кавалерия Хамидие" (К. № 29). Обращаясь к курдам, газета писала: "Турецкие правители спровоцировали вас на убийство армян, вы пошли убивать многострадальный армянский народ и тем самым опозорили свою честь, славу и свой семейный очаг. Хватит совершать преступления, образумьтесь. Я написал курдским ага и бекам, чтобы они вместе нашли какое-нибудь средство для излечения этой болезни. Я пишу вам, чтобы вы все были едины и выступали в союзе и единстве с армянами против хункара и его власти в нашей стране. Вы вместе сделаете большие дела и скорее избавите себя из-под гнета турок, если вы будете в союзе с армянами в борьбе за свои права" (К. № 29, стр. 2-3). "Вы должны знать, что в создании и организации "Кавалерии Хамидие" из курдских племен султанское правительство преследовало и преследует цель, чтобы с ее помощью подавить армянское освободительное движение и предотвратить возможный союз армян и курдов в их борьбе против турецкого правительства за свои национальные права. Вот уже несколько лет, - пишет газета "Курдистан" - как свирепствует Кавалерия Хамидие по стране. Личная жизнь и имущество каждого в опасности. Многие годы армяне и курды были в дружбе и союзе. Но Абдуль-Хамид нарушил этот союз и дружбу между ними, натравливая курдов на армян. Если курды не будут в союзе с армянами, то они не смогут избавить себя от несправедливости маамуров. Чтобы освободить курдов и армян от султанской Турции, необходимо, чтобы курды и армяне заключили договор о союзе, об их совместной борьбе против гнета режима Абдуль-Хамида" (К. № 29, стр. 2-3).

Таким образом, задачи просвещения курдского народа, приобщения его к культуре газета "Курдистан" увязывала с задачами улучшения социально-экономической жизни народа, с благоустройством его страны, с задачами консолидации всех его сил с целью установления совместной борьбы армянского и курдского народов против султанской Турции за их национальные права. Прогрессивный характер этих задач очевиден. Они показывают один из периодов истории развития курдской общественной жизни.

Н.Л. Лужецкая

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ НЕКОТОРЫХ СОБЫТИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БАДАХШАНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Первая половина XIX в. в истории Бадхашана является своего рода "смутным временем", картина событий которого чрезвычайно

сложна и запутанна. За этот период на бадахшанском престоле сменилось несколько правителей из династии Яридов, ведших междоусобную борьбу и одновременно пытавшихся сопротивляться набегам могущественного кундузского правителя Мухаммад Мурад-бека. Последовавшие за этим годы его владычества в Бадахшане нанесли стране тяжкий урон /см. I, II4/. Однако политическая история первой половины XIX в. до сих пор остается недостаточно исследованной. Более того, не вполне ясна даже сама канва событий. Объяснение этому, по-видимому, нужно искать в особенностях исторических источников.

Наиболее значительным из них, несомненно, является изданная А.Н.Болдыревым "История Бадахшана" (Тарих-и Бадахшан) /5/, в которой как раз интересующий нас период рассматривается довольно подробно. Но использование данных этого источника крайне затруднено. Дело в том, что первый из авторов Тарих-и Бадахшан, Санг-Мухаммад, ограничился лишь описанием современных ему событий первого десятилетия XIX в., а второй автор, Фазл Алибек, продолжил его повествование в начале XX в., и мог опираться лишь на устные предания. Неудивительно, поэтому, что, как отмечает А.Н.Болдырев в своем введении к публикации, "... устный характер источников Фазл Али-бека привел его в его части к значительной хронологической путанице..." /5, Введение, 2I/.

Такая ненадежность хронологического материала Тарих-и Бадахшан в разделе, охватывающем первую половину XIX в. ставит исследователя перед необходимостью сопоставления его сведений с данными других источников. Речь идет, во-первых, о сочинениях восточных авторов, написанных в сопредельных с Бадахшаном областях (Шугнана, Читрале, а также в Афганистане) и основывающихся на местных исторических преданиях. Во-вторых, это касается европейских, преимущественно английских, источников, принадлежащих перу современников и очевидцев рассматриваемых событий, или составленных во второй половине XIX в. разведчиками и исследователями Памира, Бадахшана и Восточного Гиндукуша. Все эти источники, при известной ценности для изучения периода, отличаются скудостью и отрывочностью сведений.

Поэтому особое значение для сопоставления с Тарих-и Бадахшан приобретает обзор истории Бадахшана, вышедший в свет в 1894-95 гг. в "The Imperial and Asiatic Quarterly Review" /8/, и, насколько нам известно, не привлекавшийся для изучения истории Бадахшана. Эта публикация, помимо исторических сведений о Бадах-

шане, Бухаре, ханствах левобережья Аму-Дарьи, включающая также некоторые географические и этнографические материалы, опирается на восточную рукопись. К сожалению, английский издатель довольно туманно говорит об этом сочинении. Из разбросанных в тексте сообщений явствует, что, по-видимому, оно было составлено около 1872 г. в Бадахшане везиром Мухаммадом Наби и членом правящего рода Мирзой Джаном /8(I), 175, 180; 8(II), 407/. Вероятно, дальнейшие исследования позволят ответить на целый ряд вопросов, возникающих в связи с этим источником. Пока же, не ставя перед собой задачи историко-этнографического анализа этой публикации, отметим лишь, что ее раздел, посвященный первой половине XIX в., в основном хорошо согласуется с соответствующей частью Тарих-и Бадахшан в изображении событий, но при этом существенно отличается от Тарих-и Бадахшан хронологией этих событий. Сделанное наблюдение позволяет нам попытаться уточнить даты некоторых событий, описываемых Тарих-и Бадахшан.

Фазл Али-бек, в частности, сообщает следующее (приводим краткое изложение): Мир Мухаммад-шах правил 30 лет, с 1207/1793-94 по 1237/1821-22 гг., после чего разделил свои владения между тремя сыновьями и удалился от дел. На престоле его сменил его сын Мир Султан-шах, который был верховным правителем Бадахшана тоже 30 лет, с 1237/1821-22 по 1267/1850-51 гг. После его смерти к власти пришел его восемнадцатилетний сын Мир Нр-бек. Через год он был смещен своим дядей, наместником Рустака Мир-и-Каланом. Еще через четыре года, в 1272/1855-56 гг. в Бадахшан вторгся каттаганский правитель Мухаммад-Мурад-бек. Мир-и-Калан бежал в Шугнан, на его место Мухаммад-Мурад-бек назначил своего наместника, который и правил Бадахшаном следующие пять лет. Затем он был свергнут, и на престол вернулся Мир-и-Калан, который умер в 1283/1866-67 гг. Его сменил третий сын Мир Мухаммад-шаха, Сулейман-шах, продержавшийся у власти два года. В 1285/1868-69 гг. Мухаммад-Мурад-бек снова захватил страну, взял в плен правителя с семьей и увез в Кундуз. Бадахшан был разорен. Владычество Мухаммад-Мурад-бека на этот раз продолжалось 15 лет, до 1300/1882-83 гг.

Доведя изложение до этого места, Фазл-Али-бек сделал на полях следующую приписку: "Однако этот подсчет [лет], по мнению автора, не совсем правилен". С ним нельзя не согласиться. В самом деле, год окончания правления в Бадахшане Мухаммад-Мурад-бека - это одна из немногих достоверных дат в истории Бадахшана рассматриваемого периода. Так, Кушкеки сообщает, что Бадахшан освободился

от завоевателей после смерти Мухаммад-Мурад-бека, последовавшей в 1842 г. /3, II/. Боулджер приводит в качестве даты его смерти 1844 г. /6, 304/. В "The Imperial and Asiatic Quarterly Review" говорится, что в 1844 г. верховным правителем Бадхашана стал Земан ад-Дин /8 (IV), 439/, т.е. была восстановлена прежняя династия. По-видимому, нет оснований сомневаться в том, что Земан ад-Дин вступил на престол в 1844 г., после смерти Мухаммад-Мурад-бека и окончания кундузского владычества. Это подтверждается и самой Тарих-и Бадахшан, приводящей ту же дату воцарения Земан ад-Дина /5, текст, 93^b/.

Следовательно, все перечисленные выше события должны были происходить до 1844 г. Это, в свою очередь, позволяет предположить, что некоторые из бадхашанских правителей находились у власти не так долго, как утверждает Тарих-и Бадахшан.

Для уточнения хронологии периода мы можем использовать в качестве ориентира приводимую несколькими источниками и исследованиями дату первого нашествия Мухаммад-Мурад-бека и битвы между его войсками и бадхашанцами под началом Мир Яр-бека (между 1820 и 1823 гг. /9, 159; 7, 176; 4, 148; 8 (IV), 436; 6, 302; 2, 343; 1, 113/. По данным Тарих-и Бадахшан примерно за пять лет до вторжения Мухаммад-Мурад-бека завершилось правление Мир Султан-шаха. Согласно эти сведения с датой вторжения (1820-23 гг.), мы можем установить, что Султан-шах правил до 1815-18 гг. Полученный нами результат сильно отличается от даты, приводимой Тарих-и Бадахшан - 1850-51 г. Однако нашу гипотезу подтверждает упомянутый выше обзор истории Бадхашана в "The Imperial and Asiatic Quarterly Review", называющий 1815 г. как дату смерти этого правителя /8 (IV), 436/. Здесь же говорится, что он пришел к власти в 1810 г., после своего отца Мир Мухаммад-шаха, разделившего свои владения между тремя сыновьями /8 (IV), 435; ср. 5, Текст, 85^b-86^a/). Представляется, что косвенным подтверждением даты смерти Мир Мухаммад-шаха (1810 г.), служит тот факт, что примерно в это же время, по-видимому, завершил свой труд придворный летописец Мир Мухаммад-шаха Санг-Мухаммад /5, Введение, 13/.

Итак, как же будет выглядеть картина событий, известных по Тарих-и Бадахшан, если мы примем внесенные уточнения датировки? Мир Мухаммад-шах находился у власти не до 1821-22, а до 1810 г. Султан-шах, сменивший его, правил до 1815-18 гг. После него около года на престоле находился Мир Яр-бек, затем - четыре го-

да - его дядя Мир-и Калан. В 1820-23 гг. происходит первое нашествие кундузского бека, установившего через несколько лет свою власть над Бадахшаном. Наконец, в 1844 г., после его смерти, власть переходит к прежней династии в лице Земан ад-Дина.

Таким образом, хотя предложенные нами уточнения касаются всего лишь нескольких дат, они все же позволяют внести некоторую ясность в хронологию событий в Бадахшане в первой половине XIX в.

-
1. Абаева Т.Г. Очерки истории Бадахшана, Ташкент, 1964.
 2. Бартольд В.В. Бадахшан. Сочинения, т. Ш, М., 1965.
 3. Кушкеки, Бурхан уд-Дин-хан, Каттаган и Бадахшан, ред. А.Н.Семенов, Ташкент, 1926.
 4. О завоевании Шах Мурада. - Азиатский вестник, январь 1825 г., СПб., 1825.
 5. Тарих-и Бадахшан. "История Бадахшана". Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели. Подготовил к изданию А.Н.Болдырев, Л., 1959.
 6. Boulger D.C., England and Russia in Central Asia, v.I, London, 1879.
 7. Burnes A. Travels into Bokhara..., second edition, v. III, London, 1835.
 8. Central Asian Material in Explanation of the Granville-Gortchakoff Convention of 1872, The Imperial and Asiatic Quarterly Review and Oriental and Colonial Record, New Series, v. VIII, July-October, 1894, cc. 173-181 (I); cc. 407-420 (II); v. IX, January-April, 1895, cc. 191-196 (III); v.X, July-October, 1895, cc. 434-445 (IV).
 9. Wood J. A Journey to the Source of the river Oxus, New edition, London, 1872.

И.К.Павлова

К ВОПРОСУ ОБ ОТМЕНЕ ТАМГИ НА ГИЛЯНСКИЙ ШЕЛК ШАХОМ САФИ I

Истории сефевидской державы, ее восстановлению, расцвету и упадку посвящены работы как советских, так и зарубежных востоковедов. Однако многие вопросы, связанные с причинами, приведшими к упадку и гибели государства Сефевидов остаются не до конца разрешенными и в настоящее время. Это прежде всего связано с тем обстоятельством, что многочисленные источники (нарративные,

документы деловой и официальной переписки, юридические акты) не были опубликованы, а тем более изучены. В этой связи представляется весьма интересным сочинение Мухаммад-Ма'сума "Хуласат ас-сийар" прежде всего потому, что оно посвящено преемнику и внуку Аббаса I шаху Сафи (1629—1642 гг.), при котором уже намечался упадок иранского государства.

Основная цель как внешней так и внутренней политики шаха

Аббаса была направлена на усиление центральной власти и превращение Ирана в мощное централизованное феодальное государство. Шаху Аббасу удалось достигнуть многого в этом направлении: была проведена реорганизация армии, уничтожены некоторые непокорные ханства, восстановлено пошатнувшееся в результате внутренних смут и междоусобиц внешнеполитическое положение страны и возвращены утраченные Ираном в последней четверти XVI в. области Хорасан и Кандахар на востоке, Восточное Закавказье, Азербайджан и другие области на западе. Помимо реформ, направленных на усиление центральной шахской власти, а также на восстановление экономического и политического подъема страны шах Аббас решил восстановить экономический потенциал податного населения, отменяя или облегчая на некоторое время налоги с различных областей. Так, например, в 1015/1606 г. шах Аббас освободил от всех диванских податей население города Ордубада¹. Искандар Мунши сообщает: "В 1019/1610—II г. после изгнания Мурад-паши из Азербайджана государь освободил в этом и на следующий год от поземельного налога и чрезвычайных государственных сборов часть райятов, пострадавших от нашествия румийских войск"². По указанию шаха Аббаса жителям, пострадавшим во время войны с узбеками, были возмещены убытки из государственной казны. Налоговые мероприятия Аббаса I коснулись также и центральной области Ирана-Ирака Персидского, в частности, его главный город Исфахан был освобожден на год от уплаты всех налогов. Все это, естественно, способствовало развитию ремесла и торговли. Европейские путешественники, миссионеры, дипломатические агенты отмечают рост городов, оживление как внутренней, так и внешней торговли, высокое развитие ремесел, среди которых ведущее место занимало производство шелка. По словам Олеария, ежегодно в государстве Сефевидов производилось 20 тыс. тюков шелка-сырца³. Следует отметить тот факт, что внешняя торговля находилась главным образом в руках не персов, а армян, которые имели своих представителей по торговле шелком в Индии, Китае, Японии и в странах Европы. Шах Аббас, стремясь расширить

внешнеторговые связи своего государства со странами Востока и Запада, покровительствовал армянским купцам, предоставив им ряд привилегий в том числе и право вывоза шелка-сырца из Ирана. Торговля шелком позволила скопить им огромные состояния. Так, некий новоджувльфийский купец Петрус после смерти оставил 40 тыс. туманов, не считая драгоценных камней, золотой и серебряной посуды, земельной собственности.⁴ Армяне, занимавшиеся крупной оптовой торговлей, пользовались большим почетом и некоторые из них даже назначались калантарями (старшинами) Новой Джувльфы, купеческого армянского городка близ Исфахана.⁵ Кроме армянских купцов только английская и голландская фактории имели право вывоза шелка, но в значительно меньшей степени, чем первые.⁶ Экспорт шелка приносил высокую прибыль государству: "Одни только пошлины с вывоза шелка-сырца достигли 4 тыс. туманов в год"⁷ (примерно 14 тыс. 720 ф.стерлингов). Такая политика шаха Аббаса не могла не вызвать недовольство местных мусульманских персидских купцов, занимавшихся главным образом внутренней торговлей.⁸ Однако, опасаясь реакции Аббаса I, они не рисковали выступать против подобных мероприятий при его жизни. Следствием военных реформ и внутренней политики шаха Аббаса явилось превращение Ирана в довольно мощное централизованное государство. После смерти Аббаса его внутренняя и внешняя политика претерпела изменения; отчасти это было вызвано тем, что шах Сафи, вступив на престол 12-летним ребенком, оказался игрушкой в руках придворной знати, удалившей от государственных дел наиболее способных сподвижников Аббаса.⁹ Неудивительно, что при нем, пользуясь ослаблением центральной власти, придворные круги, тесно связанные с персидскими купцами, сумели добиться для них таких же привилегий в торговле, какие предоставил Аббас I их конкурентам-армянам.¹⁰ Об этом факте сообщает вышеупомянутое сочинение Мухаммад-Ма'сума.¹¹ Автор приводит сведения об отмене тамги на гилианский шелк, существовавшей во время правления Аббаса I. Через 4 дня после вступления на престол, в субботу 9-го числа месяца Джумада II, шахом Сафи был отдан приказ следующего содержания: "Те налоги (اخراجات)¹² и подати (توجهات)¹³ ежегодно собираемые по 50 тыс. туманов с подвластных областей на постройку канала [от реки] Каранг (کمران) благодаря вниманию, которое проявлял покойный государь (Аббас I) к делам по благоустройству Исфахана, и [в связи] с его желанием провести вышеуказанную воду в город, поскольку [ныне] августейшему величеству стало ясно, что строительство данного канала,

протекающего от основной реки в Исфахан невозможно выполнить в ближайшее время, следует с шеи райятов снять. А [относительно] гиланского шелка, [продажа] которого ради благосостояния государства - дескать, не дай бог, купцы повезут его в Рум-и ради взимания тамги, приносящей большой доход для его (Аббаса I) войска, была объявлена запрещенной¹⁴ [для всех прочих], соизволил этот запрет отменить и разрешил продавать каждому¹⁵.

Следует отметить, что введение в распоряжение в Иране тамги - подати, взимавшейся с жителей городов и торгово-ремесленных заведений, восходит к периоду монгольского владычества. По определению В.В.Бартольда "с понятием о "тамге" связано не столько понятие о дорожной пошлине, сколько о городах и городских сборах"¹⁶, составлявших один из главных доходов казны. Так, в середине XVI в. тамга приносила 30 тыс. туманов ежегодно¹⁷. Однако подобные сборы не были предусмотрены шариатом и отмена их считалась богоугодным делом. Опираясь на это, мусульманские духовные лица, занимавшие важные позиции в городской экономике, часто выступали с требованием отмены или сокращения тамги¹⁸. Естественно, что настроения мусульманского духовенства оказали определенное влияние на упразднение этого налога шахом Сафи.

Отмена тамги предоставила право заниматься торговлей шелком не только армянским купцам, как это было при Аббасе I, но и персидским, что в свою очередь привело к сокращению доходов государственной казны и повлияло на ослабление мощи армии и экономического подъема страны.

¹ Искандар Мунши, Тарих-и Аламара-йи Аббаси, литограф. изд., Тегеран 1314/1896 с. 506.

² Там же, с. 516.

³ Олеарий А., Подробное описание путешествия гольштинского посольства в Московию и Персию, М., 1870, с. 791.

⁴ Тавернье, Шесть путешествий, Париж, 1676 т. I, с. 417.

⁵ Бастанани Паризи. Сийасат ва эктесад дар аср-е сефевие (перс.), Тегеран, 1349 г.х.

⁶ Иванов М.С., История Ирана, МГУ, 1976, с. 192.

⁷ Петрушевский И.П., История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в., ЛГУ, 1958, с. 284; туман равнялся 3,68 фунта стерлингов.

⁸ Иванов М.С., указ. соч., с. 192.

⁹ Олеарий А., указ. соч., с.867-869.

¹⁰ Насруллах Фальсафи, Зендегани-йе шах Аббас. Тегеран, 1332 г.х., т. 2, с. 135 (перс.).

¹¹ Следует отметить, что об этом в краткой форме как бы мимоходом сказал Искандар Мунши в своей незавершенной работе "Зайл" (Зайл-и Тарих-и Аламара-йи Аббаси, рук. ГПБ, Б.Дорн 303/1 л. 8а-б). Подобная форма сообщения позволяет предположить, что он был против таких новшеств, который вводил малолетний шах, изменяя тем самым политику своего деда.

¹² Ихраджат - (ар. мн.ч. от Ихрадж - бук. "расходы", "издержки") И.П.Петрушевский (Очерки по истории феод. отношений в Азербайджане и Армении в XVI - начале XIX вв., Л., 1949, с.272) указывает, что "это были различные поставки натурой и повинности податного населения для нужд войска, знати и государственных чиновников".

¹³ Тауджихат - (ар. мн. ч. от тауджих - бук. "обложение", "подать"). Содержание этого термина, по мнению И.П.Петрушевского (указ. соч., с. 268), по смыслу совпадает с "ихрадж".

¹⁴ То есть - монополией шахской казны.

¹⁵ Мухаммад-Ма'сум, Хуласат ас-сийар, Рук. Мюнхен 1632 л.11а.

¹⁶ Бартольд В.В., Соч., т. IV, с. 332.

¹⁷ Эфендиев О.А., Фарзалиев Ш.Ф., О подати тамга и ее значении в городской экономике Азербайджана и сопредельных стран в XV-XVI вв. "Бартольдовские чтения", 1978, с. 69.

¹⁸ Подробнее см. там же.

И.К.Павлова

ВОССТАНИЕ ДЕРВИША РИЗЫ В КАЗВИНЕ

Как указывает Ф.Энгельс, в средние века "классовая борьба протекала под знаком религии"¹, когда "интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой"². Это высказывание непосредственно относится и к народным выступлениям, носившим религиозную окраску, в Иране в период правления Сефевидов (1502-1736). К их числу³ относится малоизученное восстание дервиша Ризы, объявившего себя Махди⁴ (1631).

Рассказ об этом восстании встречается в сочинении Мухаммад-Ма'сума "Хуласат ас-сийар"⁵. Сведения последнего несколько расширяет и дополняет его последователь Тахир Вахид. Любопытно, что европейский путешественник Олеарий рассказывает о выступлении

дервиша Ризы, относя его ко времени царствования шаха Аббаса⁶.

Вероятно, уместно напомнить, что годы правления шаха Сафи (1629-1642) ознаменовались прежде всего ослаблением центральной шахской власти, усилением налогового гнета и ухудшением положения народных масс. Естественно, это вызвало протест народа и привело к неоднократным всплшкам волнений и восстаний.

Мухаммад-Ма'сум сообщает, что дервиш Риза после длительных странствий "принял" правила секты Эбахие⁷, приступил к приобретению запретных знаний⁸. Очевидно, проповеди дервиша нашли отклик у его соотечественников, так как вскоре некоторые из жителей Кафарабада, где проживал дервиш Риза¹, "благодаря обману и колдовству свернувших с [правильного] пути обманщиков и хитрецов, выразили ему покорность"⁹.

По сведениям Тахира Вахида под знаменем дервиша Ризы только в одном Кафарабаде собралось около 500 чел.¹⁰. Видимо, восстание охватило широкие круги народных масс, и можно думать, что отрицание догматов официального вероисповедания привлекло внимание и симпатию торгово-ремесленной части городского населения и городской бедноты¹¹.

После того, как дервиш Риза собрал значительные силы, он, провозгласив себя Махди, вознамерился захватить Казвин. Новоявленный Махди был уверен в своей победе: судя по сведениям Мухаммад-Ма'сума, после покорения Казвина он рассчитывал стать правителем города и "жителей населенной части земли допустить к целованию ног и лобызанию нашего (т.е. дервиша Ризы) порога"¹².

Выступление было назначено на 16-ое число месяца зу-ль-хиджа названного года. Прежде всего восставшие отправили послание Шахвирди-хану-даругэ Казвина, в котором требовали, чтобы он отказался от своей должности. Однако Шахвирди-хан не принял их требования. Вместе с калантаром города Мирза Абу-Тарабом он собрал войско и выступил навстречу повстанцам. Мухаммад-Ма'сум, не оставившаяся на деталях сражения, сообщает о том, что Риза погиб¹³. После гибели дервиша его мюриды и приверженцы, среди которых находились Доурмиш-хан-бек, Шах-Али-бек и Вали-султан, были сразу же разбиты.

Упоминание Мухаммад-Ма'сумом вышеуказанных имен свидетельствует о том, что это движение поддержали и некоторые феодалы.

Тахир Вахид приводит более подробный рассказ о событиях в Казвине. В частности, из материалов "Рийаз ат-таварих" известно

о сопротивлении повстанцев: дервишу со своими приверженцами удалось проникнуть в город и занять Дарун-Хисар, но вскоре они были окружены войсками каландара Казвина, которые и убили руководителя повстанцев.

После подавления восстания, хотя шах и проявил снисхождение к последователям дервиша, некоторые участники были казнены¹⁴. Число казненных, по сообщению Тахира Вахида, достигало 75 чел.¹⁵. Несмотря на такую жестокую расправу с участниками восстания, в городе остались последователи дервиша. Из данных "Рийаз ат-таварих" видно, что в 1049 г.х./1640 г. в Казвине вспыхнули волнения, напоминавшие выступления дервиша Ризы.

Выступление дервиша, в котором приняли участие различные слои населения, явилось ярким проявлением недовольства народных масс политикой шаха Сафи и реакцией на усиление экономического, политического и налогового гнета.

¹ Ф.Энгельс. Крестьянская война в Германии. Изд. 2, т.7, с. 360.

² Там же.

³ Одним из интереснейших восстаний подобного рода является, по нашему мнению, выступление "калантапов и подонков общества", которые объявили самого Тахмасба I имамом Махди в 962 г.х./1554-55 г. Опасаясь расширения восстания, шахские сторонники подавили его с большой жестокостью и казнили 40 повстанцев. См.: Искандар Мунши. Та'рих-и аламара-йи Аббаси. (Литограф.изд.) Тегеран 1314 г.х./1896, с. 90.

⁴ О Махди см.: Гольциер И. Ислам. Пер. И.Ю.Крачковского, СПб., 1911, с. 37; Петрушевский И.П. Ислам в Иране. Л., 1966, с. 259-260, 368.

⁵ Впервые об этом восстании в очень краткой форме упомянул в своем незаконченном произведении Искандар Мунши "Зайл-и та'рих аламара-йи Аббаси. См.: Дорн Б. Каталог рукописей Публичной библиотеки Санкт-Петербурга, № 303, л. 42б.

⁶ Олеарий А. Подробное описание путешествия гольштинского посольства в Московию и Персию. М., 1870, с. 616-617.

⁷ Эбахие - секта, признающая законность действий, запрещенных шариатом.

⁸ Мухаммад-Ма'сум. Хуласат ас-сийар. Ркп. мюнхенской б-ки, л. 59а (в дальнейшем: Ркп. Мюнхен).

- 9 Там же, л. 596.
- 10 Тахир Вахид, Рийаз ат-таварих. Ркп. ДО ИВ АН СССР, л. 60а.
- 11 Куция К.К. Из истории социальных движений в городах сефевидского Ирана - НАА, 1966, № 2, с. 69-76.
- 12 Ркп. Мюнхен, л. 596.
- 13 Там же, л. 60б.
- 14 Исқандар Мунши, Зайл-и..., л. 42б.
- 15 Тахир Вахид, указ. соч., л. 80б.

М. А. Салахетдинова

"ЗАФАР-НАМЕ" МУКИМИ

Сочинение Мукими "Зафар-наме" посвящено одному из ярких представителей шибанидской династии Абдулла-хану II (991-1005/1583-1598). Оно содержит описание главным образом военных походов этого хана за период с начала 986/апрель 1578 г. до середины 988/июнь-июль 1580 г.

В настоящее время известны (и описаны) два списка этого сочинения, хранящиеся один в Институте востоковедения АН Узбекской ССР в Ташкенте¹, другой - в Институте востоковедения АН Таджикской ССР в Душанбе².

При характеристике душанбинского списка в каталоге неправильно указаны хронологические рамки событий, нашедших отражение в "Зафар-наме" Мукими. В частности сочинение это определено как "история десяти лет правления Шибанида Абдаллах-хана II³ (с 1578 по 1588 г.)", тогда как на самом деле в сочинении (в обоих списках его) повествуется о событиях, происходивших всего лишь в течение немногим более двух лет (1578-1580гг.).

При описании как душанбинского, так и ташкентского списков рассматриваемого сочинения указано только имя автора, но никаких данных о нем не приводится.

В предисловии к "Зафар-наме" Мукими пишет, что ему за срок лет⁴, отсюда можно заключить, что он родился в конце 30-х годов XVI в.

О Мукими нам удалось обнаружить данные в "Тазкират аш-шуара" Мутриби Самарканди, где сообщается следующее: "Мукими-и Самарканди известен как Хафиз-и Мукими. Он жил на улице Бустан-

-и хан и служил имамом. В начальный период жизни он был бедным, неимущим. Наконец от бедности он задумал нанизать на нить изложения и описания в стихах и прозе [рассказы] о том, как хакан, чье место в раю, [Абдулла-хан], повел войска в сторону Самарканда и [как] защищался Джаванмард-Али-хан. После завоевания стольного города Самарканда он представил [сочинение] покойному хакану и оно было одобрено благородной природой его величества. Хан оказал ему великий почет; куда бы он ни решался отправиться [в поход] с победоносными войсками, он брал [его с собой] и упомянутый Хафиз описывал происходящие события в хронологической последовательности. В течение долгого времени, многих дней [Мукими] исполнял эти обязанности⁵. Однажды при случайной встрече Мутриби спросил Мукими о том, сколько он написал стихов. Тот ответил, что всего написано им шестьдесят частей (джузв) и много кыт'а (кыт'аха)⁶. Мутриби сообщает также, что Мукими "легко разгадывал трудные му'амма"⁷.

Как видно из слов Мутриби, Абдулла-хану было преподнесено сочинение Мукими, содержащее лишь описание завоевания ханом Самарканда (986/1578 г.). Надо полагать, что Мукими впоследствии дополнил это сочинение, включив повествование о последующих событиях до взятия Абдулла-ханом Ташкента в 988/1580 г.

Точная дата сочинения в том виде, в каком оно представлено в двух упомянутых списках, неизвестна.

Краткий период истории Средней Азии, отраженный в "Зафарнаме" Мукими, был богат политическими событиями. Главными из них являются захват войсками Абдулла-хана Самарканда в 986/1578 г., завоевание Ташкента в 988/1580 г. и борьба Абдулла-хана против своего главного врага-правителя Ташкента и Туркестана Баба-султан ибн Науруз-Ахмед-хана (Борак-хана) и союзников последнего, среди которых постоянными за весь этот период были самаркандские султаны.

Эти события с большой подробностью изложены в "Шараф-намай шахи". Его автор, написавший свой труд по заказу Абдулла-хана, располагал многими данными, которые не были известны Мукими. В качестве примера можно привести следующий рассказ, имеющийся у обоих авторов.

Сын правителя Самарканда Джаванмард-Али-хана, Абу-л-Хайр султан, с помощью которого Абдулла-хану удалось захватить Самарканд, впоследствии пытался договориться с Баба-султаном о совместной борьбе против Абдулла-хана. Узнав об этом, Абдулла-

хан приказал убить Абу-л-Хайр-султана. Мукими пишет, что к такому решению Абдулла-хан пришел под влиянием брата Баба-султана, Дарвиш-хана⁸, ставленника Абдулла-хана на престоле Самарканда. Влияние Дарвиш-хана на Абдулла-хана в этом вопросе действительно, могло иметь место, поскольку Дарвиш-хан знал о намерении Абдулла-хана назначить Абу-л-Хайр-султана правителем Самарканда.

Хафиз-и Таныш ничего не сообщает о причастности Дарвиш-хана к судьбе Абу-л-Хайр-султана, а пишет о совете, созванном Абдулла-ханом, где хан предъявил Абу-л-Хайр-султану обвинения из 9 пунктов, после чего вынес решение казнить его⁹.

Оба автора, повествуя о битве за Ташкент, акцентируют свое внимание на разных аспектах. Хафиз-и Таныш обращает большое внимание на описание расположения войск Абдулла-хана, картины боевых действий и применение различных технических средств, с помощью которых ханским войскам удалось захватить город. Мукими же уделяет значительное место показу состояния покоренного Ташкента и подвластных этому городу земель, их населения. В частности, он пишет, что после взятия Ташкента Абдулла-хан приказал, чтобы "уничтожили здания, кварталы (махаллат), базары, дворцы города Ташкента, а также полностью разрушили подвластные этому [Городу] Фарагат, Чинас, Шахрухию, а жителей [их], зная и простой народ, торгов и слуг [их] он переправил за упомянутую реку [Сырдарья] и переселил на окраинные земли областей"¹⁰.

Состояние завоеванного города Мукими передает в следующих стихах.

Зажгли в нем [Городе] огонь гнева,
Сожгли все дворцы и айваны,
Теперь там обитают лишь совы;
Не осталось мужчин и женщин.
Во времена хакана, обладающего высоким тронem,
Весь этот народ в большинстве [своем] оказался в плену¹¹

Хафиз-и Таныш лишь вскользь упоминает о приказе Абдулла-хана сжечь высокие здания Ташкента, он обходит молчанием факты, о которых пишет Мукими (чтобы не показать жестокость хана по отношению к населению завоеванных земель).

Мукими приводит и такие данные, которых нет в труде Хафиз-и Таныша. Так, например, он пишет, что в 987/1579 г. Баба-султан отправил к Абдулла-хану послание с просьбой о прощении. Под влиянием знати Абдулла-хан согласился удовлетворить просьбу Баба-

султана с условием, чтобы тот выдал свою дочь за сына хана Абд-ал-Му'мин-султана¹². В этом, повидимому, выразилось желание знати, установив близкие родственные отношения между Абдулла-ханом и Баба-султаном, побежденным, но все еще сильным противником хана, прекратить или хотя бы приостановить бесконечные изнурительные походы с целью преследования Баба-султана.

Мукими приводит и ряд других фактов, касающихся событий тех лет, о походах войск Абдулла-хана, об участниках их, а также об отдельных лицах. Эти данные важны как свидетельство очевидца событий.

Хотя сочинение Мукими уступает соответствующей части "Шараф-наме-йи шахи" Хафиз-и Танына в отношении полноты и подробности изложения политических событий рассматриваемого периода, тем не менее в ряде моментов оно дополняет сведения, содержащиеся в труде Хафиз-и Танына.

¹ Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР, т. IX, Ташкент, 1971, стр. 15, № 6014.

² Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР, т. I, Сталинабад, 1960, стр. 72, № 60.

³ Там же.

⁴ "Зафар-наме" Мукими, рук. ИВ АН Узб. ССР, № 6014, л. 2а.

⁵ Тазкират аш-шу'ара" Мутриби Самарканди, рук. ИВ АН Узб. ССР, № 314, лл. 142б-143а.

⁶ Там же, л. 143а.

⁷ Там же.

⁸ Рук. ИВ АН Узб. ССР, № 6014, лл. 24б-25а.

⁹ Рук. ИВ АН СССР D 88, лл. 228б-229б.

¹⁰ Рук. ИВ АН Узб. ССР № 6014, л. 93а.

¹¹ Там же, лл. 93аб.

¹² Там же, лл. 55б - 60б.

Л. П. Смирнова

ТЕГЕРАНСКАЯ РУКОПИСЬ "АДЖА' ИБ АД-ДУНИА"

'Аджā' иб ад-Дунйā — анонимная персидская география первой четверти XIII в. Рукописи ее редки, их всего три. Одна из рукописей — тегеранская — является предметом данного сообщения.

мент включает краткое предисловие (басмала отсутствует), начинающееся словами "чунйи гуйад Абу-л-Му'аййад-и Балхи..." ("так говорит Абу-л-Му'аййад Балхи..."). Рассказы отделены друг от друга, как и в кембриджской рукописи, словами "хикайат-и дйгар" ('другой рассказ'). Последовательность подачи рассказов в тегеранской рукописи несколько иная, нежели в ленинградской и кембриджской рукописях. Вначале приведены рассказы I-55 (в соответствии с их нумерацией в наиболее полном ленинградском списке), затем I51-I83 и затем 56-I47. Рассказ I47-й о пророке Давиде (л. 2b) не закончен, следующий лист не сохранился. В тегеранской рукописи отсутствуют в основном те же рассказы, что и в кембриджской⁵. Исключения составляют рассказы I53, I54, I56, I59, I62 и конец рассказа № I51, в отличие от кембриджской рукописи здесь присутствующие.

Особенности графики и орфографии текста тегеранской рукописи сводятся к следующему:

1) А в начальной позиции переписчик передает с помощью двух "алифов": ا или آ (реже), напр., ا (или آ), اب (или آب); в середине и исходе слов - обычно;

2) И в исходе слов обозначается как ي или как обычное ی (реже), в середине слов - как ی (с помощью обычных двух точек и небольшого "алифа" под ними).

3) п-б и ч-дж в написании, как правило, различаются; п, ч обозначены с помощью трех точек, но эти точки размещаются точно так, как в буквах "шин" и "се": چ, ش

К-г не различаются на письме;

4) конечное "т" в словах арабского происхождения передается через ة, напр., حيوانات 'قوت' (эм. حيوانات 'قوة').

5) отдельные слова сохраняют в тексте более старую орфографию, напр., سپيد, بلبل (= فلفل), некоторые приведены с огласовками, напр., مردی (л. I6), سودی (л. I6);

6) глагол-связка имеет двойное написание: либо пишется раздельно с предшествующим словом, либо слитно (реже);

7) глагольные приставки би- (به) и на- (نه) обычно написаны слитно с глагольным корнем (بيند, نبيند) и лишь в единичных случаях имеет место их раздельное написание (به بيند, л. I26), ср. ленинградский список, где раздельное написание всех глагольных приставок является правилом⁶;

8. предлог бе (به) во всех случаях написан слитно с примыкающим к нему словом.

В целом в тексте представлена орфография, характерная для поздних рукописей⁷, вместе с тем отдельные особенности орфографии и графики носят архаичный характер. Текст тегеранской рукописи во всем основном совпадает с текстом кембриджской (это касается общих ошибок, пропусков отдельных слов или пассажей, одинаковым сохранением полного текста в случае пропуска в ленинградской рукописи), и несомненно они обе изготовлены с одного протографа. Лишь в тех случаях, когда в кембриджской рукописи имеет место языковая и стилистическая модернизация (введение в текст современной переписчику лексики, типа "ал-хāсил", "аксар ал-оугāt" и т.п., замена лаконичного текста более пространном, экспрессивного порядка слов обычным и т.д.), текст тегеранской рукописи оказывается общим с текстом ленинградской. Если учесть, что текст ленинградской рукописи также подвергся стилистической правке, хотя в значительно меньшей степени, нежели кембриджской, то очевидно, что тегеранская рукопись представляет наиболее правильный старый текст.

کتاب فیضت نامه معروف به قابوس نامه تالیف امیر غفران¹
المعالی کیخاوس بن اسکندر بن قابوس بن وشکیر بن زیار با
مقدمه و حواشی سعید نفیسی، تهران، ۱۳۱۲، ص ۱۹۵

² Та'рих-и Систан, сс. 13, 21 прим. I; Сабкиннаси, II, с. 18-19; Lazard, Abu-l-Mu'ayyad-e Balkhi. - "Yādname-ye Yan Rurka", Prague, 1967, с. 95; ср. Л.П.Смирнова, Географическое сочинение Абу-л-Му'айяда Балхи, - "Мадне", 1976, № 3, с. 78-81.

³ Н.Д.Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке (новый источник по исторической географии Азербайджана и Армении). - "Ученые записки Института востоковедения АН СССР" 1954, т. IX, с. 175-210.

⁴ A Descriptive Catalogue of the Oriental MSS, belonging to the late E.G.Browne. Completed edited with a memoir of the author and a bibliography of his writings by R.A.Nicholson. Cambridge at the University Press, 1932, с. 93-94, C.A.Storey, Persian Literature of bio-bibliographical Survey, vol. II, pt. 1, London, 1958, с. 123-124.

⁵ Л.П.Смирнова. Кембриджская рукопись "Аджа'иб ал-Ашйа". - "Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока, XI годичная научная сессия ИО ИВ АН СССР (краткие сообщения

и автоаннотации), ч. I, М., 1975, с. 127-132.

⁶ Особенность, отмеченная Матини для рукописи "Шарх та'аруф", изготовленной в V/XI в., см. Dj. Matini, *Ecriture d'une partie de Sarh ta'arruf*, - "Revue de la Faculte des Lettres et Sciences Humaines de l'Universit  de Ferdowsi (Machhad). No 1, vol. 12, Machhad, 1979, с. 11.

⁷ دکتر جلال متینی " تحول رسم الخط فارسی از قرن ششم تا قرن سیزدهم هجری - « مجله دانشکده ادبیات مشهد » شماره ۳ ، سال چهارم ، ۱۳۴۷ ، ص ۱۳۵ - ۱۴۲ ؛

О.И.Смирнова

ЗАГАДОЧНАЯ НАДПИСЬ НА МОНЕТАХ ИЗ ВАРАХШИ

Среди согдийских монет особое место занимают монеты Западного Согда - монеты Бухарского оазиса, а среди последних группа бронзовых однотипных монет, в свое время привлечших к себе внимание В.А.Шилкина, крупнейшего среднеазиатского археолога.

По времени монеты отнесены исследователем к III-IV вв. н.э. Ареал их находок ограничивает территорию их обращения западной частью Бухарского оазиса, точнее районом древнейшего культурного центра - Варакши с ее великолепным дворцовым комплексом, стены зданий которого украшены чудесной росписью, открывающей нам замечательные страницы древних сказаний ираноязычных народов Средней Азии. Лицевую сторону монет из Варакши покрывает изображение рассвирепевшего двугорбого верблюда, представляющего зооморфную ипостась авестийского божества Варатрагны - Бога войны и победы, храмы которому, как известно, возводились в свое время в разных местах Средней Азии (рис. I). Обратную сторону таких монет занимают изображения раннесасанидских жертвенников, двуступенчатых или трехступенчатых, в зависимости от монетного типа. Монеты, а их сейчас известно более пятидесяти, анэпиграфны, кроме, насколько мне известно, трех. На двух из этих трех монет надписи одинаковые. Вот этим двум одинаковым надписям и посвящена предлагаемая вниманию читателя настоящая заметка.

Обе надписи на рассматриваемых монетах состоят каждая из двух слов, обрамляющих жертвенник слева и справа, заменяя собой обычные для сасанидских монет фигуры жрецов. Одна из них почти

стерта. Зато другая великолепной сохранности. Однако, даже она, на первый взгляд ясная и четко выписанная, оказалась загадочной и некоторое время не поддавалась чтению. Оказалось, что письмена надписи, хотя и явно имеющие черты, схожие с письменами согдоязычных двухтипных по письму памятников Бухарского оазиса, имеют обратный наклон, т.е. слева направо, а не справа налево, как это характерно для последних; кроме того, концы ее букв внизу загнуты налево, а надпись в целом имеет несвойственную бухарским изящную витиеватость. А что, подумалось мне, если надпись зеркальная, ведь наклон ее букв другой, а изгиб их обратный. Взяв негатив и повернув его обратной стороной, стала смотреть его на свет. И тотчас оба слова, составляющие надпись, определились (рис.3). Оказалось, что надпись бухарская и, вероятнее всего, содержит двухсоставной хорошо известный титул бухарских владык, $\text{pw}\text{f}'\text{r}\text{f}\text{w}\beta$ "хваб Бухары" (или "хваб бухаров"), т.е. такой же, как в надписях на серебряных монетах бухархудатов, носивших последний, как полагают, начиная с V в. Однако, известную неясность вносит написание первой буквы в слове $\text{pw}\text{f}'\text{r}$ надписи, которое допускает вариант чтения последней $\text{tw}\text{f}'\text{r}\text{f}\text{w}\beta$, вместо $\text{pw}\text{f}'\text{r}\text{f}\text{w}\beta$, и надпись в целом может содержать титул тохарских владык области, неизвестных нам до сих пор, носивших в таком случае титул, равный по значимости титулу бухарских ее владетелей. И такой согдо-тохарский титул известен. Не ясно очерчена и трехбуквенная его часть $\text{f}\text{w}\beta$ (кроме начального f).

И все же надпись на монетах с изображением верблюда действительно оказалась зеркальной. Почему - вопрос другой.

Что касается содержания ее, то оно позволяет (независимо от возможных уточнений) установить принадлежность всей группы монет в целом бухарским или тохарским местным владыкам в зависимости от ее чтения. В первом случае это были бухархудаты, носившие, следовательно, свой титул $\text{pw}\text{f}'\text{r}\text{f}\text{w}\beta$ уже в III в., причем резиденцией их была Варахша. При другом толковании надписи последует и другой вывод, а именно в III-IV вв. в Варахше сидел тохарский князь, носивший титул, равнозначный титулу позднейших бухарских, что менее вероятно. Во всяком случае для подобного утверждения понадобится хотя бы еще одна такая же монета с не менее четкой надписью, которой у нас пока нет.

Независимо от разрешения столь важного вопроса, поскольку изображение двугорбого верблюда засвидетельствовано на бронзовых, т.е. местных монетах Варахши, а на оборотной стоит титул ее вла-

дык, мы в полном праве утверждать, что покровителем города был Бог войны и победы Варатрагна, а изображение двугорбого верблюда (зооморфной ипостаси последнего) было оберегом города и одновременно его гербом. Такой вывод подтверждается рисунками престолов с подножьями в виде двугорбых верблюдов в настенной росписи из Варахши. Позже, судя по китайским источникам, таков же был герб города Бухары, ее оберег.

О. И. Смирнова

К МЕТОДИКЕ ПЕРЕВОДА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ

(«История Бухары» Наршахи)

В последнее время автор статьи занимался переводом интереснейшего мусульманского источника по Средней Азии Хроники Бухары, известного под названием Летописи Наршахи.

При работе над переводом внимание привлекли стилистические неровности, синтаксические и лексические различия языка источника, в частности его терминологии.

Аналогичные наблюдения были сделаны нами во время перевода Сборника Летописей Рашид-ад-дина (1247/8-1318 гг.) и при работе над другими историческими сочинениями. Что касается Сборника Летописей, то причина неоднородности персидского языка отдельных его частей объясняется разноязычностью и разновременностью использованных в нем источников, переводы из которых составляют их основу. Очевидно, так же обстоит дело и с другими неоднородными по языку сочинениями, в частности с Историей Бухары. Во всяком случае все они, как и Сборник Летописей Рашид-ад-дина, представляют собой компиляции из разных работ (таснифы). Составленные (саннафа) частично, а иногда и полностью из разновременных и, как правило, разноязычных трудов, они зачастую представляют собой своеобразную мозаику иногда четкого рисунка, иногда нет.

Перевод сочинений компилятивного характера имеет свои трудности, требующие от переводчика ясного представления не только о переводимом сочинении в целом, но и об его источниках и о методе их использования составителем. В этом отношении может быть показательной так называемая История Бухары Наршахи – первоклассный, на наш взгляд, образец персоязычной компиляции. В отличие от Свода Летописей эта компиляция вторичная и разновременная. Пояс-

ню свою мысль. Как известно, рукописи Истории Бухары содержат позднейшие редакции персидского сокращенного перевода арабоязычного сочинения Наршахи¹. Судя по этим редакциям, труд Наршахи принадлежал к числу историко-географических компилятивных сочинений, появившихся в мусульманском мире в конце IX в. и представляющих новую их форму, которую можно было бы назвать научно-популярной. В основной текст таких сочинений вставлялись разнообразные сведения и развлекательные рассказы, "облегчавшие" их чтение, предназначались же они для широкого круга образованных людей (адйбов)². И хотя эта новая форма в те времена многими не одобрялась, но именно она оказалась наиболее жизненной и не позже X в. закрепились в среднеазиатской среде.

Посвященная Саманиду Нуху (943-954 гг.), История Бухары была написана Наршахи на арабском языке и поднесена им Нуху в 943 или 944 г. Ее перевод на персидский язык был выполнен в 1123 или 1129 г. по просьбе друзей ферганцем Кубави, несколько сократившим сочинение за счет "ненужных и нагоняющих скуку мест" и продолжившим его историческую часть. Одновременно он дополнил компиляцию Наршахи извлечениями из других сочинений, а также хадисами и вставными эпизодами и рассказами. Редакторы сочинения Кубави (Мухаммад, сын Зуфара, и др.), составившие (в том же XII в. и позже в XIII в. и в XIV в.) свои сокращенные варианты его Истории Бухары, в целом сочинения не меняли, а лишь последовательно дополняли его, по примеру Кубави, извлечениями из других письменных и устных источников, хадисами и рассказами разного происхождения, подобранными на определенные сюжеты. Эти добавления придавали разновременным редакциям Истории окраску, отражающую социальные тенденции редакторов. Поэтому принадлежность таких дополнений следует по-возможности акцентировать переводом.

Отсылки к разным авторам, которыми пестрит текст Истории Бухары, четко определяют дошедший до нас его персидский вариант, как компилятивное сочинение. Однако такие отсылки в ряде случаев опускаются составителями текста, и исследователи считают в этих случаях текст испорченным. Примером могут служить приводимые в Истории Бухары непосредственно друг за другом противоречивые известия о полулегендарной, но исторически реальной личности Муканна ("Покрытолицего") - вождя среднеазиатских "белоодежников". В действительности же эти известия представляют выдержки, тематически подобранные из разных источников (без отсылок). В таких случаях приводимые в компиляции сведения не надо стараться, как

это обычно делается, увязывать между собой логически. Наоборот, их противоречивость желательно подчеркнуть, хотя бы абзачными отступами.

Прямая зависимость языка Истории от источников заимствования зачастую очевидна. Перевод должен выявлять эту зависимость особенно отчетливо и приводить его к единой норме не нужно. Разновременные редакции отражают язык соответствующего времени. Естественно, что говорить об едином языке Истории Бухары, значительную часть которой составляют выдержки из разных сочинений, о единстве ее стиля, синтаксиса и лексики не приходится. В этом плане особо важны места Истории и компиляций вообще, содержащие личные наблюдения составителя оригинала, его переводчика и редакторов, вводимые в текст рассказы, записанные ими самими со слов своих информаторов, и т.д. Точность перевода в таких случаях крайне важна; отчетливо выделяются старейшие части сочинения, определяется лексика, принадлежащая разным источникам, "разнобой" их терминологии.

При этом важно зафиксировать переводом языковые особенности текста разных частей компилятивного оригинала, отнюдь не стараясь, скажем, разнообразить простоту (лаконичность) языка, кажущуюся скудость образов старейших его частей. По тем же причинам не следует стремиться к единству стиля перевода компиляции, что в итоге неизбежно создаст ложное представление об оригинале.

При "многослойности" текста компиляций, определяемой разновременностью ее источников, особое значение приобретает установление конкретного значения слова, определяемого контекстом (не словарями), и его русского эквивалента. Возьмем в качестве примера традиционное название глав в Истории Бухары - зикр. Ни одно из значений последнего, даваемых словарями, не раскрывает в данном случае конкретного его содержания. Исходя из собирательного значения слова з и к р - в арабском "воспоминание (о прошлом)"; "то, что содержит память", - передача его русским "памятные записи" представляется наиболее точным. И, действительно, такая передача названия этих глав в русских переводах средневековых сочинений, в том числе и в Истории Бухары, четко определит для читателя их структуру и содержание, составленное тематически и хронологически подобранными выписками из разных источников.

При компилятивном характере переводимого источника, скажем, той же Истории Бухары, особенно важной представляется отра-

ботка словаря источника в его терминологической части. Так, "разнобой" в его терминологии, который перевод обязан зафиксировать, не только помогает выявить характер компилятивности сочинения, а следовательно и степень ценности отдельных его мест как источника, но одновременно раскрывает эволюцию самой лексики. Поэтому для ориентировки читателя, в тех случаях, когда в переводе дается не сам термин, а его перевод (русский приближенный эквивалент) желательно, а при полисемантизме термина обязательно сопровождать его передачу транслитерацией, даваемой в скобках.

В этом отношении показательны два термина, употребляемые в Истории Бухары параллельно: *к у х а н д и з и к а д а*, оба в одном и том же значении "citadelle", причем первый из них характеризует старейшие ее источники. Приведем другой пример. В той же Истории Бухары для обозначения городских ворот употребляются, как и в первом случае, два разных слова *д а р и д а р - в ā з а*, также передаваемые обычно исследователями одним и тем же словом "ворота". Первое из них, т.е. *д а р*, в данном употреблении встречается только в старейших местах сочинения, в которых оно прилагается к воротам внутреннего (старого) города, т.е. доарабского, или его citadelle, тогда как второе — *д а р - в ā з а*, как правило, обозначает ворота пригородов и употребляется более поздними источниками нашей компиляции, причем оно же ими переносится уже и на ворота внутреннего города. Различают терминологически городские и пригородные ворота и ранние арабские источники, в частности географы. В их трудах первому из этих терминов, персидскому *д а р*, соответствует арабское *б ā б* "двери" (> "ворота"), второму, *д а р в ā з а*, — арабское *д а р б*, собственно "проход" (> "ворота"). Причем, оказалось, что при описании среднеазиатских городов ранние арабские географы, как и зависящие от них позднейшие, словом *дарб* называли не только ворота в стене (рабад), окружавшей предместье, но равно и проходы или проезды, т.е. дороги, пролежавшие через предместье до того, как была возведена его стена. Фиксировать указанную разницу переводом необходимо. Для истории развития города она существенна. Первому из них — *д а р*, судя по тексту Истории Бухары, соответствует русское "двери", учитывая емкость этого обозначения, второму — *д а р в ā з а* — "ворота" (< "проем в стене") или "проезд" (т.е. дорога) в зависимости от контекста. Перевод термина должен сопровождаться его транслитерацией.

Без перевода в компилятивном сочинении должны оставаться "разновременные" термины, характеризующие источники его заимствования и вошедшие в научный обиход, скажем такие, как *падшах* и *султан*, независимо от их терминологического (политического) значения.

Исключение представляют термины, характеризующие эпоху, такие, например, как *с а р ā й* (< согд. *srwγ*), получившие как термин широкое распространение в Средней Азии саманидского времени. Принятый для него перевод "дворец" не отражает его новоприобретенного социального содержания, которому соответствует (почти адекватно) русское "двор" в старом своем значении, легшем в русском языке, как и *с а р ā й* в Средней Азии, в основу целого круга терминов соответствующего времени.

Для ранних персидских компиляций характерна в той или иной степени двуязычность, определяемая, в частности, методикой перевода с арабского на персидский (например, цитирование составителем компиляции первых строк своих источников), что иногда упускается из виду переводчиками и может привести к нежелательным результатам. Так, начало известного письма Муканны к *дихканам* Согда, цитированное в *Истории Бухары*, принято переводить "Я, Хашим, сын Хакима, такому-то от такого-то". Между тем, персидское местоимение "я" пишется так же, как арабский предлог "от", т.е. *o* (без огласовки). И если прочесть эту цитату по-арабски, а не по-персидски, как это делалось до сих пор, то первая фраза письма звучит совсем иначе, а именно: "От Хашима, сына Хакима. Такому-то от такого-то". А такова была, как известно, формула эпистолярного обращения согдийцев и уструшанцев, и именно она оказалась зафиксированной в одной из цитат *Истории Бухары* и не была отмечена исследователями ее текста. При работе над переводом компилятивного сочинения такую возможность надо всегда иметь в виду.

Итак, при переводе компилятивного сочинения прежде всего необходимо определить источники, использованные его составителем. Выдержки из них желательно выделить абзацами, что придаст переводу четкость и дополнительно зафиксирует (пусть внешне) степень и характер его компилятивности. По той же причине стилистические и другие неровности языка компилятивного сочинения переводом сглаживать нельзя, так как они принадлежат оригиналу и определяются его источниками. При двуязычности компиляции, текст на втором языке желательно выделять, например, курсивом.

Таким образом, основные требования предъявляемые не к филологическому переводу вообще, а к переводу компилятивного сочинения (таснийф) — максимально точная передача оригинала, фиксирующая особенности лексики, синтаксиса и стиля его источников в каждом отдельном случае. Иными словами, перевод компиляции должен стать для специалиста не востоковеда заслуживающим доверия хронологически раскрытым и документированным источником.

Изложенное отнюдь не претендует на полноту охвата затронутого вопроса, а ограничивается его постановкой.

¹ Подробней о редакциях Истории Бухары см. Н.Д.Миклухо-Маклай. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения, выпуск № 3, 1975. Исторические сочинения, № 386.

² К характеристике арабских компилятивных сочинений конца IX в., в частности, Истории Бухары Наршахи, см. Академик И.Ю.Крачковский. Избранные сочинения, т. IV, Арабская географическая литература, с. 156, 163-164.

А.Т.Тагирджанов

РУКОПИСИ ПОЭМ АТТАРА В СОБРАНИИ БИБЛИОТЕКИ ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА ЛГУ

В рукописном фонде библиотеки Восточного факультета ЛГУ широко представлено творчество Фарид ад-Дина 'Аттара. Имеются списки поэм "Асрар-наме" 743/1342-1343 г. и "Хусрау-наме" (которого нет в собрании ЛО ИВ АН), два списка поэмы "Мусибат-наме", восемь списков поэмы "Панд-наме", девять списков поэмы "Мантик ат-тайр", отдельный список поэмы "Шейх-и Сан'ан", который хранится в комнате редкостей фундаментальной библиотеки ЛГУ, список сборника четверостиший 'Аттара и список поэмы "Исламия". Имеется список комментария к поэме "Панд-наме", написанного турецким ученым Шам'и. В собрании представлены также списки поэм, приписываемых 'Аттару — список поэмы "Джавахир аз-зат" и два списка поэмы "Булбул-наме", список "Бисар-наме", — написанных в действительности шиитским автором Фарид ад-Дин 'Аттаром Тунй, жившим в Мешхеде в XV в. Имеются два списка "Васлат-наме" другого шиитского автора Зайн ад-Дина Мухаммад ибн Ибрахим ибн Мустафа ибн Шабан 'Аттар Хамадани, убитого в 727/1326-1327 г.

Представляет определенный интерес круг читателей поэм 'Ат-тара. Из рукописей поэмы "Панд-наме", хранящихся в рукописном фонде библиотеки Восточного факультета, четыре списка более или менее полных и два фрагмента переписаны в Средней Азии в конце XIX в.

"Панд-наме" 'Ат-тара много читали в Поволжье не только учащиеся медресе в деревнях, но и девушки, учившиеся у жен улемов, некоторые женщины знали наизусть много стихов из этой поэмы 'Ат-тара. "Панд-наме" переписывали в сельских медресе с подстрочным татарским переводом, потом неоднократно издавали с подстрочным или отдельными переводами. Один из списков Казанского университета переписан Йусуф ибн 'Абд ал-Каримом Булгарий. Переписчик старался сделать перевод понятным для простого читателя. Так, в стихе о том, что падишаху-тирану, угнетающему народ, не помогут слоны и войско, переписчик перевел "не помогут солдаты и драгуны". 'Ат-тар в этом бейте как бы предсказал события нашего времени.

Другой список "Панд-наме и список поэмы "Исламия" имеются в составе сборных рукописей №№ 918 и 919. Интересно, что эти рукописи в числе рукописей 912-921 были привезены Плаховым из киргизских степей в 1885 г. Из них переписаны в Средней Азии №№ 912 и 915 - поэма "Йусуф и Зулейха" Назима и "Маджалис ал-'ушшак", написанный эмиром Камал ад-Дин Газиргахий для султана Хусайна Байкара. Остальные рукописи переписаны в медресе татарских деревень разных районов с подстрочным татарским переводом слов и выражений. Среди них "Гулистан" и "Бустан" Са'дий, книги по фикху на арабском языке, "Сборник газелей" Са'иба, "Дурр ал-Маджалис" Сайф Зафара ал-Бухарий, арабская книга, в которой дано описание загробного мира.

Рукопись 918 содержит, кроме поэмы 'Ат-тара "Исламия", две большие арабские касиды с подстрочным персидским и татарским переводами, грамматическим анализом всех стихов и комментариями на арабском языке. В ней представлены еще: 1) "Сборник газелей" Фирриште (Мухаммад Касим Хиндушха Астрабадий, автора капитальной истории Индии, доведенной до 1607 г.); 2) "Китаб-и саваних-и сафар-и Хиджаз" Баха' ад-Дина 'Амий, известного иранского ученого и поэта, умершего в 1621 г.; 3) "Панд-наме" Махмуда; 4) Стихотворный трактат по фикху Шараф ад-Дина Бухарий, написанный в 693/1295-1296 г.

Сборная рукопись 919 содержит, кроме "Панд-наме" 'Ат-тара, еще: 1) "Панд-наме" Са'дий Ширазий, 2) "Панд-наме" Махмуда,

3) "Панд-наме" Фаганӣ, 4) "Сборник газелей" Фириште и 5) указанный трактат Шараф ад-Дйна Бухарӣ. Все вышеуказанные поэмы переписаны с татарским подстрочным переводом. Остается загадкой, каким образом эти рукописи попали в киргизские степи и как они оказались в руках Плахова.

Из девяти списков поэмы "Мантик ат-тайр" наиболее старым датированным является № 1083, который переписан в 1017/1608-1609 г. в Ахмад-Абаде (Индия). Список значительно отличается от парижского издания Гарсина де Тасси. В середине (стр. 80-112 изд. изд.) имеются добавления отдельных рассказов, и во многих рассказах добавлены бейты, отсутствующие в издании, а в дальнейшем (до стр. 183 изд.) опущены отдельные рассказы или разделены заглавиями.

Следующий датированный список поэмы № 89 переписан в татарском медресе деревни Адай в 1732 г. с татарским подстрочным переводом. Этот список почти полностью совпадает с парижским изданием, разница лишь в том, что не употреблено заглавие "мақала".

Третий датированный список переписан в Иране в 1255/1839-1840 г. неким 'Аскар ом ибн Хусайн Урдубадӣ. В списке в разных рассказах добавлено значительное количество бейтов, которые отсутствуют в издании и в списке № 89. Шиитский переписчик опустил главы о первых трех халифах и в дальнейшем встречающиеся имена Абӯ Бакр и 'Умар перевернуты вверх, как , . Мало того, в главе о фанатизме, где 'Аттār осуждает враждебное отношение к Абӯ Бакру и 'Умару, переписчик заменил слова "эти два вождя" (ин дӯ муқтадā) выражением "эти две свиньи" (ин дӯ хук-хā).

Другие списки, переписанные в Средней Азии, дефектны, в трех из них имеется большинство рассказов, но они расположены не в таком порядке, как в издании, части отдельных рассказов присоединены к другим рассказам. Остальные списки сокращены так, что после рассказа "Шейх-и Сан'ан" содержат лишь несколько рассказов.

Список № 1043 "Асрār-нāме" - дефектный, без начала, привезен из Ирана А.А.Ромаскевичем.

Рукопись № 380, содержащая поэмы "Хусрау-нāме" и "Мусйбат-нāме", из собрания Казим-бека, куплена в Кирманшахане в 1303/1885-1886 г. Рукопись № 989, содержащая "Мусйбат-нāме" и "Чет-

веростишия" 'Аттāра, включает еще и список поэмы "Васлат-нāме" шиитского автора, привезены из Ирана В.А.Жуковским.

Са'ид Нафисī доказал, что все поэмы шиитского содержания не принадлежат 'Аттāру. Правильность его мнения ясно показывают подлинные произведения 'Аттāра. В его поэмах имеется восхваление четырех халифов. В "Мусйбат-нāме" приведено и восхваление Хасана и Хусайна и суннитских имамов. В "Хусрау-нāме" - имеется восхваление четырех халифов, Хасана и Хусайна, Абū Ханийфы, Шайх 'Али и шейха Са'д ад-Дин Забйба. В "Панд-нāме" упомянуты также и суннитские имамы Малик и Ахмад ибн Ханбал. Осуждение фанатизма содержится в поэмах "Асрār-нāме", "Мусйбат-нāме" и особенно подробно в "Мантик ат-тайр".

Подписано к печати 02.06.82. А-11166
Усл. п.л. 9,5. Усл. кр.-отт. 9,625. Уч.-изд. л. 10,34.
Тир. 200 экз. Зак. 165. Цена 1 р. 60 к.

Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

1 р. 60 к.